AGBIN

АЛЬМАНАХ ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА В МОСКВЕ

No1(2)/2016

Выражаем благодарность за финансовую поддержку Словацкому институту при Посольстве Словацкой Республики в РФ и Литературно-Информационному Центру в Братиславе (Словацкая Республика)

Должен признаться, я не мог и предположить, что первый номер альманаха «Девин», который издало Общество Людовита Штура, функционирующее при Словацком институте в Москве, вызовет такой живой интерес. Особенно меня радует не только интерес к нему в российской столице, но и то, насколько благожелательно он был встречен словацкими СМИ. На это событие откликнулось более десятка периодических изданий в Словакии, в том числе «Словенске погляды», «Литерарны тыжденик», «Нове слово», «Учительске новины», «Словенске народне новины», «Актуалиты», «Тераз» и др. Экземпляры «Девина» буквально исчезают со стендов Словацкого института во время торжественных открытий выставок или иных мероприятий. Он пользуется популярностью у русских переводчиков, которые проводят у нас свои регулярные встречи, у слушателей курсов словацкого языка, а также просто у посетителей Словацкого института. Люди берут альманах, чтобы узнать что-то новое и поучительное, касающееся словацкой культуры, литературы, жизни и творчества Людовита Штура. Небольшой по объему, он способствует росту интереса к Словакии. А ведь это и есть одна из главных целей деятельности Общества Людовита Штура — объединить всех словакистов, а также всех тех, кто интересуется Словакией, кто стремится популяризовать словацкий язык и словацкую литературу, словацкую культуру. В этой связи хочу выразить свою благодарность председателю Общества Людовита Штура, профессору Алле Германовне Машковой, которая взяла на себя большую часть забот, связанных с его деятельностью, и которой удается, с участием коллег, нести на своих плечах это бремя, спокойно и уверенно, с улыбкой на устах и особым шармом.

Немало интересных статей и информации вы увидите и во втором выпуске альманаха «Девин». Есть в нем и упоминание об актере, дикторе, сценаристе, режиссере, педагоге и, не в последнюю очередь, распространителе итуровских идей и традиций — Юрае Сарваше. Не случайно он стал первым гостем, приглашенным на собрание Общества Людовита Штура. По возвращении в Словакию Сарваш сказал в своем интервью газете «Словенске народне новины»: «Я пережил много волшеб-

ных минут, цитируя Штура в Москве». Он также высоко оценил издание альманаха «Девин».

Несмотря на то, что этот альманах еще дитя, он начал свой жизненный путь смело и уверенно. И я убежден, что так он пойдет по жизни и дальше и будет привлекать к себе все больше и больше читателей — людей, которые будут его любить и с нетерпением ждать следующего выпуска. Я надеюсь, что после прочтения второго номера этого журнала вы поверите мне, и мои слова станут для вас реальностью!

Ян Шмигула, директор Словацкого института в Москве, советник по культуре

Москва, март 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

	Стихотворения Людовита Штура в переводах В. Преснякова)	9
	Штур Л. Тутешествие в Лужицкие земли (перевод Н. Шведовой)	16
	Штур Л. Славянство и мир будущего (перевод В. Ламанского)	24
	Цва письма Л. Штура И.И. Срезневскому перевод Е. Курсаковой)	30
	ІЮДОВИТ ШТУР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ	
]	Гюдовит Штур в воспоминаниях Йозефа Милослава Гурбана отрывки, перевод Л. Широковой)	33
J	НАШИ СОВРЕМЕННИКИ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ	
<	Подрацка Д. «Ордер на арест Штура» главы из книги, перевод А. Машковой)	38
	Малити Франева Э. Дом Штура (перевод Л. Широковой)	50
1	Оранёва Я. Блюдечки серебряные, посудины отменные перевод Л. Широковой)	59
(СЛОВАЦКО-РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ	
1	Браксаторис М. Словацко-русские лингвокультурные и культурно-политические параллели в лингводидактической практике	102
_	Машкова А. К истории русско-словацких литературных связей	110
	Словацкие книги в русских переводах библиография, составитель А. Бырина)	124

Машкова А.	
Пушкин в Словакии	129
Сугай Л., Ковачова М.	
Пушкин и Бродзяны	137
•	
Стихи словацких поэтов	1.47
о Пушкине	14/
КУЛЬТУРА СЛОВАКИИ	
Оришко III.	
Романская архитектура в Словакии	
(сокращенный перевод Е. Майоровой)	155
ПРЕДСТАВЛЯЕМ	
Бырина А.	164
Павел Виликовский	164
Виликовский П.	
Телохранительница (перевод А. Быриной)	167
вспоминаем	
Машкова А.	
Мастер исторической прозы.	
К 150-летию со дня рождения Ладислава Надаши-Еге	174
Курсакова Е.	
«Рыдания обнаженной души»	
К 140-летию со дня рождения Ивана Краско	180
Шведова Н.	
«Если однажды взорвется вселенная»	
К 100-летию со дня рождения Рудольфа Фабри	184
Широкова Л.	
К 80-летию со дня рождения Винцента Шикулы	191
•	1/1
Шведова Н.	
«Капитан запаса» К 20-летию со дня смерти В. Минача	106
1 20-жинию со оня смерти D. Миничи	170

ИЗ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ СЛОВАКИСТОВ

Шульгина Н.	
Прошлое, которое всегда со мной	204
ХРОНИКА	
Левшунов Н. 200-летие со дня рождения Людовита Штура	220
	220
Машкова А. Российский стенд на Международной книжной выставке-ярмарке «БИБЛИОТЕКА» в Братиславе	222
Шведова Н.	
Взлет орла (Вечер с Юраем Сарвашем)	224
Машкова А. Презентация новых изданий	226
новые книги	
Кубишова Г.	
Творческое возвращение к личности Штефана Крчмеры	
(рецензия на книгу Йозефа Татара	
«Творческий портрет Штефана Крчмеры,	
Банска Быстрица, 2015)	229

ДЕВИН. АЛЬМАНАХ. № 2. 2016 **7**

В Зволене есть несколько памятных мест, связанных с именем видного политического и общественного деятеля середины XIX века Людовита Штура. В октябре 1847 года он представлял словацкий народ в венгерском парламенте от города Зволен. Его избрание произошло в здании, которое находится на площади Словацкого Национального Восстания. На его фасаде имеется памятная доска об этом событии.

На той же площади за католическим храмом святой Елизаветы есть небольшой сквер, названный в честь Людовита Штура. В его центре на массивном бетонном пьедестале установлен бюст Штура. Людовит Штур, запечатленный в бронзе, смотрит на Зволенский замок. На пьедестале бронзовыми буквами написано: «Людовит Штур — депутат от города Зволен в венгерский парламент в период с 1847–1848 г.».

Мемориал Штуру разработал известный скульптор Ян Кулич. Общую концепцию изобразительного решения предложил архитектор Ян Лацко. Памятник открыли в присутствии первых лиц городского совета Зволена в 1965 году. В конце прошлого века памятник разрушили вандалы: бюст Штура из-за высокой стоимости металла, из которого он изготовлен, был украден. В 2005 году скульптор Ян Кулич за свой счет восстановил памятник. Сейчас его украшает точная копия оригинального бюста Людовита Штура, на этот раз выполненная из железа.

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЮДОВИТА ШТУРА

(в переводах В. Преснякова)

КРИВАНЬ

Кривань! На твоей поднебесной вершине, С которой ты гордо на Татры взираешь, Я тихо стоял изумлённый... Доныне Я помню то чувство, когда обнимаешь И землю, и небо душой просветлённой, И с ветром летаешь, в мир божий влюблённый.

Так древний твой дух горделивый вселился В смущённую душу... Я к небу тянулся Весёлою песней, и птицею вился, И лёгкой травинкою робкою гнулся... Могучий Кривань! В небеса подымаешь — И тут же в объятья свои призываешь.

Прекрасные страны с высокой вершины (дороже мне всех, что бывают на свете) Я видел: толпились в зелёных долинах Единой семьи разлучённые дети... На севере — избы печальные Польши, Словакии грустные виды — на юге.

Владимир Пресняков — поэт, член Российского межрегионального союза писателей (Санкт-Петербургское отделение), член Союза переводчиков России. Автор поэтических сборников «День» (1997), «Ленинград» (2008), «Сирень» (2011).

8 ДЕВИН. АЛЬМАНАХ. № 2. 2016

Священный Кривань! Облаков победитель, Славянского мира венец благородный! Века улетают, как хищные птицы, Меняются страны, стареют народы... Лишь ты не сгибаешься царской главою — И мы приближаемся к Богу с тобою.

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Один лишь раз, ещё хотя бы раз, Приди, приди к нам, дорогая мать! Ты видишь: сердце каждого из нас Тебя готово ласково обнять.

У мёртвых всех — безмолвия печать. Но если б в рай к тебе хоть иногда Слух залетал про здешнюю печаль, Ты прилетела б ангелом сюда.

Мечтали мир построить — словно дым Мечты рассеялись о мире том. С надеждой робкой в прошлое глядим — Находим утешенье только в нём..

Во время то мы обращаем взгляд На тот безоблачный блаженный край, Где расцветал чудесный, дивный сад — Черт материнских светлый, добрый рай.

Но — в прошлом всё! Уж многие друзья Опередили нас, не пожалев. Угасла жизни алая заря, Затих навеки слалостный напев.

И что теперь? Нам истину открой, Скажи нам, мать! Ответьте, небеса! Надежды все — вон там, за той горой, — Иссохли, как вчерашняя роса. Застыла жизнь, как мёртвая змея. И если б ты вернулась хоть на час, Тебе бы опротивела земля— Боюсь, ты вновь покинула бы нас.

Наверно, сладко ангелы поют. На песни их не надо отвечать. А тут сомненья тяжкие грызут — Высокий гнев, глубокая печаль.

И лишь когда навеки мы придём К тебе, родимая, в небесный край, — Тогда окинем взглядом окоём, Где мы с тобой земной узнали рай.

НЕСТОРУ СЛОВАЦКОМУ ЮРАЮ ПАЛКОВИЧУ

Завывали ветры, И дожди хлестали, Мутные потоки Грозно наступали.

Воют годы-ветры, Всё грозят бедою. Тучи заливают Божий мир водою.

Во долине ровной Есть лесок дубовый. Он стройнее, крепче С каждым годом новым.

Как лихие ветры Нападут бедово — Унесут далёко Жёлуди дубовы. Всё крепчают ветры, Роща сиротеет. Дубки наклонились, Вода леденеет.

Коли рухнет старший, Прошумев листвою, — Будет, будет роща Полной сиротою.

Листва опадает — С собой ветки манит. Горюй, край родимый: Твоя краса вянет.

Один лишь могучий — Всем дубкам слава: Назло ветрам злючим Застыл как скала он.

Режут землю волны, Буруны всё злее, И дуб непокорный Глядит всё грустнее.

Устоишь ли, статный, В битве не побитый? Или тоже рухнешь, Богом позабытый?

Налетели ветры, Нахлынули воды. Утекли эпохи, Прошли года-годы.

Но стоит скалою Славный дуб могучий: Зря ярились волны, Зря грозили тучи.

Часы убегают, Ускользает время. В родимую землю Роняет дуб семя.

И шумят листвою Дубки молодые. Их ласкает старый Ветвями седыми.

Радуется, нежно Листвой укрывает... Ветерок лишь лёгкий Дубки обвевает.

Так и ты, высокий,
Ты, поэт народный,
Палкович, отчизны
Корень благородный:
Любишь — по-отцовски,
Помогаешь — братски.
И тебе за это
Вечно благодарен
Весь народ словацкий.

НЕЗАБУДКИ ДЕВИНА

- Девин, милый Девин, замок опустелый! Кем твои, поведай, возводились стены?
- Стены мои помнят руки Ростислава. Он отец наш добрый, он отчизны слава.

А теперь стою я грустно, одиноко: Ветер нашу славу всю унёс далёко.

- Милый Девин, время вдаль уносит беды. А победы помнишь? Над врагом победы?
- Помню всё: победы, по героям тризны Тем, что не жалели жизни для отчизны.

Было время: стены лавром расцветали. Нынче ж, на чужбине, все цветы увяли.

Лишь печальный взгляд мой тешит себя долго Прахом Славимира, тенью Святополка.

Вот стою старею пусто и бесславно, Не от лет седею — от печали давней.

И слеза порою взгляд мой омрачает И сестры Моравы воды замутняет.

И бежит Морава мутная к Дунаю, А мои всё стены ближе, ближе к краю

Пропасти глубокой... Шепчутся вершины: «Вон тот замок дряхлый, лысый от кручины,

С кручи наклонился... Упадёт уж скоро...» Солнышко ласкает, заходя за гору,

Тёплыми лучами, с жалостью глубокой. Но стою, живу я, хоть и одиноко...

Сыновья на тризну — рано! — не приходят. Только ночью тяжко, когда свет уходит.

Автор памятника Людовиту Штуру в Бановце-над-Бебравой — знаменитый словацкий скульптор Йозеф Поспишил. Композиция и материалы, из которых изготовлен этот мемориал, позволяют отнести его к группе монументальных памятников второй половины 30-х годов прошлого века. Памятник был открыт в 1936 году.

Центром скульптурной композиции является бронзовая фигура Штура высотой более 3 метров, облаченная в длинное пальто, полы которого достают до постамента. Боковые скульптуры, вырезанные из песчаника, созданы в честь словацких добровольцев 1848 года. Они расположены на кубической подставке, которая находится намного ниже центральной скульптуры. Памятник стоит на площади Штура перед приходским костелом. В 1991 году мемориал Людовиту Штуру был отреставрирован.

Людовит ШТУР

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛУЖИЦКИЕ ЗЕМЛИ

(совершенное весной 1839 г.)

Прирожденная склонность к народу своему, которая мне сейчас, с обретением более ясного у меня и сородичей моих самосознания, придала сил и ранее, стихами нашего неоцененного Коллара питаемая, год от года всё больше и больше в груди моей разраставшаяся, вела меня почти ко всему тому, что казалось мне нужным для познания народа нашего в целом и в различных его племенах, а также к предприятию всего того, чем я какое-либо, пусть и ничтожнейшее, служение вознамерился выказать постепенно оживающей нашей нации. Давно я мечтал посетить славянство, которое еще сохранилось на северо-западе земли, обжитой и возделываемой нашим великим народом, и были это прежде всего Лужицкие земли, которые меня к себе сильно влекли, с одной стороны, потому, что они еще больше других черты давнего и когда-то широко здесь распространенного славянства сохранили, когда, напротив, в других странах, издавна чисто славянских, и малейшие следы древних жителей исчезли; с другой стороны, и потому, что именно в них в нашем веке тот печальный театр, то есть гибель славянской и насильственное вторжение чуждой нации, виден и, пожалуй, последний занавес над мощным когда-то славянством в странах за Одрой и Лабой опускается. Эти одранские и полабские страны были последними валами славянства

на западе против чужестранства; и поскольку последняя яростнее всего от запада и с большим перевесом сил по славянству ударяла, неудивительно, что и они — как обычные валы при долгой осаде — наибольшую рану в славянстве от чужестранцев получили, как нас об этом взгляд на эти земли достаточно учит. Мы смело можем утверждать, что в этих обширных землях со стародавних пор несколько миллионов славян жило, а сейчас мы находим несколько тысяч в Силезии, Лужицах, на Поморье и в окрестностях люнебургских, которые по сей день всё больше и больше убывают, так что особенно в двух последних местах по окончании нынешнего столетия едва ли какая-нибудь тень останется от давнего славянства. Как бы ни были слабы и незаметны его остатки, а всё же сердце каждого пылкого славянина к ним уважением загорится, потому что они, хоть и в малом количестве, при всех своих гибельных боях и несчастьях, которые здесь пришлись на нашу нацию, удержались еще при языке и обычаях своих дедов, и при этом представляются нам потомками тех героев, что как бы на передовом рубеже вели борьбу против чужеземцев за всё славянство и после героического сопротивления пали жертвой за всех своих побратимов. Они укрывали нас от грозящей нам бури, и теперь следует, чтобы мы эти достойные чести остатки глубоко уважали, и, насколько

возможно, им против грозящей гибели на помощь пришли, стараясь их в литературе к себе привлечь, дух нации между ними пробудить и, пробужденный, поддерживать, что, думаю, лучше всего тем докажем, что если у них появится национальная литература, как мы можем надеяться относительно Лужиц, мы вознамерились бы всецело в ней участвовать. Но и нашим тамошним братьям мы должны особо до сердца донести, чтобы они к более могущественным своим братьям всеми силами тянулись, с их литературой познакомиться стремились; ибо сами, находясь в малом числе и подвергаясь мощному натиску чужестранцев, легко от духа славянской нации совсем оторвутся, если не будут пищу искать у братских племен.

В Лужицкие земли я, таким образом, направился, неся грустное предчувствие в груди, которое те прекрасные, но печальные колларовские строки уже давно возбудили в моем сердце, где он сравнивает Лужицы с двумя тонущими корабликами. На своем пути я остановился в Лейпциге, городе, ныне знаменитом многими типографиями, складами многочисленных и больших книжных лавок, как и мировой торговлей, городе, когда-то основанном нашими предками и от них имя, хотя и переиначенное, носящем. Тут как раз была славная пасхальная ярмарка, на которой кишело множество людей из всех стран европейских и некоторых азиатских и американских, среди которых и славяне русские, польские, чешские и сербские были значительно, а остальные хотя бы в малом количестве представлены. Сербов можно было узнать по их национальной одежде, которой

я искренне радовался, а главное — по их предприимчивости в оптовой торговле, учитывая, что нация богатеет торговлей и в конце концов становится сильной, как нас этому примеры всех времен и народов учат. /.../ Россия в последнее время наибольшее внимание уделяет расширению своей торговли и ее разнообразию прежде всего в Азии, а также улучшению своей промышленной продукции как необходимому условию хорошего торгового продвижения, что будет, несомненно, иметь огромные последствия. /.../

Дрезден на Лабе, когда-то также нашими предками основанный город, не имеет ныне, кроме имени и лужицкой кормилицы, больше ничего славянского. Расположение города очаровательно. Немного отдаленная горная цепь и протекающая мутная Лаба придают ему ту прелесть, которой мы обычно наслаждаемся. Через Лабу город соединяет красивый мост, но он гораздо меньше, чем мост в чешской Праге. На реке развивается пароходное сообщение, и уже на пароходах из Чехии мы можем быстро попасть в Гамбург и к Северному морю; какие врата для торговли! /.../

Дорога вела меня прекрасной лесистой стороной, и я оставлял позади деревни, когда-то совершенно славянские, теперь уже совсем онемеченные. На славянское происхождение они указывают своими постройками, как и названиями, которые, однако, как и жителей, или плохо переиначивают, или даже онемечивают. У простого народа еще немало услышишь славянских названий, но у образованных и на табличках едва ли докопаешься до исходных имен деревень и городов лужицких, за исключением тех, которые

перекрутить или онемечить себя не дали, оставаясь своим значением для немцев темными. К таким относится, например, Ратибор, к совсем онемеченным, например, Вейсиг (Бела), а изувеченных великое множество, из которых лишь несколько примеров: Уйст (Уезд), Лоса (Лазы), Баутцен (Будишин), Герлиц (Згоржелец) и т. д. Я вспомнил при этом стирании славянского и о Венгрии, где так же точно уродуют наши национальные имена и пишут их на табличках, например Бановце (Бан), Озоровце (Озор) и сотни других. /.../ Для нас, славян, пусть это будет важно потому, что из этого также видно, как повсюду наша нация, где только можно, стирается и искореняется. /.../

Будишин, столица северных саксонских Лужиц примерно с десятью тысячами жителей, раскинувшийся над речкой Спровой (Шпрее), гордится прекрасным расположением. Он окружен в небольшом отдалении горами и холмами, которые на востоке и севере достигают значительной высоты и до сих пор носят славянские имена, как-то: Чернобог, Прашица и т. д. Под ними славянский народ еще наиболее чисто сохранился, хотя из столицы уже чужеземцы совершают против них небезопасные выпады. Первым моим делом было посетить здешнего главного священника Ондрея Любенского, преданного серба, который простодушное предисловие к сербской грамматике Зейлера написал. Он принял меня весьма радушно и выказывал радость по поводу того, что и отдаленные славяне принимают во внимание сербских братьев, о которых он мне, однако, на мои вопросы отвечал печальными сведениями. Он утверждал, что мещане и жители побогаче что ни день онемечиваются, деток своих к немецкому языку тянут, и национальный язык чем дальше, тем больше уходит в деревенские избы, ища здесь убежища перед нависающей над ним гибелью. Он упомянул также с болью, что и многие деревни со времен его детства уже полностью онемечились и вместо церковных служб на сербском языке, во время его детства еще привычных, сейчас все на немецком проходят. Всеми силами я замечательного мужа побуждал к тому, чтобы он свой сербский словарь, над которым уже много лет работал, поспешил как можно раньше издать, чтобы хотя бы там сохранилась речь сербов, такая важная со многих точек зрения для славянского языкознания, и служила как заветное наследие от умирающих сербских братьев славянству на память и как предупреждение. Усердный муж пообещал эту отрасль нам гарантировать, но при том условии, что к нему вернется здоровье, долгой работой серьезно ослабленное. Он, наконец, обратил мое внимание на господина доктора Клина, будишинского городского голову, серба, всеми силами заботящегося о сохранении местной народности и ради этого дела многое осуществившего, как и указал на вновь возникшее общество сербской молодежи в здешней гимназии. /.../

Господин Клин, показывая мне достопримечательности города, вывел меня на старинную башню, которая и сейчас «Сербской башней» именуется и носит характер древнего строения. Она стоит одиноко без какого-либо храма, округлая, на высоте окружена перилами, откуда вид на город и всю окружающую местность доставляет

глазам наслаждение и развлечение. /.../ На одной горе еще видно одинокое дерево, оставленное там на память о том, как Наполеон, стоя под ним, делал смотр войскам и отдавал приказы своим полкам победителей./.../

Снабженный письмом от доктора Клина к лесничему в Рохлове, деревне под Чернобогом, выбрался и я на эту гору с молодыми сербами, на ней до сих пор видны языческие памятники и о ней много говорится в деревенском народе. Гора Чернобог находится от Будишина примерно в двух часах, достигает значительной высоты и состоит из двух ответвлений, второе из которых называется «Прашица», от слова «прашить», что по-сербски означает «спрашивать». Мы оставляли за собой чисто сербские деревни, в которых мои товарищи постоянно пускались в разговоры с народом, который, слыша свой родной язык, в полном доверии общался с нами и указывал наилучшую дорогу. /.../ Почему народ наш искренне льнет к тому, кто с ним на родном языке разговаривает? Потому что он видит в нем своего друга, из милых глаголов делает вывод о добрых внутренних помыслах, и при этом ему и в голову не приходит вообразить его в другую одежду облаченным, нежели та, в которой он предстал. Уверяли меня и будишинские немецкие горожане, что они, когда общаются с сербским народом, должны с ним договариваться на его языке, а если им не владеют, ищут себе кого-то, кто, имея в нем сноровку, занимает их место. /.../

Примерно за полчаса мы поднялись на вершину горы, где, к моему потрясению, я заметил огромные каменные алтари и тем утолил мое давнее же-

лание. Они построены так, как мы их находим в комментариях к «Дочери Славы». Статный наш проводник показывал нам и камни большого размера, на которых, по народному преданию, жертвы забивали, видно на них вытесанное сердце. Потом мы перешли на другое ответвление горы, уже упомянутую Прашицу, где также огромный двухплечий камень, созданный, однако, не рукой человеческой, но природой, привлекает взгляд странника. То, что славяне, подобно грекам — нашим умершим братьям, — верили в предсказания, без всяких сомнений подтверждают уже само название этой горы (собственно, камни на ней) и сохранившееся в народе предание. Согласно этому преданию, жрец стоял на середине камня и провозглашал ответы на вопросы народа, спрашивавшего о своем будущем (отсюда «прашица»). На боку камня есть дыра, о которой народ думал, что это ухо божества, таящегося в глубине камня. Эти жертвенники и камни, которые мы вправе назвать обелисками и пирамидами отдаленного славянского прошлого, находятся на последней горной цепи славянства с западной стороны и, подобно своим сородичам, портятся и уничтожаются зубом времени и всякой рукой. Многие алтари уже совсем разрушены, другие лишь наполовину сохранились. /.../

В горной цепи, к которой относится Чернобог, есть и гора, называемая Коронной, о которой среди народа в Лужицах бытует такое сказание. В давние времена сошлись на ней семь сербских королей (скорее, это были лишь вожди), сели на семь камней, ныне уже глубоко врытых в землю, и совещались, как бы родину свою из-под

ярма немецкого вытащить и завоевать свободу. На совещании договорились, чтобы против своего общего врага выступить с оружием, что и случилось. В проведенной битве все они лишились жизни и вместе с другими, что пали в бою, были и с коронами своими похоронены под этими камнями, на которых при жизни сидели и обсуждали освобождение отеческой земли из-под ярма. У народа эта гора до сих пор особо почитаема.

Раз уж на время моего пребывания в Будишине пришлось воскресенье, я посетил церковь евангелическую и католическую, где службы Божии проходят на сербском языке. Оба храма были полны, хотя погода была хмурая и дождливая, и в обоих было заметно большое внимание и набожность, чему я искренне радовался, заключая из этого, что народ наш богобоязнен. Здесь я нашел также возможность наблюдать большое скопление людей. Мужчины в основном высокого и мощного тела, женщины также красивого роста, глаза — как и вообще у славян — быстрые и пронзительные, свежие щеки, лица округлые. Нежный пол был одет еще в национальные костюмы, которые не слишком отличаются от одежды наших стройных словачек. Белый цвет у них — знак печали, что должно быть и у поляков в Великопольском крае, а возможно, и в других местах.

Собравшиеся в храме люди были жителями окрестных деревень и будишинского предместья, поскольку, к сожалению, внутреннюю часть города уже заняли чужеземцы. Так с нами, славянами, случается, что приезжими мы бываем из наших столиц вытеснены не только в тех землях, где чужбина

близка и где уже она в большой силе, но и в чисто славянских. Примеры ясны. Приведу, например, в Словакии только Трнаву и Быстрицу, в Моравии Брно, в Польше Краков и т. д. Должны признаться, что это происходит по нашей вине и первый шаг к улучшению признание в своих грехах. Главнейшая причина этого — то, что ранее мы мало или совсем не думали о промышленности и торговле, а скорее, избегая всяческих предприятий, оставляли это чужеземцам, радующимся такой добыче. Главным призванием городов должна быть промышленность — в широком смысле слова, — как в местечках и деревнях пахота, потому что в городах сосредоточен народ и из этого вытекают многие и разные нужды, связанные с чужими странами и т. д., всё это пробуждает и разветвляет промышленность и торговлю. /.../ Тогда как в столицах основывались институции разного рода, служащие воспитанию человеческого духа, должны были здешние жители по городкам и деревням удовлетвориться или незначительными институциями этого рода, или, не имея на то достаточных средств, оставались вообще без какого-либо обучения. Если некоторые из нас, желая получить высшие познания, были вынуждены уезжать в города, то, однако, под давлением чужеземцев либо наполовину, а порой и целиком стали чужеземцами, либо не достигли желаемого. /.../ Если и появились благородные мужи, которые старались пестовать родной язык и просвещение среди своего народа распространять, вскоре они вынуждены были от своего дела отказаться, ибо не нашли нужной поддержки и за свое начинание были принижены. /.../

После многодневного пребывания в Будишине я поспешил в Згорелц, и добрался до него в тот же день, что попрощался с Будишином. Згорелц (Görlitz), над речкой Спровой расположенный город, имеет примерно 12 000 жителей и, как и Будишин, отличается красивым видом. Чешские и силезские горы, которые можно из окрестностей города ясно видеть, доставляют глазам радость, сам город относится уже к северным прусским Лужицам. Немало меня поразило, когда я в нем оказался и даже словечка сербского не услышал; глухо уже здесь и во всех обширных окрестностях для звуков славянских, чему наибольшей виной следует признать близкое соседство Силезии, откуда, как и в сам город, чужбина чем дальше, тем больше распространяется. Я посетил в городе господина Гаупта, главного священника здешней евангелической церкви, секретаря Верхнелужицкого ученого общества, который меня с рекомендательным письмом господина Клина с большим радушием принял. Он привел меня любезно в большое здание, которое является собственностью упомянутого общества, где мы провели немало времени, осматривая зал, в котором проходят заседания общества, его богатую библиотеку, собрание различных природных явлений и, наконец, древностей. В природном собрании главным образом большой вампир и черепа различных азиатских народов обратили на себя мое внимание, а в собрании древностей заинтересовали меня прежде всего: старинный перстень с рисунком льва, о котором неизвестно, кому его следует приписать; божок с рожками, очевидно идол Флинца; многие урны, маленькие и большие; из панциря для женщины свитые упругие проволоки, служащие для защиты ее груди, что является ясным свидетельством богатырских достоинств нашего прекрасного пола, которая в древние времена прекрасно проявлялась и даже до нынешних времен сохранилась, чего явные свидетельства мы имеем. Случайно в библиотеке я встретился и с моей землячкой, недавно заслугой господина Кузмани сюда пришедшей «Гронкой», что меня очень порадовало, поскольку в ней — доказательство нашей словацкой народности перед здешним миром; моя радость, однако, сразу прервалась, когда мне в голову пришли неприятные сведения, которые еще в Праге коснулись моего уха, что наша «Гронка» при будущих родах может умереть. Я не буду здесь пускаться в подсчеты причин и неблагоприятных обстоятельств, которые нашей «Гронке», с такой большой радостью искренними душами в Словакии принятой, жизнь укоротили, скажу лишь лучше, что ее быстрое падение неприятно касается нашей национальной жизни и общественного мнения о нас и плохое свидетельство о нас выдает. Тот, кто бы у ее редактора, господина Кузмани, радения не признавал, поступал бы несправедливо или выказал бы незнание его усердного духа; но наш горячий патриот не должен был, честное слово, так быстро отказаться от своего предприятия, но следовало ему, встав отважно против всех препятствий и сделав некоторые изменения в ней, продолжать и дальше ее издавать.

Вечер я с удовольствием провел у господина Гаупта, где по просьбе собравшихся, которые хотели какую-нибудь словацкую песню услышать, про-

тив всех доказательств моего нехудожественного пения я спел думу о нашей святой Нитре и перевел ее на немецкий, ее содержание очень понравилось. На самом деле, это прекрасная песня, пронимающая горячую душу так, как незабываемое свидетельство отдаленной древности, которую должны были пережить наши отцы. — Среди других речей жаловался господин Гаупт на лужицких сербов, что они даже после повторного призыва ученого общества не слишком стараются собирать народные песни, но в то же время показывал уже значительное количество этих песен, которые благородным рукам посчастливилось вместе собрать и вырвать, пожалуй, из быстрого забвения. Ученое общество назначило за достойные собрания награды, и эти песни будут под руководством его секретаря, господина Гаупта, за счет общества выходить в свет вместе с напевами и немецким переводом, и это, как засвидетельствовал господин Гаупт, в достаточно скором времени. /.../ Также я слышал в Лужицах, что, кроме этого, уже упомянутый молодой человек Эрнест Шмалер и другой, так же усердный Маркус, задумывают издать лужицкие песни, первый — верхнелужицкие и второй нижнелужицкие, которым мы желаем достаточного спроса. — Также господин Гаупт сетовал на нетвердое и колеблющееся правописание лужицких сербов, причем также упомянул, что однажды священники в Нижних Лужицах собрались по поводу установления своего правописания, но ни до чего значительного не договорились и разошлись, говорят, без последствий. /.../

На другой день я осматривал памятники города, к которым относится, на-

пример, великолепный храм св. Петра и Павла, красивейший из всех евангелических храмов, которые я когда-либо видел, с высоким сводом и множеством коринфских колонн, на нем колокола огромных размеров, а внутри города — Гроб Господень по образцу иерусалимского, работы художника Эммериха. Художник два раза посетил Иерусалим, чтобы достичь совершенства. /.../

К вечеру я добрался до Лазов, которые у немцев зовутся «Lohsa», куда меня несло великое желание, ведь я надеялся, что найду там господина Зейлера, создателя уже упоминавшейся сербской грамматики, человека в патриотических планах в Лужицах непременного. Я нашел его и сердечно поприветствовал, на что был им, когда он узнал о цели моего путешествия, с такой же искренностью, присущей славянам, приветствован и принят. К моей большой радости, показал мне господин Зейлер в рукописи сербскую книгу для чтения, будущее приложение к своей грамматике, как и материалы к обширному сербскому словарю и значительное собрание лужицких песен. Всеми силами я направил усердного патриота к тому, чтобы он проявил бдительные старания прежде всего к быстрейшему выходу словаря как произведения, больше всего нужного для сербов и для других славян, чего господин Зейлер и пообещал, желая, однако, сначала обсудить эти вещи с господином Любенским, который уже много лет работает над подобным словарем. По поводу сербского правописания я также обратился к нашему патриоту, прося его, чтобы он обращал внимание на единообразие определенным способом и его ославянивание, доказательства чего он мне показал в своих

сочинениях, в которых он начал писать по чешскому образцу. Между прочим, господин Зейлер упомянул, что во время своего обучения в лейпцигском университете он был твердо уверен в своем желании преподавать в этой высшей школе славянские языки, но от своего намерения должен был отступить, потому что не нашлись средства на поддержку такого предприятия.

В той же деревне я посетил и родителей уже упомянутого Шмалера, где славянская приветливость также гнездится. Его отец, учитель тамошней школы, рассказывал мне, как он был насильно принужден полностью перейти на немецкий язык в своей школе, чему, однако, он разумными доводами сопротивлялся так долго, что в конце концов было разрешено преподавать Закон Божий на родном языке, но всё остальное было приказано изучать на немецком.

Расставшись с верными и могучими потомками древних сербов, я направился в католические Лужицы, как там называли, к Каменцу, местечку в саксонском владении. По дороге я остановился в монастыре, желая посетить священника Альберта, по рождению чеха, о котором мне говорили, что он пылает горячей любовью к нашему народу и отлично владеет всеми основными славянскими наречиями; но прилежный патриот, к моему огорчению, несколько месяцев назад внезапно скончался. В католических Лужицах слышно гораздо меньше немецкого языка, чем в лютеранских, а если и слышно, это так называемый ломаный язык, нежели настоящий. Когда я встречал идущих из школы деток в протестанских селениях, всегда я был немецким добрым днем приветствован, но, наоборот, в католических деревнях меня сербский «добрый день» встречал. Меня поразило также, что когда я деткам, которые меня по-немецки приветствовали, отвечал по-сербски, они смотрели на меня с каким-то восхищением, удивленные, как мне кажется, необычностью моего ответа, которого они не ожидали из уст человека в шляпе и во всё черное одетого. Из этого можно делать заключение об их воспитании и на постоянное всё большее притеснение родного языка в избах сельчан.

На пороге городка Каменца я простился с Лужицами и сербским говором, поскольку в городке уже чистый немецкий.

/.../ В Лейпциге я познакомился с господином Эрнестом Ванаком, нынешним председателем здешнего сербского общества, пылкого серба, который старательно заботится о сохранении и благополучии этой наследственной институции. /.../ В обществе есть своя касса, а также библиотека, в которой славянин найдет много пособий для обучения славянским наречиям. /.../ Число членов общества незначительно, потому что в университете мало лужицких сербов. /.../

Лужицы! Я видел родных людей, видел памятники ваши! Одни разрушаются, другие редеют, с каждым днем близятся к западу! Мужайтесь! Учитесь на примере вымерших побратимов, что и для вас готовится подобная судьба, если вы всей душой не примете наследия, завещанного вам отцами и умершими братьями. Оберегайте сокровища народа и сохраните их до лучшего будущего!

Сокращенный перевод Н. Шведовой

Людовит ШТУР

СЛАВЯНСТВО И МІРЪ БУДУЩАГО.

посланіє славянамъ съ береговъ дуная

ЛЮДЕВИТА ШТУРА.

ПЕРЕВОДЪ НЕИЗДАННОЙ ИЗМЕЦКОЙ РУКОПИСИ, СЪ ПРИМЪЧАНІЯМИ

ВЛАДИМИРА ЛАМАНСКАГО.

HIBALER

EMHEPATOPCKAFO OSHECTBA HCTOPIN H APEBECCITET POCCIÉCNETS UPE MOCKOS-CROMS JEHBEPCHIETS.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографія (Катковъ и К⁶)

на Страстнокъ бульваръ.

1867.

СЛАВЯНСТВО И МИР БУДУЩЕГО

Пора, Братья, сговориться нам. Настоящее своим строгим, важным голосом призывает нас к делу, а для этого всего нужно предварительное соглашение.

Выслушайте эти речи; их цель взаимное соглашение между всеми нами, Братья. Выслушайте их вы, Братья, пространного могучего Северо-востока и порабощенного Юга, и вы, Западные Братья, состоящие в сокрушающем вас услужении чужеземцам. Внемлите словам моим во всех землях и во всех округах, где только раздается Славянская речь; ознакомьте с ними всех, кто только может их понять и чувствует в себе силы на дело! Мы еще никогда не сговаривались, но зато никогда и не действовали сообща, между тем как мы все, родные братья, испытали одинаковую судьбу и наследуем одно и то же будущее.

Искренна и откровенна, строга и мужественна будет эта речь, исходя из груди человека, внимание которого с юности занято судьбами нашего племени, взор которого печально созерцает наше многострадальное прошедшее и сияет радостно перед картиной нашего великого, чудного будущего, который сам трудился и страдал для нашего племени и никогда не поддавался внешним противным влияниям. Но о том пусть свидетельствует само послание наше.

Да не смущается никто, что идея Славянская раскрывается здесь впервые с такой подробностью, да не пугаются слабые души откровенностью нашей речи! Мы должны же, наконец, если только хотим согласиться и действовать заодно, поставить себе общую цель. Наши силы прибывают с каждым днем, а силы врагов наших слабеют и падают. Если только смело приняться за дело, нас ожидает решительная победа, а врагов наших решительное поражение. Никакая сила в мире, никакие Правительства уже больше не в состоянии топтать наши народы, носящие в себе идеи будущего. Счастье и несчастья будут им благоприятствовать - под хорошей погодой и непогодой, под громом и молнией будут они созревать. Таково уж естественное развитие! Бедствия, угнетение и преследования только закалят наши силы, подвинут наш дух, укрепят нашу волю; а для нашего великого дела мы нуждаемся в силе, отваге и смелости, в железной, непреклонной воле. Итак, Братья, да будет речь эта искренна и мужественна!

Кто из вас, увлеченный думой, не отворачивался от будничных забот и не обращал свой взор на наш обширный мир? Кто из вас не скорбел в глубине души об этом многочисленном народе, о тысячелетних бедствиях, его преследующих, о бремени, над ним тяготеющем, о позоре, его покрываю-

щем? Да, несказанно велики несчастья нашего народа. И глубоко тронутый наблюдатель задаст себе вопросы, как это сталось, как это могло произойти, и сначала вместо ответа он станет безмолвным от грусти. В самом деле, раздирает душу зрелище, представляемое народом, самым многочисленным в Европе, разделенным, разбитым, разорванным. Там он томится под игом Турков, здесь веками служит Немцам, прежней Священной Римской империи, теперь — Австрийцам, Прусакам и Саксонцам; там он поглощается и порабощается Итальянской, здесь Мадьярской стихией, повсюду он запряжен в триумфальную колесницу чужеземцев, только предлагает материал для чужих проектов и, в награду за все это, еще подвергается насмешкам, стыду и позору. Жалко видеть, как значительная часть этого народа на берегах Лабы и Одры, по берегам Поморья Балтийского, уже вся вымерла под тяжелым игом Немцев, на севере от Италии перешла в чужую народность, а в Турции отпала от Веры своих отцов и стала главной опорой угнетателей своей родины. Таково зрелище, поражающее пробужденное чувство Славянина, ибо что иное могут ему представить могилы и развалины его народа, его мира? Многие из нас глубоко чувствовали печаль по этому поводу и выразили ее в грустных жалобах. /.../

Мало того, что Славянский мир от своих злосчастных разделений и раз-

доров представляет теперь по большей части одни развалины, на которых в течение веков печально восседает гений Славянства, подобно Изиде¹, плачущей над рассеянными костями Осириса². В этом злополучном распадении, в довершение своего несчастья, Славяне, как справедливо замечает Томашич³, не забыли, однако, о своем общем происхождении и родственных узах, о своем братском единстве. В эту глухую ночь, в эти темные печальные времена, когда их тело лежало, казалось, бездыханно, а отдельные члены были раздираемы и истребляемы чужеземцами, ни одно племя не думало о нуждах другого, но, отдавшись чужим повелителям, служило орудием для притеснения и дальнейшего порабощения своих братьев. В эту мрачную ночь, когда все позабыли друг друга, иногда, как бы во сне, раздается голос, напоминавший о нашем общем происхождении — то слабее, то сильнее, смотря по силам и дарованиям подавшего голос в этом глубоко павшем Славянском мире. Но одиночны были эти голоса, в которых изредка дух Славянства сознавал свое усыпление. Такие голоса, напоминающие распавшимся Славянским племенам об их общем происхождении и об утраченном единстве, подавались в Славянском мире Св. Кириллом и Мефодием, Нестором, Св. Прокопием, Далимилом, Пясецким и т. д. и с ними, как и со всеми преданиями, связано сознание общего происхожде-

ния у всех наших племен, которое проходит через целые столетия и никогда вполне не умирало. Эти предания иногда выражаются очень ясно об общности происхождения наших племен, как например, о выселении трех братьев, Чеха, Ляха и Руса, из одной и той же земли, или представляют это аллегорически, как например, одна старинная народная сказка, рассказывающая о братьях, которые вследствие домашних раздоров покинули свой отчий дом и пошли блуждать по дальнему свету, за исключением старшего, поступили на службу к чужеземцам, и наконец, после тяжелых испытаний, с примиренным духом, все снова возвратились домой, и уже все жили в мире и согласии. Есть эпохи у отдельных Славянских племен, когда они достигали известного развития силы и, вследствие выше упомянутого смутного сознания, стремились к единству. Так жила в могучих Гуситах... память о некогда общей всем нашим племенам Греческо-Славянской Церкви, почему и Гуситы сносились с Цареградским Патриархом о присоединении их к Православной Церкви; так, между прочим, и многие энергичные Славянские Государи, как например, Само (623–662), Великоморавские Растислав (846-870) и Святополк (871-894), Хорватский Жупан Людовит (умер 823), Сербский Царь Душан (1336–1355), Чешский Брячислав (1024-1061) и Польский Болеслав Храбрый (992–1025) стремились присоединить к своим Монархиям все сословные племена. Впрочем, все это было отрывочно, все эти усилия не удались от заснувшего самосознания наших племен.

Но победим мужественно нашу горесть и подумаем об устройстве луч-

шего будущего для наших племен. Рассмотрим теперь, как могло статься, **что Славянский мир подпал такой злой участи и по большей части** достался в добычу чужеземцам?

Славяне преимущественно привязаны к семейной жизни; они чувствуют особое счастье принадлежать семье, и в этом счастье они находят свое удовлетворение. Нигде слово «родина» (семья) не имеет такого глубокого значения, как у Славян, нигде так не живо участие ко всем ее членам. Поляки, превознося свою обожаемую отчину (отечество), думают при этом, прежде всего, о своих родных и ближних, которые, в широком смысле слова, составляют отечество. Никакой другой народ не празднует семейных праздников с такой любовью, поэзией и роскошью, как Славяне; но и разлука с уходящими навеки из семьи нигде так глубоко не чувствуется, так искренне не оплакивается, как у них. Семейная жизнь для Славянина составляет тот круг, в котором он постоянно вращается и живет с наибольшим удовольствием, на который он с грустью глядит издалека и к которому он обращает самые задушевные свои помыслы. Ни у одного народа, кроме Славян, нет такой развитой поэзии, воспевающей и прославляющей эту семейную жизнь. Распространенная семья для Славянина есть община, это его сильная и вместе с тем слабая сторона. Такому понятию его об общине отвечает целое ее устройство у всех наших племен. /.../

Печально и грустно для друга Славян глядеть на этот мир, погибший от своей собственной вины. Напрасно, рассматривая его, стал бы он искать утешение. Что не может держаться —

 $^{^{1}}$ Изида — египетская лунная богиня, олицетворяющая женственность, материнство, магию, исцеление и силу (А. М.)

² Осирис — главный египетский бог, супруг Изиды, основатель культуры в Египте, победивший брата своего, злого Тифона. Он считался также богом солнца, отцом бога Гора (А. М.)

³ Томашич Николай (Тотаšіć или Тотаseo) — хорватский писатель, историк и политический деятель (1802–1874) (А. М.)

падает, что лишено внутренних жизненных сил — умирает, и народы, не способные по той или другой причине к самообладанию и самоуправлению или готовые на все пожертвования поддержания своей народности и самостоятельности, такие народы должны быть руководимы, управляемы другими, должны поступать в услужение к другим народам, а наконец даже исчезнуть в них. Так случилось с первоначальными Галлами на многих местах, также точно и со Славянами на Северо-востоке Германии. В самом деле, неутешительный вывод представляется наблюдателю, который изучает обломки нашего мира. Только с другой стороны почерпаешь себе утешение в прошедшем, в Истории, в самой глубине духа. Как человек, не привязанный в жизни ни к какому труду, не руководимый никакой мыслью, преданный самому себе впадает в бессильную, пустую хандру, как то же самое замечаем мы у пережившей нынче свою роль светской аристократии и у Католического духовенства, точно то же самое наконец бывает и с народами, на что история представляет множество примеров. /.../

Нашим племенам недоставало таких объединяющих и возвышающих идей. Племенное сродство не есть идея: оно даже было бессильно удержать племена от несогласия и раздоров. Часто разделяются братья из одной семьи, и тем чаще это бывает с племенами, которые в течение времени и по дальности расстояний отчуждаются друг от друга в нравах, языках и различных учреждениях. Одного происхождения с Немцами Скандинавские Нормандцы часто вели с ними войны и наконец

покорили Англов и Саксов в Британии. Племенное сродство не могло образовать для наших племен никакого связующего звена и в такой степени животворно на них подействовать, чтобы с успехом бороться против их злейших врагов. /.../

Итогом всего этого оказывается то, что наши племена пали не по одной своей вине, но и потому, что жизнь их менее сильная, менее прав имеющая, войдя в непосредственное соприкосновение с жизнью, обладающей высшими правами и сознающей в себе мировое значение, должна была ей подчиниться и покориться. Одним словом, наша жизнь была в прошедшие века не своевременной. Не все растет одинаково поспешно, не все одновременно цветет в природе; каждое создание, а также и каждый народ, имеют свое время под солнцем; так липа начинает цвести, когда дуб давно уже отцвел.

Но есть ли такая мысль, которую бы могли подняться Славянские племена из падения, объединиться и окрепнуть? Имеют ли также эти племена какое-нибудь высшее историческое призвание, или же они навсегда осуждены на подчиненную роль в истории, на простое служение другим? Имеют ли эти многообразные движения между Славянскими племенами, обнаружившиеся как бы разом в новейшее время повсюду и в самых разнообразных видах — в литературе, в общественной жизни, в политических стремлениях, даже в последних беспорядках (1848-1849 г.), в борьбе против их притеснителей Мадьяр имеют ли все эти движения какой-нибудь смысл, какое-либо значение, какую-либо, хотя и не всегда ясно

сознаваемую, цель? Не пустые ли это подражания Западу? Не последние ли это судорожные движения угасающего и замирающего мира, или, как любят выражаться враги наши, гальванические опыты Славянства? Есть ли в них содержание, свежая живая сила, или наши племена уже до того убиты чужим влиянием, что они едва только

чувствуют и сознают себя, уже не в состоянии извлечь из праха и развалин свою растраченную жизнь? Очевидно, это самые важные вопросы для Славянства, и от их основательного разрешения зависит все наше будущее. Итак, приступим без предубеждения, с духом, жаждущим истины, к исследованию этих вопросов.

перевод В. Ламанского

(продолжение следует)

ДЕВИН. АЛЬМАНАХ. № 2. 2016 **25**

ПИСЬМО ИЗМАИЛУ ИВАНОВИЧУ СРЕЗНЕВСКОМУ

Из города Галле, 1840 год, 16 июля

Многоуважаемый патриот, дражайший друг!

Недавно я отправил Вам письмо вместе с моим письмом, адресованное господину Поспишилу, которого, смею надеяться, Вы соизволили принять. В том письме я обещал Вам передать биографии Боглена и Потта, о которых Вы меня просили, и именно сейчас представилась удобная возможность осуществить это благодаря Вашему земляку господину профессору Прайсу, которой я и воспользовался, отправив Вам упомянутые биографии. Господин Прайс передаст их Вам. Меня очень радует, что я могу быть Вам хоть чем-то полезен. Если Вам и впредь что-нибудь от меня понадобится, насколько это будет в моих силах, я обязательно помогу Вам.

Я искренне рад, что еще застану Вас в Праге. Мы проведем там несколько тем более приятных дней, что и господин Прайс задержится в Праге на этот период. О Галле Вам расскажет Ваш земляк, поэтому я ничего не добавляю.

Желаю Вам всего хорошего, Ваш искренний друг Людовит Штур

Перевод Е. Курсаковой

ПИСЬМО ИЗМАИЛУ ИВАНОВИЧУ СРЕЗНЕВСКОМУ

Дорогой незабвенный друг мой!

Примерно пять недель назад я написал Тебе письмо после долгих лет молчания и думаю, что ты уже получил это письмо, отправленное мной по счастливой случайности из Вены. Не ожидая от Тебя ответа, пишу Тебе снова и отдаю письмо в те самые руки, что и в прошлый раз.

Прежде всего, сообщаю Тебе о своей глубокой скорби. Брат мой Карол, бывший профессор из Модры, а позднее священник, навсегда оставил нас 13 числа сего месяца. От чахотки гортани умер мой брат несчастный. Вся его жизнь была любовью к несчастному своему народу, и такими были его последние минуты на земле. Еще перед смертью он тщательно допытывался до исступления о будущности нашей и смотрел на нее с такой скорбью, словно на своих семерых маленьких обездоленных детей, ныне уже сирот несчастных. Ты, побывав однажды над Дунаем, мило провел праздничные дни Воскресения у моего брата и принял его как друга, как брата, он, пожалуй, еще жив в Твоих мыслях, а я, брат скоропостижно скончавшегося, уже передаю Тебе память о Твоем и всех нас и дела славянского друге сердечном.

Для нас скоро настанут тяжелые времена. Раньше, даже под игом венгерским, была у нас какая-никакая жизнь и единение, но сейчас, благодаря немецкой ловкости, мы находимся в качестве осажденных, у нас ничего нет, мы разрознены и ленивы. Печальный, но справедливый факт. Немцы обещали нам равноправие после победоносного сражения, венгры повержены, однако на деле равноправие оказалось издевкой. Вместо венгерской речи, прежде господствовавшей, теперь мы имеем все языки в равноправном положении, но только не словацкий, обреченный на существование на самом низшем уровне жизни. В суде еще всюду господствует венгерский, в администрации почти целиком перешли на немецкий, и латинский еще кое-где проскальзывает, словацкий же обречен только на письма населенным пунктам и на просьбы, исходящие от простых людей. Указом правительства мало было открыть сколь угодно словацких гимназий, но и это вышло ровно так, как и все остальное. Одна-две дисциплины преподаются по-словацки ревнителями дела нашего, остальные же преподаются так, как кто захочет, и венгры всегда получают преимущество.

Наше литературное объединение Татрин не может возродиться после осады, у нас нет никаких газет, кроме тех, что выпускает правительство под названием

«Словенске новины» в Вене, но их мало кто читает и еще меньше кто выписывает; мужчины словацкие от правительства отстранены, опорочены, затравлены, а те, кто сделал для правительства что мог, выставлены на посмешище — приложи ко всему этому дух усталости после боя, над нынешним положением вещей неслыханно раздосадованный, и получишь образ Словакии. Народ жалуется на большие налоги и другие тяготы, словом, наше положение печально. Ваша, помнится, святая обязанность была помогать братьям несчастным, бедным, ибо тяжко нам принимать помощь от других, а главное, Вы могли бы нам дать средства на создание хороших журналов и на воспитание нашей талантливой молодежи. Когда-то Вы нам все это обещали; вспомните же, братья, свои обещания.

В таких обстоятельствах дух словацкий и племен наших братских, таких же несчастных, думает о путях выхода из этого положения. Уже во многих газетах южнославянских предлагают или русскую, или старославянскую речь взять за письменную основу, и эта идея привлекла неслыханное внимание. Наша старая догма гласит: кому Господь Бог, кому все святые, для нас Бог со святой Россией.

В одном нашем церковно-католическом журнале под названием «Кирилл и Мефодий», выпускаемом католическим священником Яном Палариком, высказана мысль, что именно сейчас православная церковь выступает как единое средство объединения славян — католиков и протестантов, — за эту идею инициатора закрыли в францисканском монастыре.

Всего Тебе наилучшего, Измаил мой, и если Тебе близки мои письма, ответь своему сердечному грустному другу Люд. Штуру.

Модра, 1851, 23/1

Перевод Е. Курсаковой

ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Йозеф Милослав ГУРБАН

ЛЮДОВИТ ШТУР

КНИГА II

Штур исходил в великих концепциях своих из видения особенностей национальных и истово верил, что народы как субъекты нравственные, имеющие собственные задачи в мире и в истории, неизбежно должны прийти в итоге к согласию и пониманию, пусть даже они дотоле веками мучили и порабощали друг друга. Долгие занятия историей запечатлели в его душе образ народа словацкого так глубоко, что жить с ним и ради него стало для него жизненной потребностью, его слабостью и силой, его убеждением и предрассудком, критерием и категорией духовной жизни; так был нам дан муж сей великий, на которого с гордостью будут взирать потомки. Его убеждения в самости словацкого народа не в состоянии были поколебать никакие теории и доводы, которые бурным потоком неслись в это время в противоположном ему направлении, убеждения в том, что народ словацкий в Венгерском королевстве должен быть равноправным, что он владеет правом проживать здесь, свободно развивать и использовать свое достояние, способности и силы, что он — исконный житель этой земли и имеет заслуги перед этим государством, которое Стефан, первый король венгерский, основал здесь на началах местного словацкого порядка и при существенной помощи словацкого народа, что в не меньшей, чем другие народы, мере народ наш во все века участвовал в государственном, научном, церковном, художественном, промышленном, хозяйственном и общественном развитии, что кровью и его сынов пропитана святая земля родины нашей, словом, это убеждение давало ему все новые и новые идеи, новые силы в борьбе, а кроме того, укрепляло в его сердце доверие к благороднейшим, первейшим мужам этой родины, принадлежащим к роду мадьярскому. Потому даже и при

весьма неблагоприятном соприкосновении с представителями противоположного, господствующего в нашей отчизне, крыла он всячески стремился познакомиться с людьми порядочными, имеющими влияние на общественное мнение, будь то писатели или парламентарии, чтобы иметь возможность обсудить с ними вопросы так остро и глубоко касающиеся всей страны. С этой же целью искал он знакомства и с людьми политически нейтральными, независимо от их национальности, занимавшими высокое положение и внимательно следившими за новыми процессами, по своей направленности столь необычными. Он как осмотрительный военачальник учитывал в своих комбинациях все обстоятельства, все силы, все влияния, руководствуясь одной высшей целью своей жизни — целью защиты особости своего народа.

Бедствия народа словацкого служили Штуру отправной точкой для борьбы за признание особости народа как такового. Он видел самые глубины этих бедствий, ощущал своей благородной душой раны, наносимые народу, но помогать ему нелегко было молодому человеку, со всех сторон преследуемому, вынужденному бороться за собственное существование. Кроме того, большая часть народа и его представителей — католических иерархов и дворянства, не имела ни малейшего представления о своем предназначении быть нацией; были, правда, отдельные исключения в среде низшего духовенства, и Людовит их высоко ценил и просвещал, поддерживая с ними самые тесные контакты, но на это пока нельзя было рассчитывать. В евангели-

ческой словацкой среде было более всего лиц, чувствовавших свою принадлежность к народу и желавших быть его представителями, однако здесь в то же время наличествовала мощная сила сознательного, интеллектуального сопротивления, поскольку из евангелических аристократических кругов венгерских исходила вся нынешняя оппозиционность и связанная с нею венгерская тяга к верховенству, которая словно чума поразила все отношения в евангелической церкви. И на словацкую евангелическую церковь эти гонения распространились в первую очередь. Штур со всей силой обрушился на гордыню протестантизма, которую Зай и Кошут смогли насадить в дворянских славянских кругах протестантов, подняв в атмосфере общественного мнения Венгрии целые клубы пыли из поверхностных суждений и толков. Католических иерархов путем террора они втянули в хаос патриотического хунгаризма, который сразу же был превращен фальсификаторами истории Венгрии в мадьяризм. Старый консервативный политический католицизм не выдержал таких атак, со сцены постепенно стали исчезать его рыцари, и, наконец, в 1848 г. те, кто еще не разбежался по курортам и заграницам, влились в когорты Кошута.

Зай и его приспешники-протестанты нападали на народ словацкий в политических интересах мадьярства, а Штур, будучи протестантом, противостоял им, и противостоял бесстрашно, нанося врагу мощные удары и указывая народу, что тот и сам должен расшевелиться, если хочет быть признанным и уважаемым, если он

вообще хочет быть субъектом активным и деятельным, с которым и другие вынуждены были бы считаться. То, что Штур не ограничивался узкими рамками вероисповедания, а думал обо всем народе обоих вероисповеданий, как католиков, так и протестантов, мы увидим позже, здесь же нужно нам отметить, что до сих пор нигде не было предпосылок к какой-либо акции, для всего народа общей, в которой нашла бы свое выражение воля народная, возвысился бы крик боли и ужаса от кривд и несправедливостей, над народом словацким чинимых, кроме как в церкви евангелической, в те времена сердца народа словацкого горячее всего бились в груди членов этой церкви. И прегрешения против народа словацкого здесь совершались самые очевидные. Отвратительное мадьяронство здесь нарастать стало, здесь начали насаждать в головы людей идеи, как против принципов любви и веры христианской, против естественных прав народа словацкого в Венгрии развязать оголтелую борьбу. Штур застиг их «in flagranti», и его деятельность, на этом поле развернутая, еще будет оценена по достоинству в грядущем.

Штур обратился к руководителям и представителям тогдашним церкви словацко-евангелической (...), а за ними — и к целому ряду молодых и самых юных лиц, на службе церковной или учительской состоявших. С ними Штур вел переговоры и лично, и письменно, стремясь к тому, чтобы наиболее для желаемой цели пригодная акция от имени словацкого народа, в церкви евангелической столь щедро представленного, могла осуществить-

ся. Ведь где нет жалобщика, там нет и судьи, а значит с жалобами к высшему королевскому трону идти надобно и просить защиты естественных прав народа. Такова была задача, которую поставил перед собою Штур.

Штур погрузился и влюбился в речь эту безыскусную. Сам гений народа воспарил перед ним, воплотившись в этот язык природы, в эту поэзию политических прозаиков, в эту сказку воспетую, в эту песню, историю тысячелетий несущую. Но он и не задумывался еще об издании грамматики в ту пору, когда из юных уст его уже лились эти природные трели Татр! Он прошептал о своем восхищении этой речью столь гибкой, полнозвучной, мелодичной, что напоминала ему своим ароматом розы Сарона, красотой — скромную лилию долины, а ее звонкость в соединении с завораживающей стремительностью вызывала в его памяти картину грозы на вершинах Татр с тысячами потоков, несущихся вниз к долинам по скалам и ущельям; он прошептал о своем восхищении ею одному-двум ближайшим своим друзьям и увидел в них убежденность в том, что он сам пока боязливо скрывал в сердце своем, словно тайну первой любви юноши, рано пробужденного. Заметить это, испытать, убедиться в этом и броситься в объятия к этой возлюбленной души своей, со всей энергией и отвагой, было делом нескольких недель, и личная его переписка шла все живее и регулярнее на словацком языке. Для самого Штура были авторитетами народ, на который он смотрел с трепетом, Годжа и Зох, которые были сынами центральных Татр, большими их ценителями, а кроме того — священниками, каждоднев-

Развалины крепости Девин

но общавшимися с народом. Весь жар души своей вложил тогда Штур в глубокое изучение словацкого языка. Даже неполный перечень достижений Штура в этой науке может представить его образ и с этой точки зрения. Прежде всего, он констатировал национальное своеобразие словацкое и полную, совершенную индивидуальность наречия словацкого. Приобщившись к трудам Шафарика, Коллара, Добровского, он освоил полученные ими знания и основополагающие принципы словацкого языка и, все более углубляя их в своих исследованиях, добыл из шахт наших священных Татр целый бриллиант словацкого языка. Согласно идее взаимности славянской, Колларом выраженной, к каждому племени славянскому непреложно требование, чтобы научился он посредством руководителей своих речи славянской, которой все наречия наши наделены.

Труды Штура исторические и его новейшие исследования природы и речи нашей словацкой сделали его великим, а идеи его стали путеводными для каждого словака, кто беззаветно и глубоко сочувствует народу своему. Штур обратился к истории и происхождению славян, и это стало неодолимой силой, побудившей его к возрождению и приведению в действие словацкого наречия. Ему пришлось преодолевать

огромное сопротивление, бороться с непримиримыми врагами, которых невозможно было ни согнуть, ни сломить; сам же народ, в идиллическом неведении жизнь свою проводивший, всегда оставался лишь творцом материала, из которого будущий сын его великий, рожденный где-то в вечно тихой долине Татр, должен был возвести строение идеально прекрасное на долгие века, и этот народ не был для сына своего хорошим помощником. А разве не был сын этот, под Рокошем рожденный, тем самым грядущим сыном! Но если он им и не был, наверняка был пророком Словакии.

Штур всею силой своих надежд, многие из которых, правда, его обманули, хотя сила эта в целом была пророческая, действовавшая и действующая до сих пор, всею силой своих надежд трудился он над тем, чтобы род наш на собственные ноги поставить; при этом он не полагался ни на чью помощь, только на свои силы, которыми столь щедро наделил его Господь: ведь если развить их как следует и в трудах закалить, тогда и помощь верных братьев его не минует, а если народ или племя, или отдельный человек всякий раз озирается, глядя, кто бы другой ему помог и поддержал, то не достоин такой имени ни народа, ни племени, ни человека!

Перевод Л. Широковой

http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1148/Hurban_Ludovit-Stur/2#ixzz3z80

НАШИ СОВРЕМЕННИКИ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

Д. ПОДРАЦКА

ОРДЕР НА АРЕСТ

Горящая Стара Тура напоминала горящую безлюдную Москву, в которую вошли наполеоновские войска. Москву подожгли в знак протеста против вторжения неприятеля. Сожжение Старой Туры стало возмездием словацким повстанцам, то есть своим. В психологии опустошения заключен старый племенной архетип, в соответствии с которым мне принадлежит то, что не принадлежит, и только потому, что я — на стороне победителя. Добыча была формой вознаграждения за страх потерять собственную жизнь. Добыча «безымянных» воинов была незначительной: это мог быть зверь, какая-то вещь, картина или кувшин. Бегство с добычей предвосхищало ловлю больших рыб. Венгерское правительство намеревалось добыть вождей, головы целого движения, поэтому оно выдало ордер на арест Штура, Гурбана и Годжи. Это случилось 17 октября 1848 года, когда Лайош Кошут выдал ордер на арест Штура, Гурба-

на и Годжи, предложив вознаграждение в 100 злотых за голову. Все трое стояли во главе Словацкого национального собрания (СНС), которое было создано 16 сентября 1848 года в Вене. Однако уже 19 сентября того же года от имени СНС они заявили о своем повиновении венгерскому правительству.

Реальному ордеру на арест предшествовали попытки венгерского правительства устранить вождей «Требований словацкого народа», и оно последовательно выдавало ордера на арест Штура, Гурбана и Годжи — 12 мая, 22 мая и 1 июня 1848 года. Вилиам Паулини-Тот в своих воспоминаниях «Три дня из жизни Штура» говорит об этих попытках как о «циркулярах, направленных против панславизма». Не будь счастливых случайностей, Штур был бы арестован. Все происходило как в современном приключенческом фильме, но только без всякого сценария, очень четко. Возле будинского моста его от-

пустили доброжелательные словацкие охранники, и он отправился к другу Штефану Заводнику в Вельку Дивину, у которого и заночевал. Через час после того, как Штур ушел, его уже искал там комиссар Шеги. Потом Штур пережидал в Заречи, чтобы на пароме перебраться в Гричову. Ожидание тоже спасло его, потому что, если бы он прибыл в Предмеру на час раньше, его бы уже там ждал преследователь словацкого движения Мориц Маршовский. Он искал Штура в Маршовой, Предмере, Бытчи, Заречи, Облазовой и в Котешовой. Штур даже сам видел за Вагом при бытчанской переправе всадника, но он не мог и предположить, что это Маршовский, посланный за тем, чтобы его найти и арестовать. Штур прибыл в Тренчин, оттуда через Костолну, Чтврток, Галузицы и Бошацу перебрался в Земянске Подградье к другу словаков Густаву Остролуцкому, а оттуда — в Модру. Как только власти узнали о приезде Штура, они сразу же попытались его арестовать. Не будь сообщения, которое он получил из эмресовского дома, он бы не спасся. (Брат Людовита — Карол Штур был женат на Розалии, урожденной Эмресовой.) Когда гардисты 28 мая прибыли в евангелический приход, чтобы задержать и арестовать его, он сбежал через приходской сад и отправился дальше. Перевалочным пунктом для него стал приход в Яблоновом у католического священника Яна Галбавого. Достаточно ему было произнести: «In fuga contitutus» (Я в бегах), как он получил защиту. После дальнейших перипетий Штур, наконец, вместе с Галбавым добрался до Угорской Вси (сейчас Загорска Вес), к реке Мораве. А там, стоило «священнику и его учителю» заплатить

сборщикам податей два крейцера, как они уже перебрались через мост. На противоположной стороне моста стояла императорская стража, однако юноша не обратил внимания на то, что пропустил именно Штура, на которого еще накануне в отделение пограничной охраны пришел ордер на арест (Steckbrief). Он не обратил на это внимания лишь потому, что отвлекся на молодую женщину, которая развешивала белье. Штур пересек границу. А оттуда направился в Прагу на Славянский съезд.

Отвага, которой обладает каждый «протестующий Иов» революции за права народа, настолько овладевает национальным мышлением, что в запале борьбы никто из заинтересованных не думает о виселице. Штуровское движение напоминает Иоанна Павла II и его «Не бойтесь!». К подобной самоотверженности потом приспосабливаются не только обстоятельства, но и сама история.

Для Габсбургов, венгерской либеральной шляхты, а также для недоброжелателей из рядов словаков Штур был «врагом конституции и трона», психологическим оружием, направленным против прозападных интересов Европы. У него были оппоненты и из числа учеников, например, Само Возар, который издал брошюру «Голос с Татр», где ратовал за терпимость Словаков в отношении Венгров, превозносил положительные стороны венгерского либерализма и исключительные качества Лайоша Кошута.

Ордер на арест Штура остается в силе и по сей день. Штур был не только заключенным «монархии», но и самого себя. Это касалось как поражения в революции 1848 года, так и попытки правильно сформировать словацкое мышление в 1849 году, когда 20 марта он

и Гурбан в составе словацкой делегации посетили правителя и когда организовывались новые словацкие добровольческие отряды. Однако во второй половине ноября они уже были распущены.

Коммунисты не могли простить ему того, что он, как и все штуровцы, хотел быть «святым», возвысив словаков духовно, с помощью религиозной веры; современники не могут простить ему идею славянства в его трактате «Славянство и мир будущего», где он изложил свою философию истории. Штур видел выход из «беспрецедентного разгрома славян» в их объединении под покровительством России. Предпосылками такого объединения должно было стать принятие общего литературного языка (русского) и общей религии (православия). Практически он отождествлял историческую миссию славян с исторической миссией словаков.

Ордер на арест остается в силе по сей день еще и потому, что большинство из стоящих перед Штуром задач он не осуществил, и на многие вопросы, которые он поставил, и по сей день не получен ответ. В частности: вынуждены ли малые народы опираться на большие, обречены ли малые языки быть периферией мировых языков и, наконец, один из немаловажных вопросов — имеет ли мыслительно-духовная полярность мира запада и мира востока иное объяснение, нежели экономическое. Именно поэтому ордер на арест Штура был одновременно ордером на арест всех тех, кто вместе с ним участвовал в словацком движении. Необходимо подчеркнуть, что ордер на арест не был лишь угрозой, обозначенной на бумаге. Если бы всех его соратников обнаружили, их бы арестовали и, скорее всего, убили.

Во время модранского одиночества, когда Штур был persona non grata, он жил лишь идеями. Он провозгласил: «В той степени, в какой упрямый человек отрицает дух времени, дух времени отрицает его». Он по-прежнему стремился участвовать в словацкой жизни, в делах, которые не обманут, и он добился этого.

В связи с деятельностью Штура и штуровцев можно говорить о семи пунктах, которые стали основными в национально-освободительной борьбе словаков, а именно: пункты, касающиеся привилегий отдельных личностей, аристократических предпочтений, наследственных званий и титулов, централизации, мадьяризации, германизации и деспотии. Это были духовные барьеры, которые отражены и в ордере на арест. Норвежский писатель Бьёрнстьерне Бьёрнсон, защитник словацкого народа во времена активизации национального гнета, назвал Штура и штуровцев «поколением года сорок восьмого». Споры, преследования, да и выданный ордер на арест ведущих представителей — все это приводило в движение общество, побуждало к глубоким раздумьям, стимулировало кристаллизацию взглядов. После поражения революции постепенно ордер на арест сменился гонениями, преследованиями, ограничениями передвижения. В случае Штура — полицейским надзором в Модре. Официально он не был отменен, и в менее радикальной форме оставался в силе еще долго. Политическая неприязнь в отношении Штура проявилась и в неудовлетворении его просьбы относительно издания словацкой газеты (газета «Словенске народне новины» перестала выходить

во время революции). Все штуровские усилия, направленные на духовное возрождение, потерпели поражение. Ордер на арест Штура «официально» остается в силе и по сей день, ибо от

поколения к поколению, включая нескольких современников, которые, сознавая, что этого делать не стоит, тем не менее, не скрывают своих словацких взглядов.

ДРАГУНАДА

В штуровские времена слово драгунада было модным. Оно использовалось для выражения насильственных действий правительства в отношении других народов или представителей других религий. Это слово произошло от французского «dragon», обозначавшее кавалеристов французского короля Людовика XIV; драгуны были исполнителями приказов, направленных против французских протестантов, гугенотов.

Словаки тоже испытали драгунаду на собственной коже. Венгерское правительство ответило на «Требования словацкого народа» введением чрезвычайного положения и преследованиями словацких патриотов. Ян Юричек пишет, что едва только закончились собрания в Липтовском св. Микулаше, как в Липтов прибыл королевский комиссар с приказом арестовать всех участников собрания в Ондрашовском курорте. Особое внимание в циркулярах уделялось панславистским бунтарям — Штуру, Гурбану и Годже. Приход Гурбана в Глбоком захватили, при этом не позволили уйти даже его супруге. Однако это было лишь начало преследований.

Подробно ситуация с преследованиями и казнями словацких патриотов описана в материалах чрезвычайных судов. Суды были в Сенице, Глоговце и Нитре. 13 октября 1848 года в Сенице был вынесен первый смертный приговор чачовскому старосте и мельнику Мартину Бартоню — патриотам и защитникам крестьян. Бартоня обвинили в том, что он «подстрекал сограждан к верности и постоянству». Следующие две казни были осуществлены в Сенице 18 октября. Тогда повесили охотника из Долины Франтишека Капитана и Павла Сватика, мельника из Малого Коваловца. Капитана казнили случайно, только за то, что «некоторое время он бродил по скальницким горам, где его поймали городские лесничие и передали чрезвычайному суду». Сватика — за то, что он «отправился в Скалицу, для того, чтобы кое-что узнать о прокламации, которую он не понимал». Член чрезвычайного суда, будто заколачивая гвозди, объявил, что «этот человек читал словацкую газету целых два года, и не только сам читал, но и читал вслух другим людям». В Глоговце чрезвычайный суд осудил Вилка Шулека и Карола

Голубива. Шулека казнили 19 октября за то, что он, забаррикадировав дорогу в Крайное с помощью связанных борон, предназначенных для боронования поля, «организовал военное сопротивление граждан против венгерских гардистов», хотя крестьяне при этом не выдержали напора венгерской армии. Голубива казнили 26 октября за то, что он «принимал участие в сопротивлении». Дальнейшим казням воспрепятствовал приход императорского войска.

Однако драгунада продолжалась и потом в некоторых населенных пунктах. Основанием для нее в соответствии с законом от марта 1848 года послужило создание национальных гвардий. В нем в статье XXII говорилось о том, что их задачей является «охрана личности и имущественная безопасность, обеспечение общественного порядка и внутреннего спокойствия». Хотя гвардии создавались по всей Венгрии, они стали своеобразным противовесом политической ситуации. Т. Винклер отмечает, что «комиссар Беницкий по всей Венгрии разыскивал гвардии для борьбы с Гурбаном, который вместе с добровольцами вступил в подъяворинский край». Это привело к усилению сопротивления не только гемеровских патриотов, но и словаков из Верхней Зволенской, из Нитры и других мест. На переднем плане оказались «три сокола»: Ян Францисци-Римавский, Штефан М. Дакснер и Михал М. Бакулини.

Далее Т. Винклер продолжает: «21 октября комиссар полиции в Кокаве вызвал Бакулини и сообщил ему, что поджупан требует его на пару слов

в Римавскую Соботу». Однако в Римавской Соботе Бакулини вместо разговора ожидал арест. Он был обвинен «в заговорничестве, шпионаже и связях с Веной». На третий день, 23 октября, его вывели из тюрьмы, «надели наручники» и отвезли в Плешивец, где сначала закрыли в служебном помещении. Францисци и Дакснера ожидала такая же судьба. «Трибунал», состоящий из пяти человек, под председательством Ладислава Борнемиса приступил к расследованию. Он вменил всем в вину письмо Францисци к Бакулини, где говорилось «о вторжении словацких добровольцев в Нитранский край». После «трибунала», 3 ноября, заседал чрезвычайный суд. Напрасно все трое защищались. Накануне суда, 2 ноября, Францисци написал стихотворение «Три сокола». В нем он предсказал свою смерть и смерть своих друзей. Интересны следующие строчки: «Эй, три сокола! Глубока ли ваша могила? / Не столько глубока, сколько высока». Эти строчки являются своего рода ссылкой на палимпсест словацкого гимна, а именно — на песню «Рыла колодец», где есть подобные слова. В то время как в гимне, написанном Янко Матушкой, мы читаем «Давайте остановим их, братья, ведь они пропадут, словаки возродятся» и в его подтексте также есть строчки из песни «Копала колодец» («Он такой же глубокий, как и широкий, / прыгнула бы в него»), в стихотворении Францисци, присутствующем в контексте гимна, смысловое значение понятий глубины и ширины как бы расширено за счет упоминания о высоте, которая призвана символизировать духовный взлет во имя общественного идеала, иначе говоря, измерение, куда, вопреки своей

физической гибели, взлетят «три сокола». Прыжок в колодец (жизнь/смерть) означает взлет.

После длительных переговоров, которые затянулись до ночи, приступили к голосованию. Двое судей (Шиларди и Зонтаг) высказались за смертный приговор. Другие два (Яносдяк и Шиклаи) были против смертной казни. Председатель Борнемис воздержался. 6 ноября должен был стать днем приведения приговора в исполнение. На городской площади были установлены виселицы и стояла толпа. Была там и мать Францисци, которая принесла полотно, чтобы в него завернуть казненных. Висельничный театр был исполнен трагической иронии. Судьи знали, что обвиняемые не будут казнены, но не сообщали им об этом до последней минуты. Были зачитаны приговоры Дакснеру, Францисци и его брату Каролу, Бакулини и Лойко. Было сказано, что за такие-то деяния венгерские суды приговаривают их к смерти. А затем последовало известное «однако». Однако так как всех обвиняемых надо еще сопоставить с обвиняемыми из других мест, этим будет заниматься обычный суд.

Их отвели обратно в тюрьму. По решению трибунала Францисци и Дакснер были осуждены на два года и триста шестьдесят дней, Бакулин — на два года, Карол Францисци — на полгода, Даниэль Лойка — на три месяца, остальные — на несколько месяцев или недель. В Плешивце осужденные находились в тюрьме до 18 декабря, а затем их перевезли в Пешт. После того, как их заслушала императорская комиссия, они были отпущены на свободу.

Казни сорок восьмого года не были первыми и, к сожалению, последними в словацкой истории. Однако они продемонстрировали и кое-что новое. Это новое Штур определил следующим образом: «Усилие, направленное на то, чтобы узнать правду, но при этом представить ее как неправду, является формой зла, и перекрывает его только ирония, где о добре и зле решает лишь самонадеянность, которая сама определяет, что хорошо и что плохо». И это есть принцип политики, которая не может быть нацелена на духовность, на ценность человека как на единственный справедливый закон.

Французский мыслитель и священник Тейяр де Шарден высказал мысль о том, что «нет иного выхода для мышления и поведения, нежели темная вера в движение мысли». Жертвы драгунады способствовали развитию словацкого мышления, насильственной смертью они его возвышали и укрепляли, расширяли его действенность. Виселицы воздвигались для устрашения, как статуи будущих жертв; у одних они вызывали страх, у других — отвращение. Виселица у дороги, подобно сухому камню, ожидала человеческую жертву. Она была напоминанием об угнетении, унижениях, нищете. История — это зов великих личностей, но одновременно это и ожидание исторического случая, когда оба они смогут объединиться и открыть путь для осуществления социальных, культурных и духовных требований отдельного человека и целых народов. Для словаков это означало преодолеть себя и созреть не только в плане гражданском, но и в политическом.

ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЙ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КУЛЬТУРЫ

Первым политзаключенным древних славян был нитранский князь Растислав.

Можно смело говорить о древнеславянском архетипе политзаключенного, олицетворяющего собой следующую мысль: Видящий был ослеплен во имя слепых, которые хотели стать видящими. Политзаключенный и рождение, существование и функционирование государств — это неразделимое целое. Политзаключенный находится за решеткой потому, что у него иное, чем у правящей элиты представление о деятельности государства. Распаду Австро-Венгрии предшествовал дуализм монархии, проявляющийся в заботах о квази равноправном положении венгров и австрийских немцев. Остальные угнетенные народы воспринимали монархию как тюрьму народов. Штур называл Австрию «тюрьмой славян». В этом смысле политзаключенными были не только Вилко Шулек, Карол Голуби или Янко Краль, но и целые народы.

В трактате «Славянство и мир будущего» в главе «Австрославизм» Штур пишет: «В каких отношениях живет Австрия со своими народами, видно из того, что большую часть своих земель, по стереотипному выражению, она держит на осадном пложении: таким образом, она постоянно, как своих смертных врагов, осаждает свои народы. От этого все, что ни говорит или торжественно ни обещает Правительство, считается у народов чистым

пустословием, а тот, кто решается ему верить, или осмеивается или величается благомыслящим, т. е. подкупленным человеком. До того дошла безопасность Австрии и ее политическая вера! Механическая жизнь Австрии сама собою обнаруживается в ее непосредственных смутах, в войске и чиновниках. В войске, вследствие различных событий и вошедших в него через Гонвенды (Мадьярских ополченцев) разных элементов брожения, старая, глубокая преданность уступила место иному образу мыслей. Верные офицеры хотя и стараются воодушевлять себя более частым повторением имени Императора, однако видно, что они этим только принуждают себя к воодушевлению, и при этом они остаются холодны. Прекрасно, конечно, всегда с гордостью иметь перед глазами того, который вызывает в памяти все целое, но таким именем должно быть что-нибудь общее и целое: за Императором — Империя, ее высокое призвание, ее величие и могущество, высоко поднимающее каждую личность; но за Австрией уже не стоит больше ничего, никакой идеи, никакого народа, никакого величия и могущества, только еще остаются за ней штыки, несколько жандармов, финансовая стража и полические прислужники». Во времена, когда Штур написал эти слова, он был политзаключенным на свободе, страдающим человеком, находящимся под надзором полиции и мелких сыщиков. Штур был политзаключенным номер один.

Были те, кто хотел, чтобы его поймали. Гурбан приводит рассказ Яна Галбавого, в котором тот упоминает служивого Болдижара. Тот сообщил торжествующему обществу новость, вероятно, почерпнутую из нового венгерского журнала, о том, что «прославленного Штура уже поймали, и не только поймали в Штявнице, но и сразу же официально, как бунтаря, повесили». Распространялись и противоположные сведения. Микулаш Догнаны в статье «История восстания словацкого» пишет, что «прибежала одна тетушка с вестью», будто Штура хотят поймать. Вилиам Паулини-Тот в статье «Три дня из жизни Штура» на основании дневника Яна Галбавого пишет, что «Штур получил тайное сообщение из Эмресовского дома». Даниэль Лачный в своем воспоминании «Заметки о жизни Людовита Штура» пишет, что его зять, Ондрей Миних, придя в модранский приход, предупредил Штура об опасности. Мнения по поводу ордера на арест Штура отражают либо провенгерскую, либо прословацкую точку зерния, однако обе они сходятся во взглядах на Штура как на ключевую фигуру событий.

Уже с дистанции времени, в трактате «Славянство и мир будущего» Штур анализирует отношение словаков и славян к венграм. Он пишет: «Да, Мадьяры занимали второе место в союзе, созданном для угнетения Славян, и отсюда эта осторожность и милосердие к ним! В Государственном Совете было постановлено, что только Немецкий и Мадьярский языки на будущее время должны быть дипломатическими языками в Австрии, все же прочие языки, и особенно Славянский,

достояние 16 миллионов Австрийских подданных, были навсегда исключены из этого разряда. Славян только приманивали и выставляли Мадьярам, как грозное привидение. Но союз с Мадьярами не удался, так как они задались намерением господствовать исключительно и нераздельно и напали на Австрийцев. Теперь дружба их пропала навеки! Жаль, что эта народность, искони принадлежавшая к кругу Славянских, жившая со Славянами в дружеских отношениях добрых соседей, до того забылась, ослепленная своим самолюбием, и с такою яростью выступила против Славян! Мадьяры обнаружили большой недостаток в проницательности, не поняв, что для них могут наступить лучшие дни только в союзе с их старыми друзьями». Однако это не означало, что Штур начал осознавать всю горечь поражения. Далее в том же трактате он написал: «Каждый, кто думает, что имеет на что-то право, даже если бы это был чистый вымысел, каждый, кто страстно желает вознаграждения, власти или даже высочайшего суверенитета — большая часть из нас полагает, что доросла до него — не достигнет при этом своей цели, каждый, кто безоглядно выдвигает свои требования и чьи взгляды и мнения не принимаются во внимание в качестве решающих, бывает не удовлетворен, загорается ненавистью, и если предметом его ненависти является тот, у кого самая большая власть, он в своей ярости он уже перестает различать человека и личность, стоящую во главе целого, он пестует в себе зло и при удобном случае обрекает своего противника на погибель». Штуровская оценка поражения словаков, лишенная романтизма и пафоса, позволяет причислить его к ведущим гуманистам XIX столетия.

Политзаключенным является каждый человек, который не отказался от почитания мистерии, но который, однако, полон решимости поставить на карту свою жизнь ради прав человека — не только собственных или узкого круга своих близких, — ради всего общества, ради народа. И если нужно будет пожертвовать жизнью, он пожертвует ей. Поэтому каждый политзаключенный является частью культуры, ибо он — апокриф национальной агиографии, написанной историей и культурой.

Ордер на арест Штура относится к словацким апокрифам. Его можно переписать из весьма ценной статьи Вилиама Паулини-Тота «Три дня из жизни Штура»: Яна Габавого рано утром 29 мая 1848 года разбудил громкий звонок. Он встал, думая, что его, как священника, приглашают к больному. Открыв дверь, он увидел Людовита. Уже и до Яблонова докатились слухи, что власти обещают вознаграждение за его голову. «Ради Бога, приятель! Откуда ты?!» «In fuga constitutus! (Я в бегах!), — произнес Лю-

довит. — У вас я буду в безопасности?» «У меня, брат мой, — отвечает Габавы, ты действительно в безопасности». «Наверняка, — перебил его Людовит, — недруги народа и здесь будут искать меня, ибо во все стороны разосланы циркуляры с приказом о моем аресте... а почему, почему, брат мой дорогой? — воскликнул Штур с глубоким страданием, лишь только потому, что я люблю свой народа, что делаю то, что он считает высочайшей добродетелью; если это делает кто-то другой, то это грех и подлое предательство конституции и отечества». Габавы ему ответил: «Брат мой дорогой, не отягощайте себя этими мыслями, думайте о хорошем! Они наверняка следят за вами, но Господь милостив, он не оставит в беде справедливого, и меня очень радует то, что в своем несчастье вы ищете братскую защиту именно у меня; спасибо вам за доверие ко мне, и знайте, что ваше справедливое дело является теперь и моим, и наоборот, если кто-то должен потерпеть поражение, то пусть лучше тысяча предательских Каинов погибнет, чем один невиновный, преданный Авель!»

МИСТЕРИЯ ЖЕРТВЫ

Быть жертвой — это честь. Эта мысль присутствует в каждой культуре. Одной из основных проблем, которая занимала Штура, была проблема феномена жертвы во имя духовных ценностей, которые являются органичной частью общества. Мистерия жерт-

вы начинается тогда, когда мы сознаем, что нельзя «черпать жизненные силы и свободу у других», но необходимо искать и находить их в себе. Под жертвой он не имел в виду варварское жертвоприношение скота или людей, иначе говоря, жертвы в каиновском понима-

нии, но скорее жертвы в понимании авелевском, то есть бескровные, огненные или растительные жертвы в символическом смысле, которые в возносящемся дыме устремляются к Богу. Без сомнения авелевское толкование жертвы имеет характер жертвования зерна, или плода, который становится символом культуры, продолжения, хлеба. Именно так, как в ветхозаветном смысле: Каин убил Авеля и ушел на восток в рай. И Штур духовно, в авелевском понимании характера жертвы, обратился на восток, к славянам.

Характер жертвы определил культурные и религиозные особенности народов и в сответствии с движением небесных тел он разделил их на те, что относятся либо к «стороне», где солнце заходит, либо к противоположной, — где солнце восходит. На Запад и на Восток. На основании опыта с австрийско-венгерской монархией Штур полагал, что мир объединился в своем стремлении погубить славянство, и историческим роковым моментом этого перелома он считал Полтавскую битву. В своих лекциях и дискуссиях он провозглашал: «Und jener Tag war der Tag der Schlacht bei Poltava!» (Этим днем был день Полтавской битвы!). Тогда, при Полтаве, русские войска под руководством Петра Великого победили Карла XII. Это случилось 12 июня 1709 года. С тех пор, по мнению Штура, начинается могущество России. Славянский элемент стал таинственным и неразгаданным цивилизационным началом в мировом сообществе, с которым необходимо считаться. По мнению Штура, битва при Полтаве положила начало разделению мира на западный и восточный, и это разделение актуально и сегодня. В полтавской аналогии интересно то, что мистерия жертвы состоялась на месте боя, где само количество жертв возрастает в геометрической прогрессии. Первая и Вторая мировые войны стали кровавым памятником всемирному правительству. Некоторые историки считают, что если бы не было столько ригидности в поведении австрийско-венгерской монархии в отношении исконных прав славян, не было бы и Первой мировой войны.

Понятие жертвы есть органическая составляющая религии. В этой связи Штур много размышлял о реформации: «Реформация с самого начала была слабой и как таковая никогда не высказывалась положительно о праве, и хотя она всюду поддерживала прогресс и открывала двери истинной науке, большей частью она довольствовалась пассивным отношением к власти. Беспомощный народ восстал во времена реформации и для того, чтобы изменить свою судьбу и добиться прав, он обратился к Лютеру с настоятельной просьбой дать совет и оказать помощь, но Лютер не обратил внимания на угнетенных, и хотя Меланхтон и сочувствовал страданиям народа, его сила превышала сочувствие. Но Запад выступает не только против церкви, но и против самой религии как таковой. Религия в целом представляет жертву, постоянно о ней напоминает и побуждает к ней. Религиозный ритуал представляет жертву символически, религиозное учение направляет к ней мысли четкими, ясными и вдохновляющими словами».

Родиной и живительной почвой протестантизма была для Штура Германия. «Так как протестантизм не при-

знавал жертву, исчезло и само понятие жертвенности, идущей рука об руку с верностью, в том числе из высших политических соображений». Протестантские священники вели себя в соответствии с тем, что в данную минуту им могло принести выгоду, и они меняли кожу. Духовно, не только территория, но и, прежде всего, национальное мышление в них начали делиться на те, где жертвенность является священной обязанностью, и те, где она в высшем, духовном, смысле не имеет сакральной ценности. На Западе уже почти исчезла жертвенность, и при этом утрачивает свою силу все, что является возвышенным и естественным. Запад принял антитезис: Время — деньги. Время — как одно из средств, которое необходимо освящать, становится средством оценки, материализацией духовного, орудием обмена товарами. В этом смысле все можно купить, в том числе и жертву. В этом плане Штур критикует продажу индульгенций, в которой церковь виновата в меньшей степени, чем сами народы.

В своих раздумьях о жертвах он приходит к мыслям, которые реализовались после его смерти: «Те, что считают себя образованными людьми и в своем сумасшествии полагают, что они возвысились над религией, так называемые эмансипированные люди смеются над ней и объявляют, что уничтожат ее. Учение и секты Маркса, которые признают его, их многочисленные связи с коммунистически настроенными рабочими в Швейцарии и других местах, взирают на ликвидацию религии как на свое спасение и провозглашают свои деяния евангелием. Руге, Бруно Бауэр и сотни других, мыслящих аналогичным образом, топчутся на ней в своих книгах, проклиная ее как источник порабощения человеческого рода: в Германии это ренегатство базируется на так называемой научной основе, которая уходит своими корнями в протестантизм, рационализм и его дальнейшие ответвления и секты сторонников просвещения и их последователей; во Франции ренегатство еп masse произрастает из аппатии; в Испании, Португалии, Италии, прежде всего в Неаполе и в Ватикане религия пала до уровня пустого бессмысленного ритуала, в котором отсутствует какое-либо понимание и святость; ничуть не лучше обстоит дело и в других католических странах, в католической Германии и немецкой Австрии, где оживление религиозных чувств людей используется миссиями иезуитов, что приводит к обратному. Эмансипированный Запад поэтому бежит из пустых костелов, будто отпущенные на волю заключенные из тюрьмы, бросаясь в вихрь всевозможных жизненных удовольствий, и каждый, как может, полными горстями заглатывает эти удовольствия, словно бы стремясь заменить ими свое отречение от навязанной прежде религии. Эмансипация тела и женщины стала лозунгом, а что под этим подразумевается, довольно ясно отражено в самих словах».

Для Штура эти тенденции означали стремление уничтожить «во всем человечестве неустанно действующий, творящий и формирующий дух, который нас сделал такими, какие мы есть». В своих рассуждениях он обращается к потомкам, а также ко всем потенциально неверующим: «Наш дух уже наполненный трудолюбивой, всегда готовой к любого рода жертве, и при этом ни на что не претендующей любовью к ближнему, к каждому человеку, любовью, без которой бы человеческое общество — сколь бы скромно ни освещали его ее лучи — становится сбродом; вы полагаете, что вы можете обойтись без вечно правдивого закона, который в ней заключен? Даже если бы вы поднялись так высоко, я полагаю, что нет необходимости в том, чтобы это учение стояло на месте, подобно пирамиде, чтобы предостерегало и предупреждало человечество о падении в предыдущее варварство и самодовольство?»

Все это вопросы, актуальные и сегодня. Если что-либо не может быть принесено в жертву, так это народ. Народ представляет собой единое целое

в смысле его аристотелевского значения: Дух открывает правду лишь в целом. Это означает, что миссия, направленность и духовная активность отдельных представителей принадлежат определенному сообществу, которое тем самым сплачивается и самоопределяется. В череде поражений Штур признается: «То, что не может удержаться, гибнет, что не имеет жизненной силы, умирает, и народы, которые по каким-либо причинам не смогли сами править, не могут быть хозяевами и руководить, или которые не стремятся во что бы то ни стало сохранить собственную жизнь, должны будут служить другим и в итоге погибнуть». Это прозвучало как призыв вне времени, с тем, чтобы это никогда не коснулось словаков.

Перевод А. Машковой

Главы из книги: Dana Podracká «Zatykač na Štúra», Bratislava. 2015

Дана Подрацка (рожд. 1953) — известная словацкая писательница, автор многочисленных поэтических сборников, эссе, рассказов и сказок для детей. Ей принадлежат книги «бесед» с Вл. Миначем, Вл. Мечиаром, а также произведение «Дань уважения М. Р. Штефанику» (1999).

Э. МАЛИТИ ФРАНЁВА

ДОМ ШТУРА

Пожалуй, это даже не дом, а место, где Штур чувствовал себя как дома... Думаю, самым сильным было у него ощущение домашнего очага там, где можно было работать, ведь всю свою жизнь он был человеком очень деятельным, непрестанно оттачивал свое перо и совершенствовал интеллект. Долгое время я считала, что для Штура домом работы было угловое трехэтажное здание на Конвентной улице, 13, куда я вот уже много лет регулярно хожу на работу. Когда-то там располагался евангелический лицей, где учились многие прославившиеся впоследствии словаки. На большой памятной таблице, украшающей его угол, выбиты имена наиболее знаменитых из них. Про себя я называла это здание «Дом Штура». И мне казалось, что именно здесь, в лицее, у Штура рождались в голове самые смелые и возвышенные идеи. Для того времени они представлялись порой слишком фантастическими: люди не могли понять его стремления подняться в своих идеалистических представлениях над убогой реальностью и наметить путь к недоступным вершинам. За все это мы сегодня низко кланяемся ему, хотя бы потому, что деятельность Штура основывалась не на так называемом чистом прагматизме или личной заинтересованности, ее единственным источником были представления о лучшем, прекрасном будущем для народа. Ведь это была эпоха романтизма...

Штур был вначале студентом лицея, а с 1836 г. вел там преподавательскую деятельность в качестве официально, правда, не утвержденного заместителя профессора Палковича — тот из-за преклонного возраста не мог уже читать свой курс в полном объеме. По воспоминаниям, Штур был окружен преданными студентами, своими будущими идейными последователями, с воодушевлением слушавшими его увлекательные лекции об истории славянских народов и о многом другом. В это время он стал членом, а позднее — заместителем председателя Чехо-словацкого общества, а после его закрытия основал в 1837 г. по предложению проф. Палковича Славянский институт.

В моем воображении рисовался красавец Штур, возвышающийся над группой жадно внимающих ему юношей — где-то здесь, в теперешней канцелярии или в зале заседаний двух наших академических институтов, которые занимаются изучением словацкой и зарубежных литератур, — и меня охватывало при этом чувство какой-то опосредованной сопричастности. Людовит встречал меня возле самого входа, чуть поодаль, глядя с копии известного дагерротипа, где он запечатлен сидящим скрестив руки и чуть наклонив голову. Портрет висит над лестницей, по которой я поднималась наверх и спускалась вниз и каждый раз вглядывалась в лицо Штура — что он на все это скажет? А он не говорил ничего,

только глядел на меня взыскательно, иронически и, возможно, с некоторым упреком...

Однако я снова ошибалась, как это часто со мной бывает. Дело в том, что этот «Дом Штура» не имел со Штуром ничего общего. Правда, его имя стоит первым на памятной таблице, но сам он заходил туда, возможно, лишь однажды и то как посетитель примерно в 1855 г., когда здание достраивали для нужд нового евангелического лицея. А лекции он читал в старом лицее, располагавшемся поблизости, тоже на Конвентной улице, только в доме под номером 15. В свое время ректором лицея был Матей Бел, ученый, которым гордилось Венгерское королевство; он ввел здесь, наряду с обучением на латыни, в качестве предмета и родной язык. Несомненно, он был образцом для Штура, продолжившего традиции основанного Белом Венгерского ученого общества и научного журнала «Observationes Posoniensis» в своей работе по созданию научного общества и, позднее, — периодического издания. Бел был похоронен на ныне уже не существующем евангелическом кладбище, который располагался напротив лицея; могила его не сохранилась. А тогда, в романтическом XIX веке, студенты, по свидетельствам современников, могли видеть эту могилу из окон своих аудиторий... Таким образом, настоящим домом Штура — одним из многих возможных, если считать все остальные дома, где он жил или работал, — было здание старого лицея, в котором сейчас находится Лицейская библиотека. А когда достроили новое здание, Людовит был уже персоной нон грата, преподавание и любая

общественная деятельность были для него под запретом. Штуру пришлось жить в городке Модра под надзором полиции: он стал тем, кого сегодня можно было бы назвать диссидентом.

Конечно, в Словакии было много домов, приютивших Штура под своей крышей и служивших ему прибежищем; там он мог какое-то время жить и работать, пока не приходилось уезжать в поисках воплощения новых идей, а в более поздние времена как известному панслависту — скрываться от преследования властей. А порой бежать и от самого себя...

Исключением стал, пожалуй, родной дом Штура в селе Угровец со школой и квартирой учителя, где он родился 28 октября 1815 г. (в той же квартире спустя сто шесть лет родился другой знаменитый словак, Александр Дубчек). Родительский дом он оставил еще в 1827 г., уехав на учебу, однако всякий раз возвращался в это святое для себя место, в прибежище, где могла отдохнуть его беспокойная и одинокая душа.

Действительно, Штур не знал ни покоя, ни передышки; большие цели, которые он перед собой ставил, гнали его от одного дома к другому, и повсюду он разворачивал активную деятельность. Эти дома гостеприимно предоставляли ему убежище, позволяли сосредоточиться на развитии идей, которые были для него важнейшими... Еще будучи студентом евангелического лицея, он жил в нескольких домах неподалеку, на сегодняшней Паненской улице; он снимал жилье у вдовы Николаидес в доме Шмида, у вдовы Халупковой и, вероятно, в других местах. Друзья Штура вспоминали, что юный «студиозус» мог как следует развлечься, но потом садился за книги и прилежно занимался. Уже тогда проявилось его редкое трудолюбие.

Однако по-настоящему он работал и даже состоял на службе, проживая еще в одном доме. Это известный дом Фернолаи на Паненской улице, которая в те годы называлась Нунненпойнт, а спустя несколько десятилетий была переименована в улицу Матея Бела. В 1840 г., после двухлетнего обучения в Галльском университете им. Мартина Лютера, Людовит вернулся и поселился здесь, став преподавателем евангелического лицея. Сейчас на этом месте под номером 1 стоит уже другое здание, но висящая на нем табличка сообщает прохожим, что с 1845 г. Штур работал в этом доме, возглавляя редакции основанных им изданий «Словенске народне новины» и «Орол Татранский».

В доме на Паненской он жил вплоть до 1848 г., когда прогремели раскаты революций в Европе. Поражение словацких революционных сил имело для него как руководителя повстанцев серьезные последствия; Штуру пришлось снова покинуть насиженное место, к которому он успел привязаться. С тех пор по его следу всегда шла полиция...

После смерти брата Карола в 1851 г. он перебрался в Модру, чтобы помогать овдовевшей невестке в воспитании семерых детей. Здесь Штур сменил несколько квартир; сначала снимал жилье в доме Тремлов, потом у Шнелла, в небольшом домике с окнами на улицу, на стене которого висит теперь памятная табличка. Он неустанно работал: издал сборник стихов «Лирика и песни», написал этнографический труд «О народных песнях и повестях племен славянских» и завершил

свой труд, написанный по-немецки, «Славянство и мир будущего» (Das Stawenthum und die Welt der Zukunft). Правда, его он держал в секрете и никому о нем не рассказывал... Каждый день после обеда он переходил через широкую улицу, направляясь в дом напротив, к невестке, давать уроки сыновьям Карола. Этот дом семьи Эмреш, принадлежавший вначале родителям жены Карола (сегодня в нем находится экспозиция Музея Людовита Штура), и стал последним домом, где Штур какое-то пусть и непродолжительное время жил. Или, скорее, доживал свои последние дни, поскольку именно здесь, в гостиной, он скончался спустя три недели после смертельного ранения на охоте. Здесь 12 января 1856 г. безвременно оборвалась его жизнь, такая короткая на фоне его грандиозных свершений.

Я говорю о тех домах, где Штур жил, однако, как мне представляется, он относился к числу людей, которые находят дом внутри самих себя. И заглянуть в этот внутренний дом Штура можно было бы через его глаза, которые считаются зеркалом души. Я порой пыталась сделать это, преодолевая робость от упомянутого сверлящего взгляда на его портрете, и тогда только поняла, что означали слова Гурбана о «черных, сыплющих согревающий огонь глазах» Людовита... Ведь за иронией в них таится горячая страсть. Если бы мы заглянули в душу Людовита, в ее бесконечные пространства, достигающие в последние годы его жизни поистине космических размеров, то увидели бы там целый сонм свободно рож-

дающихся и развивающихся идей. Так выглядит место, где Людовит чувствовал себя дома всем своим существом. Несмотря на преобладание интеллекта, его душа отдавала всю свою любовь и заботу — и кому же, как не собственному народу? Верный идеалам романтизма, он настолько отождествил себя со словацким народом, что воспринимал его душу как свою собственную, полностью посвященную народу. И по мере того, как расширялось его видение словацкого мира, в него вошли не только словацкий народ, но и все славяне. Для каждого нашлось место в его душе, каждого он готов был обнять... Дом Штура стал принадлежать всем славянам.

Наверно наиболее полно эти убеждения Штура отразились в его последнем, визионерском по характеру произведении «Славянство и мир будущего», работу над которым он завершил в 1852 г. (иногда указывают и другие даты — с 1850 по 1855 гг.). Это своего рода интеллектуальное и духовное завещание ведущего словацкого романтика. Может показаться, что это произведение, исполненное идеалов всеславянской взаимности, было обращено не к словакам, а к другим народам; однако это не так. Толчком к написанию книги стало осознание Штуром безысходности положения, в котором оказался малочисленный словацкий народ после неудачных попыток национального самоутверждения в 1848-49 гг., а также поиски максимально надежной защиты его этнической идентичности. С другой стороны, в книге отразился и определенный пересмотр оценки событий и итогов революции, а возможно и признание собственной

ответственности за ошибки и поражения словацких повстанцев, шедших в бой под его руководством. Штур ясно понимал, что словацкий народ не обладает достаточной силой и волей, чтобы избавиться от национального гнета и обрести свободу. Свою роль сыграло и разочарование в имперской Вене, которое в полной мере испытал Штур в дни революции. В стремлении освободить словацкий народ от гнета венгерских властей он избрал фатальную тактику, поднявшись во главе добровольцев на стороне австрийского войска против революционных сил Лайоша Кошута. Принцип моноэтнической Венгрии, провозглашавшийся Кошутом, был абсолютно неприемлем для словаков, как, кстати, и для хорватов...

В итоге военную поддержку Габсбургам оказала царская Россия, что помогло им подавить революцию. В начале XX в. русский историк Т. Флоринский писал: «Австрия спаслась от полного поражения благодаря словакам и помощи российского государя Николая Павловича». Однако австрийские власти в революционные дни вводили словацких добровольцев в заблуждение и давали им неверные распоряжения, а затем, когда угроза для монархии была устранена, попросту перестали интересоваться словаками и их требованиями. И Штур сделал вывод о том, что германский мир, как и весь Запад, всегда будет относиться к славянам с предубеждением...

Сегодня можно услышать от некоторых русских, знакомых с книгой Штура и с ее переводом на русский язык (перевод В.И. Ламанского опубликован в Москве в 1867 г. и в Санкт-Петербурге в 1909 г.), мнение, что в Россию

идеи славянофильства пришли извне, родившись в голове словака Людовита Штура. Разумеется, это не так: идеология славянофильства формировалась постепенно, ее вырабатывали многие славянские мыслители того времени, большинство из которых составляли русские. В первые десятилетия XIX в. интерес образованных русских людей к другим славянским народам был спровоцирован культом «западничества», распространившимся среди аристократии и правительственных кругов. Основные черты панславизма как политической доктрины обозначил в своих трудах 1830-1840-х гг. русский историк и публицист М.П. Погодин; Штур был с ним знаком и даже вел переписку. Главными принципами его теории были отрицание европоцентризма, осознание цивилизационного антагонизма между Западом и Востоком, закономерного возрастания роли славянских народов в мире и культурно-политической миссии России на востоке Европы. С точки зрения сегодняшних реалий заслуживает внимания указание Погодина на то, что неприязнь Европы в отношении России перерастает в русофобию, что неизбежно ведет к противоборству России с Европой, что, по его представлению, является единственным путем решения восточного и славянского вопроса...

Русские славянофилы считали европейских славян слабыми, порабощенными и несвободными, и Россия, по их убеждению, была призвана возродить эти народы и объединить их под своим верховенством. Однако все это могло бы произойти только после распада империи Габсбургов и Османской империи. Затем должно было по-

следовать создание «Всеславянского союза» — по терминологии Погодина, или «Славянской империи» — по словам другого славянофила, поэта Ф. Тютчева... Штур написал свое произведение по-немецки с целью преодолеть имеющиеся языковые ограничения и дать миру — по крайней мере, германскому — ясный сигнал о потенциальной силе всего славянства. В этом тоже проявился его идеализм, поскольку ни в Германии, ни в Австрии трактат в итоге так никогда и не вышел, а его оригинал был опубликован лишь в 1931 г. в Братиславе благодаря чешскому ученому Йозефу Ирасеку. Однако после смерти Штура, пройдя по цепочке славянофильских связей, через личных знакомых автора, а затем — неустановленного русского знатока проблематики славянства, он попал в руки В. Ламанского. Тот перевел трактат с немецкого языка и в 1867 г. издал его с помощью Императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете. В этом же переводе он был издан в Санкт-Петербурге в 1909 г. Обществом ревнителей русского исторического просвещения.

Хотя Штур и опирался в своей работе на идеи русского славянофильства и панславизма, он по-своему развивал и домысливал их, а собственное видение славянского государства он сформулировал очень конкретно, причем с позиций не русского, а словака. По его убеждению, для того, чтобы славяне, в том числе и словаки, обрели достойное их численности и способностей историческое место, им необходимо освободиться от чужого господства и получить собственное государственное образование. Этого можно было бы

достичь тремя способами: во-первых, путем создания федерации славянских стран, во-вторых, преобразованием Австрии, которая вобрала бы в себя западных и южных славян, и, наконец, третьим путем — присоединением всего остального славянства к России. Наиболее приемлемым представлялось ему третье решение, которое он детально обосновал, не избежав при этом идеализации России и русского народа, хотя и отмечал в то же время его консерватизм, особенно религиозный. Однако в целом он предрекал России великое будущее. Если Погодин в духе учения Гегеля утверждал, что каждый народ должен иметь а priori собственную основу, которую у русских он видел в православии, то Штур в этих размышлениях пошел еще дальше. Он не только говорилл о губительности римского католичества для словаков, одновременно критикуя и протестантизм за его односторонность, но и указывал в своей концепции на необходимость распространения православия, в том числе и на словацкие земли. По его убеждению, оно было исконной славянской религией и в будущем призвано стать общей религией для всех славян...

«Славянство и мир будущего» впервые вышло по-словацки лишь в 1993 г.; его издание было подготовлено Словацким институтом международных исследований. Трактат Л. Штура перевел литературовед-германист Адам Бжох. И поскольку в Словакии это произведение ранее почти никто не читал, и на него почти не было откликов, то, видимо, вполне закономерно, что его публикация сразу же вызвала критику со стороны некоторых представителей словацкой интеллигенции; однако это

показало и беспомощность их аргументации, не всегда соответствующей уровню размышлений самого Штура. Здесь, очевидно, сказалось неумение наших современников «возвыситься над временем и пространством»...

Думаю, этот момент отразился и в концептуальном предисловии, написанном ныне, к сожалению, покойным литературоведом-словакистом тославом Бомбиком. Уже само название предисловия, «Das Slawenthum... как отрицание Штуром Запада», говорит о том, что автор в качестве основного посыла всего произведения видел, прежде всего, негативное отношение Штура к западной цивилизации, не вникая глубоко и детально в упомянутые мною причины и обстоятельства этого факта. Он цитирует мрачное пророчество Штура: «Одна революция будет следовать за другой, и после каждой из них нравы народов Запада будут становиться все хуже. Следующие поколения будут еще более дикими и злонравными, они уже дышат этим воздухом, уже черпают из него силу, западным духом времени отмечено само их воспитание; это дух слабости, лени, принципиального отказа от строгости; размягченность, избалованность и жадность все более вытесняют прежнюю сдержанность, серьезность и трудолюбие; так пусть же тогда несут колеса телегу вперед, раз их уже не повернуть вспять, пусть летит она вперед вместе с поколениями Запада, пока их не ухватит над пропастью сильная рука». И автор предисловия с удивлением вопрошает: «...как мог протестант и интеллектуал или, по крайней мере, человек, по нашему предположению, глубоко укорененный в интеллекту-

альном и ценностном базисе западной культуры и ее архетипах, прийти к такому огульному отрицанию Запада и экзальтированному преклонению перед Востоком?» Отвечая на свой вопрос, он указывает на концепцию телеологической истории Штура, опиравшуюся на теорию «славянской взаимности» Яна Коллара и «Философию истории» Г.В.Ф. Гегеля. С этим можно согласиться. Но все же удивительно, как мало в этом понимания сути интеллектуального протеста Штура, который основывался не на отвлеченных идеях, а на конкретной реальности своего времени и обстоятельств.

Спустя одиннадцать лет Петер Улл из Трнавского университета в статье «Политическое завещание Штура словакам и славянам» несколько по-другому толковал положения трактата, акцентируя его иной аспект: «От Запада мы научились многому, очень многому, но мы не можем начать с того, из-за чего он сам приходит в упадок, для нас важно то, благодаря чему он возвысился и укрепился. Что касается государства, нам следует поучиться у Запада строгому подчинению государственным интересам путем устранения своеволия и необоснованных претензий, не отказываясь при этом от собственного лица; мы можем научиться от него созданию в государстве целого ряда полезных институтов, можем взять за образец его прежнюю самодисциплину, можем перенять у него массу ценных познаний из научной сферы, войти вслед за ним в прекрасный храм искусств, чтобы достичь в итоге высших целей человеческой жизни и воплотить в жизнь идеалы всего человечества. В конце концов,

мы можем извлечь уроки и из его постепенного упадка».

Разница во взглядах двух этих исследователей на произведение Штура обусловлена, наряду с прочим, разобщественно-политической и культурной обстановки на разных этапах его восприятия. Во время издания словацкого перевода для стран бывшего Восточного блока общим моментом было некритичное восхищение Западом (это отмечал и известный американский философ Н. Чомский во время встреч с представителями восточно-европейского диссидентства, в частности, в Венгрии). Правда, в Словакии ситуация была несколько отличной, да и число диссидентов здесь было намного меньшим. Позднее, когда долгожданную свободу, которую принесла с собой Нежная революция 1989 г., потеснил суровый неолиберализм, восхищение сменилось более трезвой оценкой и даже скепсисом. И вполне закономерно, что в начале 1990-х гг., в период утверждения в Словакии западной политической ориентации, восприятие книги, критикующей Запад, не отличалось историчностью. А современный ход истории настолько стремителен, что наши оценки просто не поспевают за ним...

Обобщающие положения об общеславянском союзе Штур подкрепил в своем трактате глубоким анализом истории и современного ему состояния народов, в котором он затронул и вопрос национального менталитета. Его характеристики отличаются нелицеприятной прямотой и открытостью, и в то же время он идеализирует черты, созвучные его концепции. Таким образом, он пытался обрисовать будущее через

прошлое (в этом, пожалуй, заключается главное противоречие книги) и делал упор на патриархальность, считая ее оптимальной основой общественно-политического строя для славян.

Направление мыслей словацкого будителя свидетельствует об ощущении угрозы существованию этноса, но при этом в них присутствует явный социальный аспект: анализируя тогдашнюю общественную ситуацию, Штур осуждает тех, кто обогащался за счет обнищания простого люда. Он пишет об эксплуатации богатыми русскими помещиками народных масс ради жизни в западноевропейской роскоши даже у себя на родине (Ламанский в своем предисловии к трактату добавляет меткий комментарий о русском «господском эпикурействе»), об их спекуляциях земельными наделами совместно с еврейскими нуворишами. Сегодня у некоторых вызывает недоумение тот факт, что Штур одобрительно высказывался о царских реформах, направленных против помещиков и против евреев. Видимо, Штур оценивал эти вещи со свойственным ему идеализмом и прямолинейностью, а также с собственной геополитической точки зрения, задаваясь главным для себя вопросом: какое влияние это может оказать на развитие Словакии, на положение словацкого народа? И потому без всяких сомнений принимал политику главы Российской империи, царя, образ которого соответствовал его представлению о мудром славянском патриархе и о перспективах европейского славянства.

Глубже понять суть завещания Штура могла бы помочь книга французской исследовательницы истории перевода Паскаль Казанова «Мировая

республика литературы» (1999). Наряду с основной, французской литературой, которую она определяет как «центр» литературного процесса, и с литературами других больших народов, Казанова уделяет внимание и так называемым малым европейским литературам. Обрисовав историю возникновения мировой литературы, она пишет о «филологической революции», вызванной революционным движением европейских романтиков, а также об «эффекте Гердера». Этот философ еще в конце XVIII в., стремясь упрочить положение немецкой литературы, выдвинул тезис о неразрывной связи между нацией и языком. Это дало основание в революционные годы для требований «малых» европейских народов своего равноправия с остальными в политическом, языковом и литературнм отношении. Гердер ратовал за то, чтобы национальные литературы создавались на национальных языках, а в своем труде «Идеи к философии истории человечества» уделил внимание и славянским народам, благодаря чему остался в их памяти «первым защитником славянства».

Эти идеи явственно звучат и в рассуждениях Л. Штура, когда он в своем трактате говорит о принципиально важном для него вопросе языка. Надо признать, что сегодняшний словацкий «homo scribens» вряд ли может согласиться с его представлениями о наднациональном языке, которым должен был стать русский язык. Даже при понимании того, что это стало следствием тяжелого положения словаков в Австрии после 1850 г., со времен баховского абсолютизма, когда были забыты все обещания, данные в революционные

Яна Юранёва

БЛЮДЕЧКИ СЕРЕБРЯНЫЕ, ПОСУДИНЫ ОТМЕННЫЕ

Живые актрисы

Аделка Остролуцка

Аничка Юрковичова-Гурбанова Марина Пишлова-Гержова

Антония Юлия Сековичова-Браксаторисова

Ян Калинчак

Куклы, бюсты

Йозеф Милослав Гурбан

или табло с фотографиями Людовит Штур Андрей Сладкович

Сцена разделена на две половины, действующие лица на одной половине не контактируют с фигурами на другой и не знают об их присутствии. В какие-то моменты их реплики могут случайно совпадать, но это скорее исключение. На одной половине находятся живые актрисы и один актер, на другой — остальные персонажи, представленные в виде бюстов, фотографий и проч. Актрисы и актер на первой половине сцены общаются между собой, хотя и их разговор может показаться порой отдельными монологами. На второй половине, в своеобразном «Зале славы» или в кабинете литературы, фигуры не общаются ни друг с другом, ни с другой половиной сцены, ни со зрителями. Реплики с обеих половин могут порой идти параллельно.

АДЕЛКА: Знаете, что написал обо мне Штур после моей смерти? Что я была «существо». Не женщина, не человек, не создание, не личность — «существо»! Мол, «это было существо особое, более дух, нежели тело, исполненное образованности и благородства необычайного и любви к нам, что видно из оставшихся после нее дневников, самой горячей. Такое существо редко когда родится, а еще реже воспитывается в предназначении своем скорее Богу, чем миру». И это слова мужчины, которого я любила. Это он написал, когда я умерла. Как же он меня расхваливает! Каким совершенным существом я была, особенно когда умерла. Гурбану написал! Написал или не написал?

ШТУР (*гневно*): «Если вам охота пришла судить обо мне, извольте... но судите по моей деятельности на поле общественном, а частную жизнь мою оставьте в по-

годы, когда все словацкое и национальное, включая литературу, книги и периодику, подлежало искоренению как проявление антипатриотизма, когда из всех сфер жизни массово вытеснялся словацкий язык, что грозило ему, по убеждению Штура, неминуемой гибелью. Кроме того, надо иметь в виду, что словацкий мыслитель был гражданином империи, в которой использование наднационального языка было обычной практикой, будь то латынь, венгерский или немецкий язык; Штур, разумеется, свободно владел всеми тремя. Поэтому он был определенным образом подготовлен к выработке идеи наднационального славянского языка, правда, это было для него нечто совсем иное. В результате спустя всего лишь несколько лет после завоеванной им с таким трудом кодификации словацкого литературного языка, Штур семимильными шагами обогнал и самого себя, и общий ход развития и пришел к мысли об общем для славян языке, который использовался бы во всеславянском союзе.

В своих рассуждениях о языке Штур последовательно применял термин «язык питературы» или «язык письменности» (die Literatur-Sprache), что в русском издании было обозначено как «ди-

пломатический язык» (В. Ламанский) или «всеславянский язык» (Т. Флоринский). В предисловии к словацкому изданию был использован и термин «литературный язык» (spisovný jazyk), что, однако, не соответствует представлениям Штура. Очевидно, что он намеревался оставить славянам их собственные языки, но в качестве наднационального языка (языка делопроизводства и коммуникации, а по его терминологии и «языка литературы») предлагал узаконить русский язык. Вначале он даже предполагал, что таким языком мог бы стать старославянский. Здесь его идейный «футуризм» оказался уже в сфере «плюсквамперфектума», и он сам вскоре отверг эту альтернативу, признав старославянский язык мертвым.

Свой трактат Штур завершает обращением в будущее: «Таково наше послание! Пусть будет принято оно так, как было нами задумано». Его посыл может казаться на первый взгляд волюнтаристским и даже императивным, однако в то же время он выражает и просьбу. Думается, это красноречивый финалего творчества, веское «Хау, я все сказал» нашего могиканина. Побывав в доме Штура, мы осознаем еще глубже, что его завещание следует помнить.

Перевод Л. Широковой

Ева Малити Франева — Eva Maliti Fraňová (р. 1953) — словацкая писательница, переводчица, литературовед, исследователь русской литературы. Лауреат ряда литературных и театральных премий Словакии. Автор нескольких книг прозы и драматургии, ряда научных работ в области русистики, в том числе монографии Символизм как принцип видения мира (Главы о русской культуре и литературе XX в.). [Symbolizmus ako princíp videnia (Kapitoly o ruskej kultúre a literatúre 20. storočia), 2014].

кое, до нее никому нет дела! Однакоже вы... всякий раз в укромные места частной жизни лезете и оттуда... поношение на личность мою выносите!» Вот что написал я в достославном 1848 в статье под названием «Отгоняя оводов».

АДЕЛКА: Некоторые женщины от несчастной любви бросаются под поезд. Другие губят своих детей, чтобы только отомстить мужу. А некоторые даже и мужа убивают. Да уж, мало кто из нас тихо умирает от чахотки, читая при этом низкокалорийную «будительскую» литературу малого народа, к которому даже и не принадлежит. Чахотка — болезнь бедных. А ведь я была аристократкой!

ШТУР: Дорогой брат мой! Справедливо ты оценил ту, что, преисполненная любви к нам, покинула нас и сердце мое, и без того уже всё в кровь истерзанное, уходом своим тяжко ранила. Это было существо особое. Существо особое... В последние дни, будучи как в горячке без памяти, говорила всё больше на нашем, словацком языке. Мертвое тело перевезут в Острую Луку, в семейный склеп. Радуюсь за неё, что будет лежать она среди своих.

АДЕЛКА: Некоторые женщины совершают великие дела, некоторые совершают преступления. А я умерла тихонько, без лишнего шума. Просто перехватило дыхание, даже кричать уже не могла. В некоторых романах женщины от несчастной любви руки на себя накладывают.

ШТУР: Брат мой дорогой, доколе будем мы терпеть эти западные влияния, вред несущие здоровью духа народа нашего. Надобно нам обратиться на восток, где еще добрые влияния сохраняются. В краях, откуда не был еще славянский дух изгнан и где он сам себе не стал чуждым, поддерживается еще старый добрый обычай, согласно которому члены общины с любовью заботятся о больных и страждущих. Каждый охотно приносит дар свой, чтобы помочь облегчить их тяжелую долю и радуется затем своему доброму деянию, больному посылают в дом его еду и лекарства, бедному дают от всего сердца милостыню, а героический сын Сербии растроганно слушает песни слепых сказителей и щедро вознаграждает их.

АДЕЛКА: Он написал обо мне, что я — существо.

АНИЧКА: Он и похуже еще писал. Когда мой Йозеф Милослав на мне женился, Людевит такое написал в газету, что я думала — умру. Публично его осрамил, перед всем народом. Приятелям писал, что, мол, к Милославу, то есть, к мужу моему, на погребение приехал! А приехал он заранее, дня так за три до свадьбы, и всё еще пытался отговорить его, чтобы на мне не женился, а народу остался верен. Ну, что вы на это скажете?!

АДЕЛКА (*не слушая ее*): Кто дал ему читать мои дневники? Мол, «...и любви к нам, как то из оставшихся после нее дневников видно, самой горячей...». Вот

что он позволил себе написать. А мне ни одного письма не написал, ни одного! Только матушке моей — и то всего три, а в конце приписал: посылаю книги эти барышне Аделке. К чему мне были эти книги, боже мой! А я каждый раз им радовалась. Думала, это некий знак. Читала их как нечто священное. Да по-другому их и читать-то было невозможно. Совершенно невозможно было их читать. Господи, да у меня просто мозг при этом цепенел. Что за мучение было читать эти тяжелые фразы, такие тяжелые и такие... а эти слова! Такие неуклюжие. Наверняка мучительно было даже писать их. И это было заметно. Ведь Штур очень страдал, когда что-то писал. Хотя писал он много, очень много, постоянно что-то писал. Особенно письма. Всем. Кроме меня. И постоянно страдал, за народ, за родину, за обездоленный люд, за отчизну, за Татры, за всех этих орлов и соколов... страдал и страдал, никак не мог успокоиться. А ведь сколько хороших книг было у меня дома, французских, немецких, венгерских, всяких. Но раз он хотел, чтобы я читала и по-словацки, я и читала, хотя от этой писанины мне было просто дурно. Это были какие-то неудачные ученические сочинения. Да еще такие вымученные. Зачем вообще нужно писать такие вещи, скажите на милость?!

АНИЧКА: Не говорите так! Это было самопожертвование, каков бы он ни был, он многое дал народу своему.

АДЕЛКА: Под конец я уже в предсмертном бреду начала что-то по-словацки лопотать, и это так ему понравилось. Я надеялась, что до него дойдет. Но до него ничего не дошло. Он думал, я перед смертью стала словачкой. А мне только хотелось ему понравиться. Но кому же может понравиться «существо»? Он культивировал мою несчастную любовь к нему как, как... нет, он даже ее не культивировал. Он предоставил это мне — пусть она ее культивирует. А он только выставлял перед всем миром свои страдания от несчастной любви. Кому было дело до того, что думаю я? А что я, собственно, думала? Великий патриот, который из-за заботы о народе не может даже жениться или кого-нибудь полюбить. Из-за какой-то катастрофы, которая откуда-то неизбежно надвигается.

АНИЧКА: Это правда. И моему Милославу он все время твердил и часто писал — грядет катастрофа, не женись, не заводи семью, куда ты потом с этой семьей денешься. Ну, и он был все-таки отчасти прав, хотя если бы все так рассуждали... Катастрофа... Он боялся катастрофы, и меня поносил, но все-таки... С мужем моим они потом помирились. Это было с его стороны самопожертвованием, все это знают.

АДЕЛКА: Катастрофа, самопожертвование, что за слова. Самопожертвование, самопожертвование? Вы к нему не ревновали?

ШТУР: Славяне по праву дорожат своим прекрасным нравом и весьма ценят его достоинства, каковые в богобоязненности, трудолюбии, открытости, а нередко

и в богатырской удали этих чувствительных сердец заключаются, и они никак не желали бы, чтобы достоинства эти обратились в некие новомодные извращения.

АНИЧКА: Почему? Меня мой Йозеф Милослав любил больше, чем Штура. А вот любил ли Штур моего мужа и других больше, чем вас... Что мне за дело?

АДЕЛКА: Как вы все это могли выносить? Всю жизнь!

АНИЧКА: Вынести можно все. А моя жизнь была полна. До самых краев.

АДЕЛКА: И вам не казалось порой ее наполнение чем-то для вас чуждым?

АНИЧКА: Чуждым?

АДЕЛКА: Вы с ним срослись?

АНИЧКА: С чем?

АДЕЛКА: Со всем этим.

ШТУР: Куда устремления симонисток у французов или действия женских союзов и их предводительницы леди Булвер, домогающихся равных гражданских прав с мужчинами у англичан привести могут, каждый легко догадается. Их наскоки уже наделали много греха, а если и далее эти бесчинства продолжатся, то ничего кроме беспорядка и разрушения семейного уклада мы не дождемся.

АНИЧКА: Даже не знаю. (Задумчиво) В меня многие были влюблены...

ФРАНЦИСЦИ: Деятельное участие в театральных представлениях имело на меня, на всю мою жизнь самое благотворное воздействие. Заключалось оно, с одной стороны, в том, что благодаря им я имел случай обучиться более приличному и изящному обхождению как с мужчинами, так и с женщинами, а с другой стороны — в том, что я познакомился с благороднейшей и горячей патриоткой словацкой Анной Юрковичовой, дочерью самоотверженного и горячего патриота Самуэля Юрковича, евангелического учителя из села Соботиште. Анна Юрковичова стала позднее супругой Йозефа Милослава Гурбана. Знакомство мое с нею было, правда, тем, что принято называть «студенческим знакомством», однако оно могло бы, вероятно, привести к прочным отношениям на всю жизнь, если бы я не изъяснил отцу устно и письменно, что посвятил себя делу на благо народа, к которому призвали меня народные нужды.

АДЕЛКА: И он тоже не женился?

АНИЧКА: Очень я его полюбила. Такой красавец был. Высокий, ладный, статный юноша. Девицы по нему с ума сходили. И я его полюбила, да и он, говорят, тоже, но его любовь была несчастной.

АДЕЛКА: Это была, видимо, болезнь времени. Питать несчастную любовь к девушке, которая в тебя влюблена.

АНИЧКА: А когда я вышла за Гурбана, он, говорят, очень страдал.

АДЕЛКА: И мне надо было, наверно, так поступить. Выйти за кого-нибудь замуж. А Штур страдал бы. Только вы-то вышли за патриота, поэтому никто вас и не попрекал. А выйди я замуж за какого-нибудь графа, все бы меня проклинали: я-то, мол, живу прекрасно, а Орел страдает.

АНИЧКА: Меня тоже проклинали. И Штур первый. Да и другие перешептывались, дескать, я Гурбана для себя одной украла. А когда мы представления устраивали, все женщины кругом меня осуждали, не принято было выставлять себя с мужчинами на сцене.

АДЕЛКА: А что было с вашей первой любовью?

ФРАНЦИСЦИ: В апреле месяце я сделал в своей личной жизни решительный и, смею сказать, счастливый шаг. Я женился. Поскольку Анна Юрковичова от меня отказалась, выйдя за Йозефа Милослава Гурбана, а другую девицу, с которой я на эмигрантском балу в Микулаше познакомился, родители ее за меня выдать не захотели, и в ту пору среди знакомых мне словачек не видел я ни одной, которая соответствовала бы моим взглядам и симпатиям и подходила бы мне в жены в теперешнем и, думаю, в будущем моем положении, то и решился я взять в супруги юную Амалию, дочь Ондрея Касаницкого, чиновника из управления лесничествами в Банской Быстрице. При первом же знакомстве Амалия произвела на меня хорошее впечатление, и по ней было видно, что и я ей не совсем безразличен. После первого визита стал я заходить туда чаще, так что мы постепенно становились друг другу все ближе, и я, наконец, осмелел и задал вопрос Амалии, хотела бы она стать моей, а ее родителям — были бы они столь добры отдать Амалию в жены мне, человеку без средств, располагающему лишь самим собою и теми добрыми качествами, которые я в себе наблюдаю и ощущаю. В качестве ответа я получил и от Амалии, и от ее родителей согласие.

АДЕЛКА: Вот видите, Аничка, среди нас незаменимых нет. А я все никак не могла это понять. За всю свою жизнь так и не поняла. А что эти мужчины, они позволили вам выйти на сцену?

АНИЧКА: Конечно. Даже рады были, что я у них есть. Иначе им самим пришлось бы играть женские роли.

АДЕЛКА: И часто они играли роли женщин?

АНИЧКА: Что вы имеете в виду? В доме женщину никто не заменит. Семья, дети, кто обо всем этом позаботится?

ГУРБАН: Штур не дожил до этих нынешних самоубийств, разводов, женской расточительности, краха домашнего благополучия, развала семей и даже целых народов; но пророчество его исполнилось, исполняется и будет еще исполняться. Это можем подтвердить и все мы, кто наблюдает эту распущенность и культ женского тщеславия, охватившие целые народы. Каждая затрапезная девка корчит из себя светскую даму, бедняк без гроша за душой наряжает свою женушку в шелка, а барышня со скромным достатком дымит сигаретами и во второй половине дня только и делает, что лениво пролеживает бока, тогда как первую его половину проводит в нечистом воздухе, наряжаясь. Потом она становится светской дамой, выйдя замуж за кого попало, и ей уже необходимы двое докторов, три служанки, собственный портной, пошлые картины на стенах, безделушки на туалетном столике и — кормилица. Кнутом все это надо гнать из нашего общества словацкого, ибо это больше вредит народу нашему, чем оголтелая мадьяромания и дурной рационализм. Назад следует повернуть оглобли в деле воспитания семейств наших, направить его в царство богобоязненности, стыдливости, трудолюбия, строгой дисциплины дома и в школе, а молодежи, тем паче, надо задать поболее работы для ее духа и научить думать о будущем. Дать ей Штура за образец.

АНИЧКА: А раньше у них играл женские роли Ондрик Браксаторис — Сладкович. Ну, вы знаете, который. У него было такое гладкое приятное лицо. С ним я тоже подружилась. Его как раз тогда любимая оставила, когда он приехал к нам в Соботиште.

АДЕЛКА: А как вы поняли, дорогая Аничка, что этот ваш и есть настоящий?

АНИЧКА: Не знаю, право, не знаю. Просто как-то почувствовала. Ведь Янко жениться не хотел, а остальные боялись на мне свой взгляд остановить, хотя все время так и смотрели... А Гурбан был старше, умнее, хоть и вспыльчивый. Да, собственно, знаете, был ли он тем самым, настоящим, или не был, наверно, был, хотя.., не знаю. Другого я все равно не могла себе представить. Я вышла за него, а через три года случилась революция.

АДЕЛКА: Знаете, что я думаю теперь, когда все уже давно прошло? Что Штур для меня не был тем самым, настоящим. И я для него тоже. Для меня было соблаз-

ном быть его соблазном. Конечно, я была высоконравственной, ни о чем другом кроме идеалов и не думала, но лишь потому, что его не привлекало ничего, кроме идеалов. А вас никогда не соблазняло получить то, что невозможно?

ШТУР: Так значит, ты женишься? Об Ульмановой я слышал, но, кажется, никогда ее не видел. Будь же счастлив в этом союзе, Йозеф, и пусть станет, будь на то воля Божья, будущая супруга Твоя такой же, какой была матушка Твоя. Это явление столь редкое — таковая личность, однако для сердца Богом исполненного возможно достичь высот сих. А раз уж мы говорим об этом предмете, не мог бы Ты там, в Праге, рекомендовать и самому младшему брату моему какую-либо особу? Ты знаком с братом моим Яном, который теперь является служащим с мизерным доходом, но юношей решительным. Особа эта должна быть, прежде всего, богобоязненной, а также хоть немного состоятельной, поскольку брат мой находится в таких обстоятельствах, что весьма в том нуждается.

АНИЧКА: Разное меня соблазняло. Разное мне и удавалось.

КАЛИНЧАК: А Вы помните, Аничка, как мы в Соботиште комедию играли, и меня, суфлера, в газетах тогда очень хвалили? Помните, как вы сгребали липовую листву и нам ее мешками в Прешпорок посылали? Мы, правда, морщились, раскуривая ее, но потом все же из одного только сердечного рвения в трубках наших спалили.

АНИЧКА: Да, помню.

Калинчак танцует с ней вальс, потом кружит и Аделку, целует обеим руки и исчезает.

АНИЧКА: Сладкович посетил Соботиште как раз в середине июля. После разговора с моим папенькой он «мобилизовал» студентов, своих коллег по братиславскому лицею, проводивших в то время каникулы в самом Соботиште или в ближайших окрестностях. Для первой постановки они выбрали одноактную фрашку Коцебу «Лейб-кучер Петра III». Я играла единственную женскую роль. Вот уж посплетничали обо мне все кумушки соседки! Мол, ее теперь никто замуж не возьмет. Мол, срамота-то какая. А папенька мне позволил и даже поддержал меня. Мы начали готовиться к спектаклю с большим воодушевлением, и уже через несколько дней состоялась премьера, вступительную речь к которой написал мой Гурбан, будучи тогда еще капелланом в Брезовой.

АДЕЛКА: Вы играли в любительских спектаклях, я ходила на балы, имела поклонников...

АНИЧКА: Какие они были?

АДЕЛКА: Уж и не помню. Все были одинаковые. Некоторые весьма милые, и когда я умерла, они, возможно, вспомнили обо мне. Наверно, и в газетах об этом сообшили.

АНИЧКА: Конечно, сообщили.

АДЕЛКА: Сама не знаю, почему я в него так уперлась. Те, другие, были какие-то обыкновенные. Они уже меня не интересовали. А его я никак не могла разгадать. И ведь знала, что делаю плохо. Для самой себя плохо. Догадывалась, что это ни к чему не приведет. Но именно это меня в нем так завораживало. Порой, когда мы с ним беседовали, я даже чувствовала, что он забыл о моем существовании, но все равно наивно верила, что причина тому — его увлеченность своими идеями. Я сознавала, что рядом с ним я перестаю быть женщиной. Но это гибельное ощущение меня привлекало. Думаю, оно меня привлекало.

АНИЧКА: Дети были для меня самой большой радостью. И за них я больше всего переживала, особенно когда они болели. За мальчиков, когда им надо было поступать на учебу, за девочек, когда они выходили замуж. Разве могла я знать, что их ждет при этом самое лучшее из всего возможного? Разве это вообще можно знать? Особенно — девочки. Выдадите их замуж за плохого человека, и их жизнь превратится в ад. Достаточно я с ними натерпелась. Семеро детей. Четверо мальчиков, три девочки.

ШТУР: Больше творить, меньше тратить.

АНИЧКА: Детям нужно то одно, то другое, зачем же их ограничивать, если нет в том необходимости.

ШТУР: Как глубоко укоренилась в сердце славянина любовь к человеку, она озаряет собою и поведение русских войск в ходе последних войн. Эти добросердечные люди щедро раздавали свою пищу всем бедным, которые им встречались, и особенно заботились об осиротевших детях, а многие из них взяли их к себе домой — отсюда-то и пошел слух, который распространяли поляки после подавления Варшавского восстания, будто русские похищали из Варшавы детей.

АДЕЛКА: Я никогда не знала, что он на самом деле думает. Что говорит, пишет — это я знала. Но что он думает... Меня соблазняло соблазнять его. И, в конце концов, я совсем поддалась соблазну. А он устоял. Порой мне казалось, что его больше соблазняет мой брат, а не я.

АНИЧКА: Если подумать, моя жизнь была наполнена совершенно. До краев. Больше бы уже не поместилось.

АДЕЛКА: А меня наполняет одна лишь катастрофа. Катастрофа этого человека. Когда он так пламенно говорил об этом своем народе, я слушала его и искала что-то между строк. Порой даже казалось, будто там кое-что есть, но на самом деле — лишь казалось. В этих строках для меня не было никакого послания.

ШТУР: Когда что-то строится и должно быть прочно построено, то следует от самого фундамента начинать; так и мы в рассуждении о народе нашем в стране нашей Угорской начинаем снизу, с простого люда. Он является существенной частью народа нашего, а сам менее всего мыслит и менее всего знает, за что ему ухватиться, а что от себя отторгнуть надобно.

АДЕЛКА: Чтобы соответствовать критериям романтика он влюбился, причем любовь его была несчастной — а как же иначе? Но что же делать женщине, если к ней кто-то испытывает несчастную любовь, а она к нему при этом — счастливую? Он все время раздувал огонек своей нерешительностью, и огонек то горел, то угасал, потом снова немного разгорался, пока это не кончилось для меня воспалением легких. А огонек все горит, а потом уже лишь тлеет, как туберкулез в моих легких. Разумеется, этот огонек пожирает вокруг все, что только найдет, поскольку питаться ему нечем, кроме одних пустых надежд, и я в конце концов истлела на смертном одре, а потом в могиле, мне уже, наверно, и не хотелось, чтобы этот огонек горел, но я уже не владела своим телом, а помощь ниоткуда не приходила. Да что говорить, я и так уже была старой девой. А для него — «существом». (Оглядывается.) А это кто?

АНИЧКА: Где?

АДЕЛКА: Там, в углу.

АНИЧКА: Я никого не вижу.

АДЕЛКА: Стоит и не двигается. И лица на нем нет, но выглядит, как женщина. По крайней мере, костюм на нем такой. Эй! Есть там кто-нибудь? Кто вы?

Вперед выходит еще одна женщина. Ее лицо закрыто белым платком.

АНИЧКА: Привидение?

АДЕЛКА: Все мы здесь привидения.

Дама сдергивает платок с лица, под ней — нарисованная маска, чужое лицо. На лице застывшая улыбка идеальной красавицы.

MACKA:

Вы, гении любви явлений ясных, И время, и пространство уничтожьте, Часы сморите в вечности прекрасной Ии горы странные разрушьте тоже! Или кричите, бейте вы в колокола, Что нам любовь законы создала, Обычай мертвый здесь уже не вправе. Пусть весть счастливая по миру разнесется, Что благородных душ надежда вдруг очнется, Ее судьбы предательство не давит!

АДЕЛКА: Нет, давит. Мы все тут задавлены.

АНИЧКА: Кто вы? Чахтицкая белая пани? Или Белая пани из-под Ситно? Желтая лилия? Несчастная, ну, откройтесь же перед нами!

MACKA:

Я сладкие мечты о красоте
Вливаю в песнь, виденьем очарован,
И весь мой мир вмещают звуки те,
Рожденные в душе, под легким кровом,
С вершины Татр мне светит красота,
Отнем с небес, полетна и свята;
Мирами движет с силой исполина;
Ей и ста жизней может не хватить.
В себе способна слить и воплотить
Всю мира красоту — моя Марина!

АНИЧКА: Ну, привет! Ох, извините! Я немного...

АДЕЛКА (*иронически*): Приветствую тебя, сестра. Откуда идешь?

МАСКА-МАРИНА(*Снимает маску, под ней лицо такое же бледное, но обычное, как и двух других дам*): Иду оттуда же, откуда и вы. Только у меня дольше получается.

АДЕЛКА: Дольше?

МАРИНА: Долиной темною покой идет; покой тот — смерть, тьма, смерти тени... И у меня в земле, где драгоценность не сгниет, в земле словацкой две могилы...

АДЕЛКА: Как это — две?

МАРИНА: В одной я лежу как Гержова, в девичестве Пишлова, рядом со своим мужем, пряничником Гержем. А во второй меня нет, зато на ней красуется надпись Ма-ри-на. Вторая, пустая, и есть моя настоящая могила. По крайней мере, когда имеется в виду, что:

> Я уступлю; Но память вечно будет мне напоминать Об ангеле покоя в темноте, О ясном образе во снах моей Марины.

АДЕЛКА: Все мы во снах. Так мы и возникли. Только вот я так и осталась «существом». Я хотела быть музой, а, впрочем, может, и не хотела, хотела быть... может, орлом или соколом, чтобы он меня заметил, а осталась «существом».

КАЛИНЧАК: (прогуливается под руку с Аделкой) Жаль вашей прелестной головки, не надо ее так терзать. Не думайте уже об этом. Все равно ничего не поймете. Мне знакома эта печаль, я тоже вкусил ее. (Читает письмо.) Приятель мой, Самослав Богдан Гробонь. Так мне здесь порою тоскливо, так тяжело на сердце, ибо стою я одинокий, словно малый оазис в пустынях африканских, и ветры, что со всех сторон слетаются, грозят сокрушить волю мою гранитную. Единственное, что делает меня более удовлетворенным собою, это то, что мы со Штуром совершенно примирились и честно подвели итоги, то есть признали за каждым право на личное мнение, а о недоразумениях, которые между нами возникли из-за разных сплетен, как пишет мне Штур, решено было забыть. (*К ним присоединяется Анечка*.)

АДЕЛКА: С вами он когда-нибудь примирялся? А со мной — даже и не знаю.

АНИЧКА: С моим мужем примирился, да и то — как будто бы.

КАЛИНЧАК: Ах, эти сигары, эти сигары...

ШТУР: Милый мой приятель! Само Богдан Гробонь! В году 1845 Янко Калинчак написал мне сердечное и открытое письмо, Я видел отрывки из него и слышал недавно из уст доброго и сердечного приятеля о том, что о нашем разрыве свет насочинил и выдумал. Что там свет себе думает — мне безразлично, но с Вами я хочу быть искренним, равно как и в письме, к Янко Калинчаку написанном, был я искренен. Знаете ли Вы, братец мой, истинную причину нашего с ним расставания? Дошло до меня, что Калинчак к делу нашему народному настолько охладел, что решил даже в «Татрин» не вступать, чтобы-де перед некоторыми господами себя не скомпрометировать и счастье свое не сгубить, а без того-де он скорее место получит и жениться сможет. И это, поверьте мне, было главным!

АДЕЛКА:

Как и вы, мои цветочки, Только день да ночь жила, Как и вы не знала света, Ни о чем не мечтала!

Какие цветы вам больше нравились, Марина? Аничка?

ГУРБАН: Штур, когда замечал в лицее между лекциями какое-нибудь красивое молодое лицо, выразительный взгляд, пытливую мысль, но раньше человека того в кругах своих не видел, то расспрашивал о нем, советовал друзьям обратить на него внимание и старался приобщить его к изучению дел национальных наших. А при этом соколиный глаз его так и выискивал, где какой талант он мог бы еще уловить и в свой круг привлечь мог.

АДЕЛКА: Так значит, мужчины, юноши, как все просто. А я могла бы еще сто лет страдать. Глубоко, вдохновенно... И как возвышенно я себя терзала!

КАЛИНЧАК: Но ведь он только ревновал. Ничего более...

ШТУР: Я подумал: Янко — юноша в полном расцвете сил, а уже ради возможного, всего лишь возможного благополучия в жизни от дела нашего отрекается и нас сторонится, и уж если он в «Татрине» компрометации боится, тем более будет бояться компрометации, работая в газете, ибо кто другой будет более на виду у людей и наших светских господ, как не те, что при газете состоят? Слышал я к тому же, что питает он твердую надежду в Левочу или в Рожняву перебраться, а если не туда, то останется в св. Яне и там, говорят, чтобы вкусить сладости семейной жизни, поступит на службу. Ко всему этому прибавилось и то, что заметил я в нем определенно меньшее внимание к делу нашему, чем раньше, и, наконец, тут подействовал и мой ригористический подход, который Вам известен.

АДЕЛКА: И по отношению к вам он был таким же сухим, как сухой спирт. (Подходит к Калинчаку.) Оба мы были отвергнуты, а я и не знала.

ШТУР: Все это решило дело, тем более, что на мое двоекратное приглашение как можно скорее к изданию газеты присоединиться он никакого ответа мне не дал. И мы расстались, но расстались из-за принципа, хотя чего только низменный свет причиною нашего расхождения не измыслил! Очевидно, что он не только поступки ради принципа понять не может, так еще и этим поступкам самые пустячные побуждения приписывает. И вот на нас наговорили, будто расстались мы из-за Марии Шрёдеровой. Каким же подлым это мне показалось. Но пусть свет этот верит, чему хочет, пусть уж и эту байку, и всю кучу баек, обо мне приду-

манных, повсюду разносит, только Вы, братец мой, не верьте из того ни единому слову, если только верите, что желаю я добра Словакии.

КАЛИНЧАК: Знаете, милая моя Аделка, все было не так, как вы думаете. Не совсем так. Моей единственной любовью была Мария. Шрёдерова. Но все закончилось, и я остался один. Уже навсегда. Штур перестал мне доверять, из-за того, что я влюбился. Он даже не взял меня в редакторы «Словенских народних новин». И мне пришлось по осени принять место гувернера в семействе Ландерера в Виндшахте. Позднее мы помирились.

АДЕЛКА: Вы, должно быть, были очень хорошим человеком.

КАЛИНЧАК: Он со многими так расставался, а они даже и не понимали — почему. А потом снова мирился. Такой уж характер у него был. Когда они женились или влюблялись, ревновал как чёрт. Хотел нас для себя сохранить. Хотя и жил совершенно один.

АДЕЛКА: А он что-нибудь давал вам взамен?

КАЛИНЧАК: Наверняка что-то давал.

ШТУР: Я со Шрёдером почти с самого моего детства в добрых отношениях, когда-то года два был его заместителем по курсу синтаксиса, он для меня много хорошего сделал, а я — для него, но к М. никогда, никогда у меня ни единой капельки любви не было и нет, даже напротив, образ ее всегда был моему существу противен. И это, братец, мои самые искренние слова. Меня прежде трогали другие образы, ее же — никогда, ни в малейшей мере, но налетел ураган идей и свершений наших, вывернул все с корнями и из души моей вновь сделал в этом отношении «tabula rasa». Думаю, вам не требуется более свидетельств. Но пишу все это только Вам одному, с тем, чтобы вы не делились ни с единой живой душой. Такие свидетельства редко кто в жизни дает, но Вам я их даю, поскольку хочу быть с Вами искренен. Светская молва, что бы обо мне не разносила, мне безразлична, пусть судят по делам! Предостаточно и других баек, про меня ходящих, описал мне Янко К., о моей интолерантности, о моей диктатуре, но кто же от них отмахнулся, кто что-нибудь сделал?

АДЕЛКА: (Калинчаку) Почему он не написал это Вам?

КАЛИНЧАК: И вы еще спрашиваете? Вам он почему не писал?

АДЕЛКА: Вы меня спрашиваете? Почему он всему славянскому миру писал, а мне нет? Не знаю. Говорят, это не принято было — барышне писать.

КАЛИНЧАК: Он целыми ночами писал письма.

АДЕЛКА: А правда, что вы ему шейный платок завязывали?

КАЛИНЧАК: Правда. И карандаши чинил. Он был неловкий. Очень неловкий и непрактичный. (Шепчет ей на ухо.) А вы знаете, когда он так несчастливо влюбился в Градце Кралове, все дело было в том, что он упал с лестницы?

АДЕЛКА: А потом, говорят, под конец, сам в себя выстрелил, как-то это странно.

КАЛИНЧАК: Это было печально. Очень печально. Меня это совсем подкосило.

ШТУР: Славяне руководствуются не одним лишь разумом, как немцы, но также сердцем и душою.

Калинчак подходит к Аделке, и они без музыки танцуют вальс. На сцене появляется Антония.

КАЛИНЧАК: Какие цветы вам нравились больше всего, Аделка? Розы, сирень, ландыши — скажите!

АДЕЛКА: Уж и не помню. Но я их любила.

КАЛИНЧАК: А вы, Аничка?

АНИЧКА: Ромашки, фиалки, даже и не знаю. Когда мой Милослав умер, я носила их ему на могилу.

АДЕЛКА: А мне мой любимый не носил цветы на могилу. Цветы носят женщине или мужчине, а я была «существо».

АНТОНИЯ: У себя в садике я разное выращивала. И петрушку тоже. Мне очень нравился пряный аромат листьев петрушки. Но я никому об этом не говорила, только втихомолку нюхала свои руки, когда рвала ее на огороде. Мой Сладкович любил петрушку в супе, а я любила ее нюхать. Так мы дополняли друг друга.

КАЛИНЧАК: А вы, Марина? Первая любовь нашего Ондрейко?

МАРИНА: Лилии, потом еще ...

АДЕЛКА: Первая любовь, вторая любовь, любовь всей жизни, верная супруга, подружка, достойная дочь народа своего, дева белолицая — всё это вы, а я — «существо»!

АНИЧКА: Не надо уже из-за этого так переживать. Я для него не была даже «существом», ведь я его любимого Милослава украла. Да и не Милослава даже, а Йожко. Это в письмах ко мне мой муж подписывался как Милослав — тем именем, что они на Девине себе взяли. А тот ему писал: Йожко, друг мой, и т.д. Да еще в газетах меня опозорил.

МАРИНА: Лилии, потом еще... ну, я любила все цветы.

АНТОНИЯ: Я была ему верной супругой. А к Марине ревновала. Хоть он мне всё это объяснял. «На опушке кроткая хатка стоит, кедра дух прохладная тень там струит...» Похоронила я его. Он болел долго, ослаб. Хороший был отец, хороший муж.

МАРИНА: Хороший поэт. Сладкович был хорошим поэтом. Вы — его жена?

АНТОНИЯ: Жена. Мать его детей. Он наполнил всю мою жизнь. Сделал меня госпожой, женой священника.

МАРИНА: Мой Гержа тоже был хороший. Какие цветы вы любили, Антония?

АНТОНИЯ: Все. А вы, Марина?

МАРИНА: И я тоже. А теперь у меня цветы на обеих могилах. Мой Гержа, бедняга, ревнует даже после смерти. Но что уж тут поделаешь, ведь я принадлежу народу. Он мог бы мною гордиться.

СЛАДКОВИЧ:

Кто ж тот цветок пылающего мака В губах любимой видеть не желал? Кого из-под сияющего мрака Слоновой кости ряд не восхищал? На губ карминовых живую радость Спустилась ты, моей отчизны младость, На зубки — белизна и сладость. Союз сей, не случайного ты рода, Тут мне дает сама матерь-природа Две краски моего народа.

АДЕЛКА: А я не вышла замуж. И детей у меня нет. Я умерла очень молодой, хотя была уже старой девой. От чахотки. Мой милый бросал пылкие взоры на других юношей. Все, что он в жизни делал, он делал с мужчинами. Идеалы с ними разделял, революции проигрывал, газеты издавал, против Будапешта с Веной объединялся, переписывался с ними, так что ему были все женщины мира? Одна

лишь обуза. Только для отвода глаз два раза влюбился. Но и тут ему не повезло. Мы обе вскоре тоже в него влюбились, и ему уже не на что было сослаться. Но он все же сослался. На народ, на бедный люд, на будущее... А на нас наплевал.

ШТУР: Мы противопоставили жизнь семейную жизни общественной, однако пусть никто не думает, что тем намеревались мы жизнь семейную принизить и важность ее умалить. Сохрани нас Боже от этого! Мы хорошо сознаем, что домашний очаг и жизнь семейная святы, сознаем, что семья есть основа общины, и когда жизнь семейная прерывается и гибнет, община также страдает и, в конце концов, распадается. Жизнь семейная имеет для жизни нашей словацкой особое значение, и нам не хотелось бы порицать жизнь семейную как таковую, но лишь те ее излишества, что жизни общественной усилиться и распространиться мешают, что зачатки лучшей жизни душат и большему объединению народа нашего препятствуют...

АДЕЛКА: Аничка, у вас семеро детей.

АНИЧКА: Да. И внуки.

АДЕЛКА: А у вас, Тонка?

АНТОНИЯ: Три. А у Марины?

АДЕЛКА: Она куда-то подевалась. Но, наверно, и у нее есть... были. Ваш муж, Антония, был наверняка хорошим человеком.

АНТОНИЯ: Очень хорошим. Уважительным. Внимательным. О семье заботился. Вот с Аничкой еще в молодости, когда я его еще не знала, в театре играл. Она его тоже, верно, помнит.

АНИЧКА: Да, такой красавчик был.

АДЕЛКА: А Штур вам нравился? Он тоже был красавчиком?

АНИЧКА: Не могу судить о нем объективно. Я никогда не смотрела на него как на мужчину. Он был рослый, это точно, а так — не знаю.

ГУРБАН: А приехав за три дня до свадьбы, старался еще отговорить меня от намерения завести семью в столь роковое для народа нашего время. Но напрасно! Однако Людовит не мог отказать себе по возвращении с веселой свадьбы в Глбоком, где компания молодежи, мелодии народных музыкантов, песни нескончаемые свадебного обряда кружили около печального этого юноши, не мог он потом отказать себе в том, чтобы во вводной статье газеты своей не выразить

свое недовольство и эдак издалека, без точного указания лица, на которое удар его направлен был, резко порицать песни о любви и свадебные обычаи словацкие.

АНТОНИЯ: Если бы мне кто такое сделал...

АДЕЛКА: Как вы смогли это выдержать, дорогая Аничка?

АНИЧКА: Человек должен много любить и многое выдержать.

АДЕЛКА: Он говорил, что человек должен больше творить, меньше тратить, а вы говорите — многое выдержать. Что значит — многое выдержать? Что вы выдержали?

АНИЧКА: И не спрашивайте. Если бы я не вышла замуж, мне было бы тяжело. А когда я выходила замуж, все мне говорили: «Ты приносишь себя в жертву, приносишь себя в жертву». Но я выдержала. Семерых детей родила и воспитала. Восстание пережила — муж был на фронте. Он все время где-то был, политику делал, газету, даже в тюрьму его сажали.

АДЕЛКА: И все, что с ним происходило, вы выдержали.

АНТОНИЯ: В супружестве всё надо выдержать вместе. Муж должен жертвовать собой, иначе у него ничего не получится. Если хотите иметь семью, приходится жертвовать собой. Ради детей, ради мужа, и тогда вас будут уважать, любить — со мной тоже так было.

АДЕЛКА: Больше творить, меньше тратить. Вы много творили?

МАРИНА: Творить — дело мужчин. Мы — их идеи, они нас претворяют... выковывают из нас...

АНТОНИЯ: ...блюдечки серебряные...

АНИЧКА: Кладут на нас яблочки золотые...

АНТОНИЯ: ...а если бы не клали, остались бы мы ничем.

АДЕЛКА: Почему он мне яблочек не положил? И серебро мое орнаментом не украсил?

АНИЧКА: Он себя другому творчеству посвятил...

АДЕЛКА: А как же ваши? Как они всё успели?

МАРИНА: Мой Гержа был обычным человеком. Он пряники пёк.

АНИЧКА: Не знаю, Аделка, почему он вас оставил. Ведь когда меня мой Милослав замуж взял, всё потом уже на мне было. Он делал газету, политику, и о семье заботился, это правда, бывают мужья и похуже, но в остальном всё я делала. А у вас-то могла быть и прислуга, не знаю, просто не знаю, что ему мешало...

АНТОНИЯ: Идеи, наверняка идеи.

АДЕЛКА: А хотела бы я сама быть его блюдечком?

ШТУР: Кто из вас, ведомый высшим духом, над суетностью будничной возвысился и обозрел взором своим окрест широкий свет наш, кто из вас, спрашиваю я, не исторг из глубин души своей вздоха над народом, на нём распростертом, или над бедствиями тысячелетними, которые его преследуют, или над бременем, его тяготящим, или над унижением, в котором он пребывает?

АДЕЛКА: Иногда и творить — грех, а не творить — благо. Сколько он всего понаписал, а к чему это все.

АНИЧКА: Не святотатствуйте. Он народ наш возвысил премного.

АДЕЛКА: Действительно?

ШТУР: Невыразимо велики бедствия народа нашего, и если глубоко тронутый ими наблюдатель задаст себе вопрос, как всё это могло случиться, что ко всему этому привело, то вместо того, чтобы ответить на него, онемеет он от скорби.

АДЕЛКА: Вы думаете, что он действительно из-за народа не мог жениться? Не кажется вам, что это как-то... как-то странно?

АНИЧКА: Он заботился о семье своего брата Карола, когда тот умер, семья не была для него обузой. Как будто бы тут что-то другое было. Если бы он сам не хотел жениться, это бы я еще поняла. Только на всех, кто женился или кто влюблялся, он сердился, обижался, просто смотреть на них не мог.

МАРИНА: Может, он ревновал?

АНТОНИЯ: Странный это был тюльпан.

АДЕЛКА: Тюльпан.

ГУРБАН: Целомудрие его добровольное имело под собой самые возвышенные побуждения, и не было тем, что у многих других — плодом похотливой чувственности, либо следствием несчастного романтизма, либо даже странности извращенной, всякого сочувствия чуждой. Людовит был жертвой, собою самим народу принесенной. Он отверг любовь земную ради любви к народу жестоко израненному, замордованному, полумертвому, но все-таки достойному жертв сыновей своих, высокой целью воодушевленных.

АДЕЛКА: «Людовит был жертвой, собою самим народу принесенной». А если бы он не принес самого себя народу в жертву, что бы случилось? Разве что-нибудь случилось бы?

АНТОНИЯ: А я даже не сознавала, что живу со знаменитым Сладковичем. Когда он просил моей руки, он декламировал мне «Марину». А вообще — ведь всё равно, знаменитый у вас дома муж или обыкновенный.

МАРИНА: Вы, наверно, правы. Даже наверняка. Когда вы выходите замуж, то живете потом обычной жизнью, все равно — со знаменитостью или с пряничником.

АНИЧКА: Опозорили меня перед всем народом, как будто я крала мужчин-орлов у народа словацкого, как будто...

АДЕЛКА: Опозорили перед всем народом, то есть — перед несколькими подписчиками этих своих «Народних новин». (Истерически смеется, потом рыдает.)

АНИЧКА: Не говорите так!

АДЕЛКА: А вот и говорю. И буду говорить! Да разве дело во мне. Я уже и так мертва. И вы — мертвы. И ваши дети мертвы. И ваш муж, и он тоже... все мы уже давно похоронены. Оплаканы, забыты. От нас остались лишь странные летящие тени.

АНИЧКА: Это мой сын написал. Знаменитый Светозар . «Летящие тени».

АДЕЛКА: И этот уже мертв. И похоронен. Ничего от нас не осталось. Хуже, чем ничего.

АНИЧКА: Но ведь Людевит вас любил. Грустил по вас. Был сломлен.

ШТУР: Человечество, казалось бы, приходит в упадок, однакоже столь долго не может оно предавать самое себя и от естества своего отрекаться, особливо в виду столь значительного прогресса новейшего времени. Непрестанно шагает оно вперед, а куда, в конце концов, придет — того никто предвидеть не может.

АДЕЛКА: Он всегда был немного сломлен. Страдать было надобно, и было из-за чего. Б-р-р! Тюльпан.

ШТУР: Возвысьте столь долго угнетаемые сердца свои, Славяне, и с помощью божьей наберитесь отваги для дел! Ведь речь, в конце концов, идет о человечестве, членами которого являемся и мы вместе со всеми остальными народами.

АДЕЛКА: Человечество. А в этом море человечества, где-то посередине, совершенно потерянная, устремив глаза на него, скорчившись, лежу на смертном одре я, «существо». Только не надо себя жалеть! Но я так надеялась, что он мне напишет!

АНИЧКА: Мне мой Милослав писал. Много. В сорок восьмом много мне писал, когда революцию делал. Каждый день.

ГУРБАН: Душа моя драгоценная! Вчера после своей речи и приветственных криков «Слава ему!» прилетел я на скакуне к пани Коленичке, у которой теперь стою. Сюда же вслед за мной прибыло множество народу, желая меня видеть, но я, весь вспотевши, пробрался сквозь толпу. Потом я вышел — за несколько минут Аничка и Зузанка сделали прекрасное знамя и вывесили его перед домом! Потом я еще пару слов сказал, а Нейман залез на ограду и прочитал оттуда мою прокламацию. Целую Тебя тысячу раз! Будь здорова! Светозара за меня поцелуй, побереги и оставайся в доброй надежде. Поскольку, как видишь, у меня тут доброе имя и доброе доверие людей! И я очень по-доброму доверяю людям. Власти бесятся. Но и боятся. Прощай, Твой верный Гурбан.

АДЕЛКА: А любовные он вам писал?

АНИЧКА: Писал, и прекрасно писал. (Читает.) «Любовь наша не умрет! Помнишь часы, когда мы языком любви шептали друг другу вечные желания наши. То были речь и слово необычные, сама любовь была речью нашей, а голосом той речи — слеза, текущая по щеке, вздох глубокий, крепкое пожатье рук, полет под берега, к родникам — а слов и не надо было!»

ГУРБАН: Мой дорогой брат! У меня сын, Светозар Милослав. Могу признаться, что ни один год не начинался для меня так счастливо, как этот. Не только что сын у меня родился, но еще и из Вены только недавно пришла к нам радостная весть, что его сиятельство изволил собственноручным рескриптом, Handbillet Dikasterium, наш «Татрин» к изданию разрешить.

АНИЧКА: Да, тяжело мне пришлось. С детьми, с ним, он революцию делал, в тюрьме сидел, носился туда-сюда — с ружьем по Загорью, а потом в Вене договаривался.

АДЕЛКА: И что во всем этом хорошего было?

АНИЧКА: Не знаю. Конечно, что-то было, ну, наверно. Иначе зачем он все это делал? Муж мой был человек рассудительный, пустыми делами не занимался. Иногда, правда, сердился, горячился, он ведь вспыльчивый был. Представьте себе, после революции начал писать по-чешски. Иной раз он, может, и перегибал палку, но все-таки... Лишнего ничего себе не позволял.

АДЕЛКА: Ну и хорошо. Я просто так спросила. Чтобы знать.

АНИЧКА: А знаете, Аделка, чем он занимался всю свою старость?

АДЕЛКА: Кто?

АНИЧКА: Муж мой. Писал биографию Штура.

АДЕЛКА: Они так много всего понаписали. Хотели наверстать ту самую тысячу лет. И всё писали и писали. Один другому биографии, письма и прочее.

АНТОНИЯ: А моему мужу Калинчак писал биографию. Он его там хорошо описал. Им ведь пришлось друг друга описывать, чтобы о них не позабыли. Для следующих поколений. Они были в самом начале. Так это нужно понимать.

АДЕЛКА: И вы это читали?

АНТОНИЯ: Кое-что читала. Хорошо было написано. Хорошее чтение.

МАРИНА: Я больше любила читать жития святых. А из цветов любила красные маки, потом еще сирень и первоцветы, разное. Я была в него влюблена. И он в меня тоже. Младшим братьям он давал уроки, мы встречались. Мама запретила мне о нем думать, отказала от дома, не позволила мне с ним даже объясниться. Я поплакала. А потом все это прошло. Что тот мужчина, что этот. Пишет ли он стихи или украшает глазурью пряничные сердечки. Он ведь тоже по мне недолго грустил. На Аничку поглядывал, а потом на вас, Тонка, женился. Любовь тоже можно пережить. А прожив долгую жизнь, понимаешь, что ради нее не стоит умирать.

АДЕЛКА: Я Штуру никогда не писала. А так иногда хотелось. Сейчас я даже рада, что не написала ему письмо. А то бы он еще в газете его напечатал.

АНИЧКА: Бог знает, напечатал бы он его в газете.

АДЕЛКА: Очень даже возможно, что так бы и сделал. Ведь Марии Поспишиловой он написал в газету. Да еще брату ее дал инструкции, как следует ей все это объяснить. Я бы такого не пережила. Хорошо, что я ему не писала. И хорошо, что он мне не писал.

АНИЧКА: А я Милославу писала. Нечасто. Раза два всего. Тогда, в Праге, мне очень тоскливо было. Одна, с детьми, и так долго. (Читает письмо.) «Я тебе только вот о детях наших немного расскажу. Боженка благополучно перенесла эту тяжелую дорогу, хоть я ее и больную собирала, кашляла она сильно, но Фричова ей помогла, и теперь она здорова. Светушко наш щебечет и уже вполне весел, хотя поначалу грустил и просился домой. Сны меня мучили, тяжелые сны, и я ему их описала. Эти свои страхи. И мне сразу же полегчало. А сейчас меня снова сны мучают. Прошлой ночью снилось мне, будто ты в ногу ранен, не сильно, но из-за раны той у тебя лихорадка, и еще будто один наш словак под лёд провалился. Как я этих снов своих боюсь, мы потом думали, неужто ты и впрямь где-нибудь на переправе в Ваг провалился. Мы купили себе лампу, а Светушке — стульчик на колесиках, уж так он играть с ним любит. Сегодня говорил мне, что папа привезет ему конфеты. Приезжай, душа моя, нас навестить, хоть поглядел бы на нас. Ах, какая была бы радость, лучше даже, чем вечное блаженство на небесах».

АДЕЛКА: Вам при жизни тоже снились сны? Но это уже в прошлом. Мне разное снилось. А потом в бреду, когда я чахоткой болела, такие страшные сны были, очень страшные. И все сбылось.

МАРИНА: Мне никогда ничего не снилось. Никогда и ничего. Правда, я иногда не могла заснуть. Тогда я потихоньку твердила про себя «Марину», и потом засыпала.

АНТОНИЯ: Когда дети болели, я целыми ночами глаз не смыкала. А вообще-то я хорошо спала.

АНИЧКА: Я — когда как. Но иногда видела сны. Когда он революцию делал, мне со страху кошмары снились. Но то, что вам, Аделка, он не писал, это странно.

АНТОНИЯ: Мне мой Ондрик писал: «Дорогая моя! Не красней, когда найдешь в письме этом больше любви и откровенности, чем проявлений вежливости и этикета. Давай же, наконец, сорвем завесы, которыми души наши, несомненно, навеки соединенные, отделены друг от друга были. Никогда Ты, обожаемая моя, свою склонность ко мне не выдавала, но знаю, что в объятиях моих не оставалась Ты холодной. Прекрасная подруга моя! Острее всего ощущаешь себя несчастным, когда не можешь целовать ту, которую любишь и боготворишь. Мне же кажется, душа моя, что мы оба для единой жизни созданы, и если из недр груди Твоей не услышал бы я отклика, жизненный небосвод мой покрылся бы черными тучами».

СЛАДКОВИЧ: На груди мужчины обретет покой добрая женщина, и покуда он стоит, она также не падет. Я прибуду к Тебе как можно скорее, дорогая моя, и к доброму отцу Твоему обращусь, и уповать буду горячо, что он судьбам и сердцам нашим препятствовать не будет. Желаю бесконечно поскорее рядом с Тобой быть и в объятия свои Тебя заключить. Навеки Твой, дорогая, верный друг Андрей Браксаторис.

МАРИНА: Мне он написал целую книгу стихов. «Небесная любовь — не так ли, дорогая? — венчает все источники блаженства одним и вечным поцелуем!»

АНТОНИЯ: Я тоже своего Браксаториса похоронила. А он писал мне, а как же, писал, да еще какими горячими словами. «Сама ты уже узнала, сколь горяча моя любовь, это чистое пламя, которое лишь одного жаждет, к одному стремится — найти в Тебе, душа моя, ответное чувство и гармонию. Подруга моя сердечная! Я думаю о тех недавних золотых ночах. Пламенная душа моя радуется даже воспоминаниям о них и надеждам на их повторение. Но разве достаточно мне воспоминаний об устах Твоих, челе Твоем, ланитах Твоих, стократно мною целованных?»

СЛАДКОВИЧ:Вокруг нас живут души холодные, погрязшие в нуждах повседневной жизни, а мы стоим среди них с любовью и надеждами нашими, словно на одиноком острове, окруженном водой. Ах, что толку говорить с теми, кто всякое чувство свое может променять на телесные блага, кто не в состоянии воспарить над прозой будней, словно, извини, гусеница в бурьяне. Ты, верно, думаешь, что делает вечный друг жизни Твоей? Что же ему делать. Сидит и смотрит, как медленно проходят часы, которые ведут его к золотым вратам надежд; каждому ушедшему часу радуется он и желает перевести стрелки всех часов на свете, чтобы за минуту они две недели пробегали, а потом навеки остановились бы.

АДЕЛКА: Говорят, это было не положено — барышне писать.

МАРИНА: Когда говорят — Сладкович, каждому на ум придет «Марина». Когда говорят — «Марина», каждому на ум придет Сладкович.

СЛАДКОВИЧ:Дорогая душа моя, Антония Юлия Сековичова, милая моя Тонка! Поверь мне, дорогая моя, супружество мое должно быть превыше обычных браков, совместного хозяйства или сожительства, супружество мое должно быть блаженством двух душ, которые в своей бесконечной, безоглядной любви обрели божественное оружие против всех козней света!

«Дай руку свою, дева чувств благородных, и ввысь устремимся, к вершинам души...»

Знаешь это место из моей «Марины»? «Марина» моя — это зеркало моей души. Ты говоришь, что уже десять раз ее читала и хорошо поняла, и все же, дорогая моя, не можешь ты понять моей любви!

АНТОНИЯ: Я поняла, я жила, я наполнилась до самых краев. Мой любимый наполнил меня до самых краев. И все равно каждый помнит только о Марине. Она к нему в огнях летит небесных, она его мирами движет, она ему из сотни жизней шлет привет, она его стихия, столп, и небо, и единство... А когда я его не понимала, он давал мне прочитать из нее кусок, чтобы я лучше постигла его внутренний мир. Потому что Марина — отражение его внутреннего мира. Но я не знаю, Марина, действительно ли вы — отражение его внутреннего мира.

МАРИНА: Ведь потому-то у меня и две могилы.

АНТОНИЯ: Местных сельчан в Грохоти я искренне полюбила, и они меня любили, почитали и уважали как свою «пани матушку». И с прислугой я обращалась любезно. Один раз служанка на кухне меня чем-то рассердила, и я с плачем стала жаловаться мужу. Он вышел на кухню и кротко сказал служанке: «Марка, не огорчай пани матушку, а не то я на тебя всерьез рассержусь». Служанка разрыдалась и с тех пор была послушной, как овечка.

АНИЧКА: Он писал мне, а как же, писал. Каждый божий день, а когда и по два раза. Всю революцию в сорок восьмом мне в письмах описал. И так я за него боялась, просто ужас. Но он все пережил. Это была та самая буря, которой Людовит так боялся, хотя сам же ее и вызвал. А мой Милослав ее пережил, да еще и с семьей, так что неизвестно, как все может сложиться.

ФРАНЦИСЦИ: Словацкие эмигранты, Людовит Штур, Йозеф Гурбан, Михал Годжа и другие навербовали в Праге и в Вене добровольцев, раздобыли и закупили оружие и патроны и общим числом около пятисот отправились по железной дороге в Словакию; они пересекли границу с западной стороны Нитранской области у Врбовиц и начали воевать при Мыяве, Брезовой, Старой Туре и т.д. Во главе их был учрежден Национальный словацкий совет, который провозгласил независимость словацкого народа, объявил войну властям в Пеште, которым он отказался подчиняться, и заявил о своей верности императору и династии; обо всем этом он известил в изданной и распространявшейся прокламации.

АНТОНИЯ: Мой муж не был в восстании.

АНИЧКА: Калинчак тоже не был в восстании.

ФРАНЦИСЦИ:Народ, призванный к участию, толпами ринулся под их знамена, так что за пару дней собралось добровольцев до десяти тысяч. Этот добро-

вольческий отряд держался в нескольких столкновениях и схватках весьма мужественно, однако продвинуться вперед или даже удержать позиции он оказался не в состоянии и был императорским, к венграм перешедшим или специально туда откомандированным войском, а также из дальних стран спешно собранной мобилизованной и не мобилизованной гвардией вновь за границы Моравии вытеснен. При этих событиях я не был, потому не смею и не считаю своей задачей сколько-нибудь обширно о том распространяться и рассуждать. Вместе с тем полагаю нужным напомнить, что Национальный словацкий совет составляли следующие персоны: при упомянутом походе Йозеф Милослав Гурбан — председатель, Людовит Штур — член, Михал Милослав Годжа — член, Ярослав Борик — секретарь, Франё Зах — главный военный командир, Бедржих Блоудек — комендант народного войска и Бернард Янечек — командир народного войска.

АДЕЛКА: Хорошо еще, что Словакия такая маленькая. И пешком ее пройти можно, и войско ее быстро захватит, а другое войско — быстро освободит. Согласитесь. А что бы вы сказали, если бы ваш муж командовал войсками где-нибудь во Франции?

АНИЧКА: Ах, да что вы. Я бы этого не вынесла. И так это было выше человеческих сил.

АНТОНИЯ: И обычной-то работы на ниве народной, в приходе, с людьми вполне хватало. Не представляю, как тут еще и в восстании воевать.

АДЕЛКА: И проиграть! У победителя дела еще кое-как, а уж...

АНИЧКА: Мой Милослав был достойным человеком. Он продолжал работать, как мог, хоть и тяжело было. А вот Штур, я знаю, тогда совсем был сломлен. Печальные времена настали. Ему бы, может, и семья помогла, только...

ФРАНЦИСЦИ: Между Штуром, Гурбаном и Годжей, из которых каждый хотел, чтобы восстание в его области началось, было так договорено, что если восстание начнется в Нитранской области, председателем Национального словацкого совета будет Гурбан, если в Тренчанской — то Штур, а если в Липтове — Годжа. Восстание началось в Нитранской области, полагаю, по двум причинам: во-первых, западная граница Нитранской области расположена ближе к Вене, где делались приготовления к восстанию, и добровольцев было навербовано около пятисот, а во-вторых, в пограничных селах Нитранской области, а именно — в Врбовцах, Брезовой, Мыяве, Старой Туре и в Копаницах население было уже более или менее подготовлено к восстанию, поскольку это поле боевых действий лежало неподалеку от поля боя пана Елачича. И по упомянутой договоренности председателем Национального словацкого совета на время этого похода стал Йозеф Милослав Гурбан. А Годжа еще на Мыяве отошел от

Национального совета и со Штуром и Гурбаном больше дел не имел — почему и по каким побуждениям, не знаю, да и узнавать не стал. Только где-то читал, что особенно Штур был так настроен против Годжи, что хотел отдать его под суд и говорить с ним не хотел.

МАРИНА: А меня Бог сохранил. Пряничники, к счастью, не ходят в революцию.

АНИЧКА: Какие они красавцы были, право, в этих униформах.

ФРАНЦИСЦИ: Благодаря неустанной энергии Левартовского удалось довольно быстро раздобыть и переправить в Скалицу совсем новое, хорошее и исправное снаряжение бельгийского производства, состоящее из ружей для больших пистонов (капсюлей) со штыками и прочим оснащением, а также полного летнего обмундирования, состоящего из круглой шляпы с полями, которую по желанию можно было украсить пером — у меня было большое белое развевающееся павлинье перо на шляпе, из блузы светлого плотного белого полотна, подрубленной красной кожей, из серой военной шинели и черного ременного пояса с патронташем и ножнами для штыка. Жалованье мы получали пока такое же, как и прежде. У нас было свое особое, австро-словацкое знамя... с австрийским двуглавым черным орлом на желтом фоне и с тремя, — примерно по пяти сантиметров в ширину, сантиметровым серебряным кружевом обшитые, длиною с самое полотнище — свободно развевающимися лентами: белой, синей и красной. Таким образом обмундированные и уже достаточно обученные простились мы со Скалицей. Направились к Прешпорку. На несколько дней остановились в Ступаве, куда потом приехал и генерал Кемпен из Вены, то ли просто осмотреть нас и проинспектировать, то ли пошпионить, точно не помню. И Штур с Гурбаном приехали туда повидаться с нами. Годжа — нет. Из Ступавы мы прошли через горы, холмы и виноградники к Рачишдорфу, где остались надолго.

АНИЧКА (Читает письмо): «Что за вздохи пролетали в вечном диалоге Твоей души с моей! А когда воссоединялись мы после долгой разлуки, что за праздники царили тогда в доме нашем. И сейчас я так мечтаю о Тебе, как и Ты мечтаешь обо мне! Такая любовь не умрет. Я чувствую теперь, что невозможно кому-то другому так любить, как я люблю Тебя! И когда я вспоминаю все прежнее житье, я вижу, вижу, что любовь наша не умрет ни здесь, ни в вечности! На примере нашей любви научится Славянин любви новой, доселе невиданной! Люблю Тебя, моя Аничка, как ни один мужчина минувших веков не любил жену свою и как любить будет только будущий Славянин жену свою».

АДЕЛКА: Мне Штур вообще писем не писал, не то что любовных... говорят, это не полагалось.

АНИЧКА: Он так сказал?

АНТОНИЯ: Он так сказал?

МАРИНА: Он так сказал?

АНИЧКА: Чего ради не полагалось? Тайну переписки ведь никто не отменял, разве нет?

АДЕЛКА: Ради меня не полагалось? Ради него самого не полагалось? И что не полагалось?

АНИЧКА: Он никогда не признавался вам в любви?

АДЕЛКА: В любви? Ко мне? Не признавался. Он признавался мне в страданиях, в своих страданиях, которые он испытывал из-за... из-за чего, собственно? Знал ли это он сам, неизвестно. А я даже после смерти не знаю, какую роль играла в его жизни. Его вдохновляли Татры, обездоленный народ, орлы, что над Татрами летают, Кривань. Я даже шейный платок ему не завязывала. Рассудок его говорил, что лучшей девы ему не найти, но сердце блуждало неизвестно где.

ШТУР: Искусство на Западе также начинает постепенно приходить в упадок. Об архитектуре и скульптуре мало что можно сказать, разве только что архитектура полагает строить удобные, внешне привлекательные жилые дома, живопись же стремится привлечь любопытствующую публику чувственными картинами.

АНИЧКА: Дети у меня иногда болели, но, к счастью, не умирали. И жилось мне легче, чем деревенским женщинам, это правда.

ШТУР: Произведения драматические, изображающие высокие, серьезные устремления и идеалы сейчас не имеют успеха, мрачная трагедия отпугивает зрителей, публика ведь не ждет многого от искусства, ей нужны лишь развлечения и наслаждения, и прежде всего — тривиальные, искаженно банальные сценки из жизни, яркие декорации, оперы, рассчитанные на эффект, красивый балет.

АНТОНИЯ: Всех детей в школу отправить, девочек удачно замуж выдать, мальчикам обеспечить будущее.

МАРИНА: Обеспечить будущее. Дети у меня спрашивали: «Мама, это ты — та самая славная Марина?» Внуки спрашивали — я уже старая тогда была. Если бы

я за него вышла, я так и осталась бы славной, гордостью семьи. А так я и ускользнула от славы, и навеки в ней увязла. Старая Марина, постаревшая Марина, Марина с двумя могилами.

АДЕЛКА: А кто, собственно, был музой Штура?

ГУРБАН: Не знаю другого юноши, когда-либо столь мощно затрагивавшего этот слой подрастающего поколения и в такой мере оказывавшего влияние на учеников и студентов всех возрастов, кроме Людовита. Красивый, прямой как струна, стройный, высокий юноша словацкий с черными, словно сыплющими согревающий огонь очами, с густыми темно-каштановыми волосами; весь его облик был для каждого настолько гармоничным, ладным и привлекательным, неодолимо электризующим, что ему невозможно было противиться. Руки и уста его были образцом красоты, что считается признаком великих ораторов! Такие ручки могли бы украсить даже самую пригожую деву. Лицо он имел продолговатое, но не худое, а от здорового воздуха румяное и грехами не изборожденное, так что показывало оно соразмерную овальность и венчалось высоким ясным челом. В красоте юности лишь Само Халупка мог с ним равняться. Притягательность его была такова, что даже и недруги самые заклятые не могли ему противостоять. Голос у него был звонкий, мощный — что на пение, что на речи, что на угрозы способный. Напали на него как-то вечером трое лихих сорванцов и хотели с ним на Паненской улице драку затеять. Людовит Штур крикнул первому же, опершись на свою палку: «Mit akar?» (венг. «Что вам надо?». прим. пер.). Да еще с таким выражением и с таким раскатистым «akar», что парням расхотелось тягаться с Людовитом нашим, и они разбежались. Все лучшие души отдавались ему беззаветно. И Людовит всегда прижмуривал один глаз при виде юноши прекрасного, горячего.

АДЕЛКА: Я не хотела быть его музой. Хотела только помогать ему в его устремлениях. Хотела, чтобы его дело стало моим, но вокруг него всегда было достаточно мужчин, я уже была не нужна. И для разговоров я была не нужна. Ему мешала моя красота, которая его не касалась, хотя он знал, что должна была касаться, я его отвлекала. И при этом забывал, что я существую.

ГУРБАН: Штур, когда замечал в лицее между лекциями какое-нибудь красивое молодое лицо, выразительный взгляд, пытливую мысль, но раньше человека того в кругах своих не видел, то расспрашивал о нем, советовал друзьям обратить на него внимание и старался приобщить его к изучению дел национальных наших. А при этом соколиный глаз его так и выискивал, где какой талант он мог бы еще уловить и в свой круг привлечь мог.

АДЕЛКА: Он и меня в свой круг привлек. Но в отличие от горячих и прекрасных юношей, со мной он никакими идеями не делился.

КАЛИНЧАК (берет Аделку под руку): Вы ведь даже не знаете, как печально он кончил. Я об этом его брату в письме написал.

«Кратко о печальной новости. Твой брат Людовит пошел сегодня утром на охоту, упал, при падении за его спиной у ружья взвелся курок, и ему выстрелило снизу вверх в бедренный сустав, поломало там кости и выбило кость бедренную у поясницы. Об ампутации, конечно, не может быть и речи. Жизнь его в руках божьих ввиду угрозы гнойного воспаления, могущего каждую минуту начаться. Переживет ли он праздники — то одному Богу ведомо. Боли и страдания его ужасны. Он кричит при каждом движении и даже когда не двигается, поскольку мускулы его сами собою дергаются. Душа моя измучена более Твоей.

АДЕЛКА: Вы, верно, были очень добрым человеком.

КАЛИНЧАК:Жизнь печальнее, чем кажется. Знаете, Аделка, я его похоронил, ухаживал за ним до самого конца, работы его еще при его жизни на чешский язык переводил.

АДЕЛКА: Но он ведь вас оговаривал. Оскорблял.

КАЛИНЧАК:Да разве мне было бы легче, если бы я от него отвернулся?

АДЕЛКА: Он вас любил?

КАЛИНЧАК: Не знаю. Наверно, я кого-то ему заменял, но знал ли об этом он сам, не смею утверждать. Когда он умер, мне вдруг стало очень его не хватать. (Отходит и продолжает цитировать письмо.) «Выпал чудесный белый снежок в первую же ночь на могилу его и накрыл ее своею чистой пеленою, и мать-земля приняла его в материнские объятья свои, а мы, сироты, печалимся, горюем, не ведая о том, что там ему лучше, чем на этом холодном, жестоком свете. Янко, какое горе у нас! Мне бы и написать тебе что нибудь хотелось, да нечего. Сейчас только начинаю я все осознавать. Твой осиротевший Яно».

АНИЧКА (*плачет*): Боже мой, бедняжка, как же он настрадался. И такой молодой. Вот горе-то.

АДЕЛКА: Он выстрелил себе в ногу?

АНИЧКА: При падении. В лесу. Из ружья. Молодой еще человек. Полный сил.

АДЕЛКА: А когда он впервые влюбился, он с лестницы упал.

АНИЧКА: Ну как вы можете так...

АДЕЛКА: Я знаю, что это не полагается. Но «существо» может все, что уж с него спросишь.

АНИЧКА: Вы злая.

АДЕЛКА: Да.

АНИЧКА: Не надо было бы вам так.

АДЕЛКА: Он сказал обо мне, что я — существо. Я не могла быть ни орлом, ни соколом. Кто знает, отчего я на самом деле умерла? От чахотки? Это его сушь выжгла меня, он был сухим, как сухой спирт.

ГУРБАН: Трубка и черный кофе помогали ему побороть сон ночной, место которого занимали обширная корреспонденция с дальними друзьями и поэзия. В кафе или на бал он никогда не ходил, единственными его развлечениями были вылазки в горы, в замки и на гулянья, где за кружкой пива и жареной колбаской пелись песни и произносились речи до полуночи. Сверх меры разгоряченного его никогда не видели, напротив, когда в обществе разгоралось веселье, переходящее в беззаботность, он сам запевал «Нитра, милая Нитра», а вслед за гимном этим начинал говорить Людовит об исторических временах, и веселые лица становились задумчивыми.

АДЕЛКА: Сухарь. Только веселье людям портил. А я-то по нему так и обмирала. Каждое слово его ловила. Все хотела услышать что-то совсем другое, не то, что он действительно говорил, так хотела услышать что-то совсем иное. Мне казалось, я могу все с ним обсуждать. Не то, что с этими разными вельможами. Он меня завораживал. В нем была аскетичная, очищающая бедность, которую он словно сам для себя избрал и был в ней свободен. Мне казалось, что и свое положение без женщин он сам для себя избрал, чтобы быть свободным. Хотя если бы он был свободен, то и другое положение — вместе с женщиной — он мог бы для себя избрать. Но он свободным не был. Что-то диктовало ему свою волю. И это был ни народ, ни Татры, ни обездоленный люд. Что это было... Что-то в нем самом. Глубоко внутри него. И он боялся ослушаться. Ведь если что-то так сильно привяжет человека к женщине, как вашего Сладковича Тонка, или вашего Милослава, то никто не сможет ему помешать.

МАРИНА: Если ему не позволят взять в жены одну, он найдет себе другую, или третью, все равно кого-нибудь да найдет, в конце концов, я тоже в старых девах не осталась. Жизнь нужно прожить. Жизнь должна иметь продолжение. Если бы не родились дети, кто бы читал всю эту их писанину?

АДЕЛКА: Мне всегда было интересно, как там было дело с той, с той предыдущей, Марией.

ГУРБАН: Мария, прелестная дочь Яна Гостивита, сестра Ярослава, приятеля Людовита, впечаталась идеальной своей красотою, стройной, как струна, фигурой, черными задумчивыми очами, проникновенным певучим голосом и игрой на пианино в сердце Людовита. Достоинства сей девы славянской, столь редкие тогда меж дочерьми Славы, еще более возвысились в истовом исповедании ею чувства национального. Неудивительно было, что первый юноша словацкий этим идеализмом в лице Марии воодушевленный, поражен был стрелою известного и вездесущего божества первой любви. Таков уж рок красоты, много ран наносит она. Однако Людовит наш огонь первой любви притушил и на семь замков от самого себя закрыл в глубинах собственного сердца.

АДЕЛКА: Мне всегда хотелось узнать, она его бросила или он ее... Он не жил с людьми, он писал им письма. Не жил с женщинами, а влюблялся в них, а потом мучил их своей любовью к народу и к Татрам, которая, по его убеждению, никак не могла сочетаться с любовью к деве, а потому, чтобы не изменять Татрам и обездоленному народу, он бросал дев. И меня тоже. Он любил народ, позволял мужчинам и женщинам восхищаться собою, а Калинчак завязывал ему шейный платок.

ГУРБАН: Лучшие души отдавались ему беззаветно...

АДЕЛКА:

Хотела б я быть Блохой у тебя в бороде, Чтоб только мне быть С тобою везле.

ШТУР (одна его рука в гипсе, он протягивает ее вперед жестом вождя): Драгоценный друг мой! Вы, верно, удивитесь, что пишу я к Вам из Градца, да и есть чему удивляться, ежели сравнить это с намерениями моими Вам в Праге изложенными. Объяснение тому вижу я в долгом четырехдневном моем в Градце пребывании, в удовольствии от гостеприимства и милой сердечности Вашего высокочтимого родительского дома, от радости новой встречи с почтенным Отцом Вашим, патриотом у нас столь уважаемым, и от знакомства со всем остальным горячо сочувствующим нашему делу семейством Вашим, в числе которого — Ваша Сестра, дева-патриотка, что есть явление редкое, особливо для нас, Словаков, вызвала во мне большой интерес...

АДЕЛКА: Так хотел он выстрелить себе в ногу или не хотел? Попал или не попал? Куда он целился? И целился ли вообще?

ШТУР: Драгоценный друг мой! В последнем письме моем писал я Вам, что на другой день утром рано намеревался отбыть из Градца, однакоже несчастное падение вынудило меня в Градце долее задержаться. Правая рука моя ранена оказалась после несчастного падения через всю лестницу и по сю пору еще не зажила. Правда, к счастью моему, раны не глубоки, и случилось все в доме патриотическом, где, как с глубокой благодарностью признаю, мне всевозможная помощь тут же оказана была, в которой особливо наидостойнейшая сестра Ваша, а моя милосердная попечительница главную роль на себя взяла и до сей поры берет. Искренне Ваш Людевит. PS. Будучи не в состоянии правой рукой шевелить, подписываюсь левой. Драгоценный Друг! Прибыв всего несколько дней назад из Татр, спешу описать Вам то, что в увлекательном сём путешествии мне в руки и на глаза попало. Прилагаю также два стихотворения. Под первым напечатайте мое настоящее имя, а под вторым то, которым я подписался. Надеюсь, вы поместите это второе стихотворение в Ваши любимые мною «Кветы» и позволите ему прийти таким путем в руки Той, к сердцу которой оно обращено:

ПРОЩАНИЕ

Забудь, дорогая, о юноше дальнем, Над кем грозовые тучи спустились, Забудь, дорогая, о друге печальном, Что весточку шлет с тем, чтоб мы простились, О всех усладах он в мире забудет, Но верен родине вечно пребудет!

О, сколь сильно Градец Ваш меня ранил! Рана на правой руке моей уже, верно, быстро заживет, но рана на сердце, которую мне нанесла, исцеляя первую рану, милосердная попечительница моя, остается глубокой, неизлечимой. Разве бы кто предрек мне, что в Градце испытаю муки любви, которых я столь усердно избегал. И Вы, Ярослав, всему виною! Вы принудили меня приехать в Градец! А самому мне и в голову не пришло бы на другой день у Вас остаться. Я твердо намеревался назавтра отбыть, но этого не случилось! Я проспал шестой час, когда дилижанс отходил! На другой день утром, собравшись на дилижанс, я упал и ударил руку, и ехать уже не смог. Сестра Ваша, патриотическая, добросердечная, милосердная, скромная барышня, поразила меня чрезвычайно. Она взяла прежний покой из моего сердца, и Вы, Ярослав, тому виною. Но я от всей души готов Вам это простить ради благородства Вашей патриотической Сестры и ради доброго расположения Вашего. Вы желали мне добра, не зная, что меня у Вас ожидает. Впрочем, я писал уже об этом и доверился лишь братскому сердцу Вашему. Драгоценный друг! Дружеское письмо Ваше вместе с книгами я получил. Вы хорошо сделали, что касательно моих личных обстоятельств ко мне обратились. Я скажу вам открыто. Дело наше для меня — первое и святое, для него я возрос, ему себя посвятил и, покуда жив, буду следовать за голосом милого рода моего! Соотносясь с этим, Вы уже знать будете, как передать эту весть дорогой Марии. Я Вам все искренне открыл, как приличествует сыну Татр. Дайте Марии искренний совет. Вы меня поймете! — Это стихотворение «Прощание» дайте поскорее напечатать. Это плод горячего сердца. Я хочу, чтобы Ваша милая и достойная сестра Мария счастлива была! Храни Бог Ее и всех Вас, драгоценные мои!!! Я выполню долг свой. А Вы живите в благополучии! Не думайте о сердце юноши — так уж рок ему повелел! Будете писать в Градец, передайте высокочтимому семейству Вашему мои поклоны и приветствия. Передайте их и Марии, Марии! Представьте Ей смысл стихотворения моего вместе с братским советом — забыть о сыне Татр. Я Ей не хочу более писать, займите же Вы, дорогой Ярослав, место мое.

АДЕЛКА: Ни я, ни она. Плевал он на нас. Юноша. Орел. Сокол. Молодец.

ШТУР: «Был бы я пташкой, летел бы за лес...»

ГУРБАН: Тесно связана была судьба Людовита с судьбой народа словацкого. Растерянность и отчаяние, что всех великих людей со временем искушает, охватывала его при прощании с отчизной. Он видел, что дело, которому он себя посвятил, более огромно, нежели то было ему по силам, но все же никогда не сдавался... И когда вулканическую эту юношескую индивидуальность Людовита обжигали порой черные очи девы словацкой и в сердце его начинал пробираться идеал сладкого наслаждения, тут же, как подстреленный олень, убегал он со своей раной в мир горний и выгрызал сам и только сам сию язву любви и обмывал ее водами горними, ибо недостойно было юнаку нашему домогаться счастья одному, когда народ пребывает в горе порабощения...

АДЕЛКА: Олень подстреленный... сам выгрыз... руку покалечил, ухаживать за собой позволил, хлопотать, а потом убежал, олень, бросил ее, пусть сама объясняет себе, как хочет, в газету ей написал и брату ее поручил все ей объяснить. И под конец ногу себе прострелил и умер, ничего сам себе не выгрыз, ничего сам не обмыл. Пустые слова. Ради чего же я, собственно, умерла?

ГУРБАН: Мы посвятили себя служению духа, а потому пройти должны дорогу жизни тернистую.

АДЕЛКА: Аничка, он вашему мужу написал, что я его любила. Не пишет, что он меня любил. Пишет только, что я любила его. Да так оно и было. Кто-то же должен был его любить. Великий человек — и без несчастной любви? На что это было бы похоже. А так — пожалуйста, хоть заспиртовать меня мог.

АНИЧКА: Они вдвоем много друг другу писали, и прочим много писали, и один о другом писали, мой муж воспоминания о нем написал. Все записано.

АДЕЛКА: Все. А я в дневник записывала... Не надо было.

ГУРБАН: Твое сердечное письмо вместе со своим письмом передал я скорбящему семейству, в Вене собравшемуся. Все были им глубоко тронуты. С сердечным умилением просили они благодарить Тебя за Твое горячее сочувствие. Памятное письмо Твое вложили они в дневник покойной. Бедная, как бы она этому порадовалась! В последние дни, будучи как в горячке, без памяти, говорила всё больше на нашем словацком языке. Мертвое тело перевезут в Острую Луку, в семейный склеп. Радуюсь за неё, что будет лежать она среди своих.

АДЕЛКА: Была у него еще какая-нибудь любовь? Девы из-за него мёрли, гибли? Или нет? Сколько их еще перемерло?

ШТУР: Одинокой, липка, тебе оставаться, жаль, но нам в дорогу пора отправляться. Пропадают, гибнут твои дорогие, кто по свету бродит, кто ушел в могилу.

АДЕЛКА: Да и я, мой милый, подломлюсь под ветром, упаду на землю, не увижу света.

КАЛИНЧАК: Знаете, Аделка, Людовит Штур, у которого я во второй раз впал в немилость за то, что якобы не пошел в сорок восьмом за народ воевать, потом неизменно был для меня другом, не раз искал у меня прибежище, повторяя слова Евангелия: «Янко, друг мой, душа моя скорбит смертельно». И мы с ним все говорили, пока тьма с души его не сходила. Я ухаживал за ним в больнице, я был его душеприказчиком, я его похоронил — с помощью наших друзей. Я часто помогал ему в его трудах, так мы вместе разбирали народные песни славянские, кириллицей писанные, поскольку сам он зимой из-за слабости зрения разобрать их не мог, я же перевел труд его «О народных песнях и повестях племен славянских» на чешский язык, который потом по моей рекомендации по чешски издан был. С любовью у меня не вышло. Одна меня оставила, другую не встретил. Вы, Аничка, может быть, не знаете, что он писал обо мне вашему Йожко? «Йожко, друг мой Милослав! Калинчак уже послал Тебе начало повести «Князь Липтовский» по почте? Если бы человек этот, как я говорю, был более усердным, он мог бы весьма помочь Тебе в распространении журнала. Но ты его время от времени этак пообхаживай, он это очень любит, обращайся к нему иногда письмом, немного его погладь, и увидишь — он будет для Тебя работать за милую душу. По-разному приходится всего добиваться, Ты ведь это понимаешь».

АНИЧКА: Он наверняка не думал о вас плохо.

КАЛИНЧАК: Но я это плохо воспринял.

АНИЧКА: Он хотел держать всех под контролем.

КАЛИНЧАК: И думал, что это возможно. Я уж лучше из ваших листьев сверну самокрутку, Аничка. Вы душа добрая, никому плохого не хотите, однако жизнь иногда заставляет это делать. Я всегда стремился избегать плохого. Писал веселые истории и прожил печальную жизнь. Человек не должен относиться к себе так серьезно, как наш Лайко, иначе...

АДЕЛКА: ...иначе он не увидит дальше собственного носа, упадет с лестницы и выстрелит себе в ногу.

КАЛИНЧАК: Не уверен, что именно это я хотел сказать.

АДЕЛКА: Значит, он не женился, когда я умерла.

КАЛИНЧАК: Куда уж ему было жениться.

ГУРБАН: Я всегда ему говорил: женись, сыновей своих и дочерей воспитай для народа, так ты всего больше люду своему поможешь. В этом у нас согласия не было. Ведь посмотрите на меня: что до семьи, так моя женушка, урожденная Юрковичова — верный и добрый ангел, мне на помощь Богом данный! Она вырастила мне четверых сыновей и трех дочерей. Старший сын — Светозар Милослав, candidatus juris utrisque, практикует сейчас в Братиславе и является председателем общества «Напрей», идет по нашим стопам, окончил гимназию в Стендале, в Пруссии, а потом юридическую академию в Братиславе, прошел и тяжелую военную службу в качестве добровольца-одногодка, а теперь готовится к адвокатскому экзамену. Второй сын, Владимир, нынче на Рождество рукоположенный в капелланы, окончил гимназию в г. Велька Ревуца, достойный юноша. Третий сын, Константин Святобой — ученик третьего класса гимназии в г. Турчанский св. Мартин, а Богуслав — там же, в первом классе. Божена, моя старшая дочь, достойная дочь своей доброй матери и достойная жена Павла Роя, священника в Пухове, примерного друга и защитника народа словацкого. Желмира Мария замужем за мораванином, истовым славянином, инженером-машинистом в Кромпахах на Спиши, Витязом Лоренцем, у них уже сын Владимир. Самая младшая, Людмила Анна, учится в Годонине на Мораве, талантливая, смышленая девочка! У нее большие способности к языкам, как и у старшей сестры Желмиры.

АНИЧКА: Дети, дети...

АНТОНИЯ: Дети, дети...

МАРИНА: Дети...

СЛАДКОВИЧ: Наши дети хорошие, здоровые. Кирилл уже почти перерос Ольгицу, а маленькая Элена толстенькая как бочонок. Тонка выглядывает в сад и, увидев сколько там еще снегу, возвращается в дом, мечтая о теплом Юге. А по мне — пусть никто наш Север не бранит.

АНТОНИЯ: Да-да. Хороший муж был мой Ондрик.

АНИЧКА: Меня мой Милослав любил.

АНТОНИЯ: Меня мой Ондрик тоже.

МАРИНА: А меня любили и Ондрик, и мой Гержа. И все словаки меня любят.

АНИЧКА: Это правда.

АНТОНИЯ: Аделка, вы не должны осуждать всё только потому, что жизнь ваша не удалась.

АДЕЛКА: Не удалась. Не удалась?

АНИЧКА: Ну...

АДЕЛКА: А вам удалась?

АНИЧКА: А разве нет? Муж, дети...

АДЕЛКА: Письма с восстания...

АНИЧКА: Ведь и вас он любил. Не получилось, но все-таки он любил вас.

АДЕЛКА: Не любил. Нисколько. Ну и все равно. Все равно, именно потому, что не любил. Я боялась, что он спросит, как они мне нравятся. Те книжки, которые он мне посылал, а иногда и приносил. По-словацки я читала просто через силу. Что только человек не сделает, когда он влюблен! Если бы я сказала ему, что они мне не понравились, то сама перестала бы ему нравиться. Я могла бы оказаться в его глазах глупышкой. А я не хотела оказаться в его глазах глупышкой. Или высокомерной аристократкой. И я читала все это, мучилась, перед смертью в бреду я уже и говорила по-словацки, и это его так растрогало, что он написал об этом Гурбану. А как мне хотелось говорить с ним о том, что нравилось мне! Французские романы, стихи, венгерская поэзия, эссе, немецкие книги — что-то из них он читал, но не говорил об этом, тем более со мной. Все, что исходило из западной

культуры, казалось ему гнилым и испорченным. Ну, не знаю. Он не выносил тех, в ком сказывались иные влияния, не славянские. Давал мне читать своих друзей. Ну зачем человеку читать своих друзей, если они не умеют писать? Все это было похоже на школьные сочинения на тему славянства. Французы писали о людях, а славяне — о славянах. И от меня он хотел, чтобы я это читала, об этих славянах. Какое все это было ненастоящее. То, что мне нравилось, он считал погибелью для души, духа, дурными влияниями. Когда я о чем-то подобном обмолвилась, он разгорячился и все говорил, говорил, товорил, так долго, долго, долго, не глядя при этом на меня, шагал по комнате туда-сюда, заложив руки за спину, устремив свой пламенный взгляд в будущее, в окно, в стену, а я ловила этот его взгляд, и — ничего.

АНИЧКА: Вам и вправду не нравилось то, что он давал вам читать? А Гурбана вы читали?

Аделка молчит.

АНИЧКА: Мой сын был писателем, вся моя семья... вам это не нравилось?

АДЕЛКА: Я до вашего сына уже не дожила, не знала его.

АНИЧКА: И вы думаете, это никуда не годится?

АДЕЛКА: Для меня это было мученье, но вы, Аничка, из-за этого не переживайте.

АНИЧКА: Все писали.

АДЕЛКА: Не переживайте из-за этого. Не думайте уже об этом. Вы их хорошо воспитали. Кто-то должен начать.

МАРИНА: Давайте лучше поговорим о цветах.

КАЛИНЧАК: Не раз мы спорили с покойным нашим Людовитом Штуром о поэзии вообще и о славянской в особенности, когда он писал свои рассуждения «О народных песнях и повестях племен славянских». Не раз мы и ссорились, если я мнение совсем отличное от его высказывал; и спорам нашим не было ни конца ни края, когда я его труд, изначально по-словацки написанный, на чешский язык переводил, начав, таким образом, систематически устроенный ход мыслей его по пунктам пересматривать. Хоть Штур в последнее время жизни своей никогда мнением моим не пренебрегал, все же в этом отношении возражений не терпел. Он хотел видеть науку и искусство славянское совершенным и искал это совершенство там, где его и не было. Уж так хотелось Людовиту Штуру Славянство приукрасить,

доказывая, что искусство его не только самобытное, но и совершенное, являющее нам себя в песнях и повестях народных. А поскольку поэзия — это высшая отрасль искусства, то, следовательно, и народ славянский должен находиться на высшей ступени потому только, что его народная песня существует до сих пор и имеет бо́льшее значение, бо́льшую живость и подвижность, чем песня других современных народов. Однако Штур забывал, что и у других народов есть народная песня и что не все то славянское, что есть народное. Мое мнение всегда было таково, что песня и повесть народная хотя и характеризует мировоззрение, образ мыслей, чувство, темперамент, движения души того или иного народа и всегда должна быть основой искусства народного, однако поэтому же никогда не является искусством.

АДЕЛКА: Вся эта толпа мужчин: Цтибог, Желислав, Славимир, Люмир, Забой, Звестонь, Красислав, Врагобор, Мыслимир, Милидух, Домолюд, Мечислав — это были люди, не существа. Я была существом. Девин, Нитра, милая Нитра, Татры, орлы, соколы, обездоленный люд, чтобы сильнее любить люд, он не любил людей, или все-таки любил? Некоторых, мужчин. Они любили друг друга... И как любили. А мы все были для них просто какими-то летящими тенями, обрывками тумана, распоротого на куски вершинами Татр... Нет, не могу успокоиться. Он должен был быть в кого-то влюблен. И я хочу это знать. Я умерла от чахотки, горела вся, с головы до пят, я должна это знать!

Кукольный театр.

Аделка водит кукол; можно водить и артистов со второй части сцены, представляющей собой «Зал славы» или кабинет литературы. Постепенно к ней присоединяются и другие женщины. Их действия напоминают идентификацию убийцы при расследовании преступления и одновременно — детскую игру в каравай.

А: Часов около восьми были уже мы, передовое войско, в саду возле корчмы под Девином и с нетерпением ожидали остальных; наконец, пришел и Людовит со своим Чендековичем и Ярославом Бориком.

В: Поход на Девин был общим делом. Сердца в груди всех присутствовавших бились беспокойно, мечты и горячее чувство любви к неведомому, но из глубины души чтимому прошлому словацкого народа захватили все существо воодушевленной молодежи словацкой.

С: Солнце освещало вершины гор и крепостей, и его теплые лучи падали на юношество словацкое, вставшее здесь в круг.

D: Тихий ветерок, потянувший с юго-востока, холодил разгоряченные лица молодежи и играл с буйными волосами стройного, высокого Людовита, поднявшегося на возвышенность руин с непокрытой головой.

А (влюбленно): Мы пели «Нитра, милая Нитра», «Девин, милый Девин»... Впечатление от песни было глубоким. Словно зачарованный стоял хор прекрасных юношей словацких.

В: Всегда улыбающееся, а сейчас строгое и серьезное лицо Зоха, приземистая фигура и черные живые глаза Густава Гроссмана, а над всеми возвышался стройный Людовит. Потом еще там стояли:

С: Высокий, с округлым лицом и черными глазами Чендекович,

D: Курчавый, миловидный и румяный Ярослав Борик с высоким челом, а под ним

А: С сокольими очами Драготин Фрндак,

В: Беньямин Червенак с лицом невыразительным, но с проницательными живыми глазами и строгим взглядом.

С: Плечистый Павел Кошацкий.

D: Стройный, со смуглым лицом Даниэл Крнух.

А: И рядом — юная, с приятным веснушчатым лицом фигурка Дюрко Заборского.

В: С большими голубыми глазами на красивом улыбчивом лице Ян Мароти.

С: И еще многие прекрасные юноши словацкие тихонько стояли, обратив свои взоры на Людовита.

D: Высокие мысли Штура захватывали молодежь и уносили за собой во времена Растица, Сватоплука и Моймира, и поток его слов разливался волнами Моравы, Дуная, Вага и Грона по нивам словацким.

А: Ветер то и дело пытался поиграть с волосами его, но оратор сгребал их левой рукой, правой указывая на Татры, где находится колыбель наша и где народ в глубоком сне проводит бесславные дни жизни своей.

В: Так гремел голос Людовита, и слезы заблестели на глазах мо́лодцев.

С: Штур, сам тронутый и проникнутый собственной речью, запел:

ШТУР: Нитра, милая Нитра... Братья! Что мы унесем отсюда на память? Давайте же вместе озаботимся сегодня тем, чтобы никогда не смогло и не смело исчезнуть из нашей памяти то, что мы друг другу обещали. Пусть каждый из нас выберет себе девиз всей жизни и примет имя славянское к имени своему, данному при крещении, и, подписываясь в обществе народном, пусть его использует! Мое имя будет Велислав.

А: Так мы приняли такие имена, как Мечислав, Цтибог, Горислав, Милослав.

КАЛИНЧАК:А я не принял никакого имени, поскольку зовусь Яном. Этого довольно.

АДЕЛКА: Аничка, вы все еще хорошая актриса. И вы, Марина, сразу видно, что вы были музой. И вы тоже, Тонка, хорошо это у нас получилось.

АНИЧКА: Только бы это не прозвучало, как насмешка.

МАРИНА: Вновь со мной вы, образы те давние, говорите с юностью моей души! Тяжелы, хоть и забавны вы, и своей печалью хороши.

АДЕЛКА: Все мы были в них влюблены. А они и без нас обходились.

АНИЧКА: А что если бы мы поставили какой-нибудь хороший спектакль и все-все им в нем сказали?

АДЕЛКА: Они нас не слышат.

МАРИНА: Давайте лучше сыграем в карты. Они пылали идеями, в таких молодые девушки легко могут влюбиться. Потом они добились несчастной любви, потом писали стихи, или не писали... Теперь они в хрестоматиях — и я в хрестоматиях. Но только как отблеск его души. А так я — Гержова, урожденная Пишлова. Маменька не позволила мне выйти за бедного учителя. Потом он написал обо мне много стихов, целую книжку. У меня две могилы, и я в хрестоматиях. Я вышла замуж, я жила...

АНИЧКА: Вы были его музой.

АНТОНИЯ: Одной музы хватает на всю жизнь. Он часто читал мне «Марину», это, мол, его душа, и если, мол, я буду знать «Марину», то и его узнаю лучше.

МАРИНА: Но ведь это про меня, разве нет?

АНТОНИЯ: Это было как будто бы и про меня тоже. Так он, по крайней мере, говорил.

МАРИНА: Но сначала это было про меня. Гержа не очень был доволен.

СЛАДКОВИЧ:

Я не хочу, чтобы моя отчизна В Олимп какой-то превратилась, Чтоб дочь людей, исполненная жизни, Утратила свой образ милый!

Нельзя любить пространства магнетизма, Нельзя взывать к немому лунатизму, На волшебство и страшно мне взирать. Земных желаний контур страстный, зыбкий,

Мечтаний девичьих высокие ошибки Возможно и любить, и возглашать!

АНТОНИЯ: Я этого не понимаю.

АДЕЛКА: «Срывается звезда — мы в бездну канем!» Мой брат, отец и мать меня пережили. Мой милый, который даже и не был моим милым, написал обо мне, что я была существом. А я — кем его считала я? Ни листья я не сушила, ни в театре я не играла, ни стихов обо мне не писали, ни похоронила я никого, ни детей не имела, никого не истерзала, только себя. Я даже не знаю, была ли это любовь. Или просто такое искушение. Искушение злом.

МАРИНА: Я принадлежала двум мужчинам, и у меня две могилы. Я принадлежу народу словацкому, народу молодому, который чтит меня. Я как сосуд двойной, переливаюсь словно море.

АНТОНИЯ: Все, что на свалках Татры умирает, твоя укроет песнь? Мой Ондрик умел так красиво писать.

МАРИНА: Он был вполне красивым мужчиной.

АНТОНИЯ: Словакия такая маленькая, а мы все же не встречались.

МАРИНА: Может быть, мы встречались, но сами того не знали, ничего при этом не почувствовали, а сейчас даже вспомнить не можем. Так уж в жизни бывает. Но он был красивым мужчиной. Мне нравился в молодости.

АНИЧКА: А мой Милослав — отважный воин был, хороший муж, что еще может пожелать женщина?

ФРАНЦИСЦИ: Я пришел в Глбоке в назначенный день. Но в доме священника не было ни Гурбана, ни Сирены, как называл Гурбан свою прислугу, низенькую горбатую старую деву со сморщенным бледным лицом.

ШТУР: Народ, в душе которого глубоко коренится уважение к правам каждого человека и для которого само собою разумеется, что все люди равны, носит в сердце своем любовь к человеку и не делает между людьми различий — только такой народ может быть искренним, открытым и честным народом.

СЛАДКОВИЧ:

Кому у нас дано писать сатиры? Кто бы у нас пошел на прозу смело? Кто б воспевал кровавые химеры? Кто б обращался к идолам замшелым?

У нас лишь любят! Тут — милый милую, Тут — сын примерный мать, уже хилую, Тут земля землю целует,

Тут красота красоту приветит, Тут слава славе трудом ответит, Творенье в Боге ликует!

АДЕЛКА: Все равно у этого нет конца.

АНИЧКА: Конца и не может быть. Жизнь продолжается, в детях, жизнь идет дальше.

АДЕЛКА: Жизнь кончилась, а у этого нет конца.

АНТОНИЯ: Я люблю счастливые концы.

МАРИНА:

Срывается звезда — мы в бездну канем, Цветы поникли — так и мы увянем, Сокровища легко похоронить.

АДЕЛКА: Марина, не продолжайте, прошу вас. Уже конец. Правда, уже конец.

МАРИНА:

Но эти звезды все-таки светили, И жизнь прекрасную цветы прожили, И драгоценностям в земле не сгнить!

АДЕЛКА: Какие драгоценности? Где? Все сгнило! Идите прочь! Если бы я только могла выплюнуть свою жизнь. Вместе с кашлем!

АНИЧКА: Зачем вы все портите, Аделка? Мы так много сказали друг другу.

АДЕЛКА: А это уже за концом.

Перевод Л. Широковой Стихотворные переводы Н. Шведовой

Яна Юранёва (р. 1957) — словацкая писательница, переводчик, редактор. Автор прозаических произведений («Зверинец», 1994; «Сети», 1996, «Страдания старого кота», 2000; «Хранительницы», 2006; «Я жила с Гвездославом», 2008; «Мини-романы», 2009; «Доброшу не нужно стреляться», 2010; «Любови небесные», 2010; «Незавершенное дело», 2013), пьес («Пьесы», 2014), книг для детей и др. Пьеса «Блюдечки серебряные, посудины отменные» (Misky strieborné, nádoby výborné, 1997, 2005) ставилась в словацких театрах, в том числе — в «Год Штура 2015» — в театре Штудио 12 (Štúdio 12) в Братиславе.

СЛОВАЦКО-РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

М. Браксаторис

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В СЛОВАКИИ И СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В РОССИИ

Целью статьи является идентификация основных лингвокультурных и культурно-политических параллелей, потенциально используемых в рамках преподавания русского языка как иностранного в Словакии, а также в рамках преподавания словацкого языка как иностранного в России. Тема статьи является актуальной в связи с относительно новой общественно-политической и социокультурной обстановкой в Словакии и в России.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение русского языка в Словакии после 1989 года пережило кризис, связанный со снижением интереса к русскому языку и одновременно с потерей поддержки его преподавания со стороны государства. Однако в начале XXI века снова появился интерес к его изучению, прежде всего, в средних и языковых школах. Изменение восприятия русского языка со стороны тех, кто хочет его изучать, связано с отсутствием обязательного характера его изучения и с международно-политическим и экономическим значением России [ср. Ruština je späť. Žiaci sa o ňu trhajú («Русский язык вернулся. Учени-

ки рвутся его учить»)]. Значимым фактором в связи с восприятием России являются и геополитические предпочтения населения Словакии. Результаты репрезентативного социологического исследования «ISSP Slovensko 2014» [Klobucký 2014] обнаружили в этом отношении любопытное распределение позиций. Почти 60% опрошенных считают, что Словакия должна находиться между Россией и Западом, приблизительно 21% — скорее на стороне Запада, 9,5% — на стороне Запада, по мнению почти 8% опрошенных — скорее на стороне России, а согласно 2% респондентов — что Словакия всегда должна быть на стороне России. Следовательно, почти 70% респондентов не считает желательным союз с Западом в ущерб отношениям с Россией. Можно предположить, что те, кто заинтересован в изучении русского языка, будут, как правило, принадлежать к этому лагерю, что с точки зрения мотивации существенно для изучения русского языка.

Словацкий язык в России продолжает оставаться в тени чешского, что связано с интересом к соответствующим странам (Чехии и Словакии) как таковым. Интерес к работе, обучению, преподавательской деятельности в Чехии многократно превосходит интерес к такой же деятельности в Словакии. То же самое касается интереса российских туристов к Праге, Карловым Варам и другим местам в Чехии по сравнению с интересом к Высоким Татрам, Пиештянам и другим местам в Словакии, а также с интересом к покупке недвижимости на территории данных стран. Из интереса к стране как таковой вытекает и интерес к преобладающему в ней языку. Интерес к словацкому языку в России мотивирован, как правило, конкретными трудовыми, деловыми целями и возможностями в Словакии, с которыми связана потребность овладеть на определённом уровне используемым в ней языком. При этом, однако, можно констатировать, что если интерес к словацкому языку связан (одновременно и) с культурными факторами, то с точки зрения мотивации и дидактического содержания на передний план выводятся сближающие лингвокультурные и культурно-политические факторы, на которые должно опираться преподавание словацкого языка и словацких реалий.

Таким образом, можно констатировать, что существует целый ряд сближающих факторов, включая богатую историю культурных взаимоотношений между Россией и Словакией. К России тяготели многие известные политические деятели, ученые и литераторы, включая Яна Коллара, Светозара Гурбана-Ваянского или самого значительного представителя словацкого национального возрождения Людовита Штура, который на склоне своих лет предлагал всем славянским народам присоединиться к России, принять православие и начать использовать русский язык как язык международного общения [подробнее Машкова 2015, Браксаторис 2015]. К выше упомянутым факторам относится и отсутствие острых и тяжело переживаемых исторических проблем (за исключением ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году), и общее социалистическое прошлое. Факт, что Словакия была (за исключением периода византийской миссии в Великой Моравии и периода социализма) лишь периферийной составляющей Запада, сближает ее с Россией, являющейся важнейшей составляющей Востока. Взаимная близость создает основу для понимания соответствующих российских реалий словацкими учащимися, что позитивно влияет на мотивацию для более глубокого изучения русского языка и культуры. Одновременно становится очевидной необходимость выявления определен-

ных параллелей, дающих возможность эффективного объяснения российской специфики.

С целью вычленения точек пересечения и различий между двумя упомянутыми пространствами мы предлагаем их основную лингвокультурную и культурно-политическую характеристику.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ И КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СЛОВАКИИ

Словакия представляет собой пространство, на котором проживают в основном словаки (с точки зрения типологии языка, они используют западнославянский язык с определенными древними южнославянскими элементами). В большинстве своем они христиане, причем на территории, которую они населяют, преобладает римский католицизм (дополненный греческим); далее следуют представители евангелической церкви и представители других религиозных конфессий. В культурно-историческом плане акцент делается на кирилло-мефодиевских традициях и ориентации на наследие Великой Моравии. Этот подход эксплицитно выражен в преамбуле Конституции Словацкой Республики [Ústava Slovenskej republiky]. Вторично он отражен в том, что современная наука в качестве интеграционной фазы развития словацкого языка рассматривает именно великоморавский период [Krajčovič 1988: 15], период развития великоморавского варианта старославянского языка интерпретирует как раннюю долитературную фазу эволюции литературного словацкого языка [Žigo; Krajčovič, 2006: 12-32] и период возникновения старославянских письменных памятников, связанных с тер-

риторией Великой Моравии, толкует как один из двух основных этапов дихотомической истории словацкой средневековой литературы [Kákošová 2004: 113]. Для Словакии характерно то, что в прошлом она, за исключением определенных периодов, была периферийной составляющей Запада, с чем связан и тот факт, что язык, особенно лексика, содержит множество латинских заимствований, связанных с влиянием церковных, административных и научных институций [Krajčovič 1988: 171-172]. Словацкий язык также содержит множество заимствований греческих, часть которых пришла через старославянский язык. Кроме того, через культуру, религиозную жизнь и специфику развития литературного языка на словацкий язык повлиял чешский, который с XV века употреблялся в качестве книжного языка, а в евангелической среде также и в качестве языка литургии. Что касается словацкого языка, то он, прежде всего в лексическом аспекте, находился под значительным влиянием немецкого языка как языка престижного [Múcsková 2014: 68–80], в меньшей степени — венгерской и валашской (восточно-восточнославянско-румынской) лексики. В настоящее время на него активно влияет английский язык.

Проживание словаков совместно с чехами, венграми и немцами привело к образованию центрально-европейского языкового союза (идею данного союза предложил Л. Новак), который проявляется (за исключением некоторых диалектных ареалов и макроареалов, а также определённых специфических прозодических явлений) в противопоставлении кратких и долгих гласных, а также в форме динамического ударения на первом слоге слова [Horecký 1998: 235] (подобное состояние наблюдается и в других языках, например, в исландском и финском [Iivonen; Harnud 2005: 59, 61], в которых это, вероятно, связано главным образом с влиянием немецкого языка). Сосуществование с венгерским этносом проявилось и на уровне морфологии, в частности, в рамках тенденции к агглютинирующей флексии [Pauliny 1990: 19]. На словацкое лингвокультурное и культурно-политическое пространство повлияло его социалистическое прошлое. В настоящее время Словакию можно охарактеризовать как политически унитарное государство, построенное на принципах национального государства, которое считается формой самоопределения конкретного (в данном случае, словацкого) народа (в этнокультурном смысле слова), причем это государство выражает, прежде всего, волю этого народа [Национальное государство].

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ И КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

Россия представляет собой пространство, на котором проживает в основном славянское население (с точки зрения типологии языка, оно использует восточнославянский язык с определенными южнославянскими — конкретно, церковнославянскими — элементами). На ее территории преобладает православие; присутствуют и другие религии, включая ислам, иудаизм и буддизм; православие при этом включает и кирилло-мефодиевское наследие. Для указанного пространства характерно то, что в прошлом оно, за исключением определенных периодов, было важнейшей составляющей Востока, с чем частично связан и тот факт, что русская лексика содержит множество греческих заимствований, связанных с религиозной (часто через старославянский язык) и научной жизнью. Русский язык содержит также множество заимствований из латыни. Через культуру, религиозную жизнь и специфику развития литературного языка на русский язык повлиял церковнославянский язык (подобно тому, как на словацкий язык повлиял чешский [Štúr 1986: 262; Лифанов 2009: 9]), а также разные языки, которые в определенные периоды воспринимались как престижные и посредством которых российское культурное пространство воспринимало западные культурные элементы. К таким языкам относятся, например, голландский, немецкий и французский. В настоящее время на русский язык значительно влияет английский. В эпоху Российской империи и СССР русский язык доминировал на пространстве, превышающем русскую этническую территорию, вследствие чего он повлиял на ряд других в том числе неродственных — языков. О.Н. Трубачев в этой связи вводит термин «русский языковой союз» [Трубачёв 2005]. На русское лингвокультурное и культурно-политическое пространство оказало воздействие его социалистическое прошлое и доминирование СССР в рамках социалистического лагеря. В настоящее время Россию можно охарактеризовать как федеративное государство, построен-

ное на принципах плюрализма, причем основу плюралистических интерпретаций данного цивилизационного пространства составляют формы политического мышления, которые ведут к инклюзивному подходу в отношении народов и национальностей России, включая евразийство.

ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И РАЗЛИЧИЯ

Итак, общими признаками словацкого и русского пространств являются, прежде всего:

- преобладающее славянское население (причем доминирующие в Словакии словаки используют западнославянский язык с определенными древними южнославянскими элементами; доминирующие в России русские используют восточнославянский язык с определенными южнославянскими конкретно, церковнославянскими элементами);
- преобладающее христианство (на уровне языка это проявляется в значительном количестве библеизмов и лексических параллелей, касающихся церковной жизни; в том числе единиц старославянского происхождения) и связанный с ним культурный и культурно-политический традиционализм;
- инкорпорация кирилло-мефодиевского наследия в интерпретации собственной религиозной и культурной идентичности, которая в данных случаях, хотя и носит неодинаковый характер, является интегральной частью словацкого и российского миров. В русском культурном контексте существующий подход является естественным главным образом по религиозным причинам.

• в результате воздействия различных лингвокультурных, культурно-политических и политико-экономических факторов: в обоих языках присутствие значительного количества латинских и греческих заимствований (несмотря на разницу относительно принадлежности к различным геокультурным и культурно-религиозным пространствам); германизмов, а сегодня — англицизмов;

• постсоциалистическая идентичность.

Рассматривая различия и специфику словацкого и русского пространств, можно также опереться на определенные параллели. К ним относится, например, тот факт, что включенность данной территории в более широкое культурно-политическое или цивилизационное пространство с типологической точки зрения вело к возникновению языковых союзов, куда входили и неродственные друг другу языки. Мы имеем в виду, с одной стороны, так называемый русский языковой союз, предложенный Трубачевым, и центрально-европейский языковой союз, предложенный Паулини.

С точки зрения лингводидактики более существенен тот факт, что на формирование литературного языка

повлиял родственный язык, используемый в качестве языка письменности и языка литургии (чешский язык или церковнославянский язык). Это знание важно для объяснения словацкой аудитории вопроса о присутствии церковнославянизмов в русском языке. Данный факт представляется значимым и в рамках изложения российским студентам факторов, обусловливающих наличием богемизмов в словацком языке. В рамках объяснения необходимо подчеркнуть, что в русском пространстве, в отличие от Словакии, не произошло смещения восприятия заимствований из близкого языка, используемого в функции литературного или литургического, по оси «стилистически высший — стилистически низший». Если в прошлом богемизмы в словацком языке ощущались как стилистически высшие или книжные [Лифанов, 200: 12], что было связано с тем, что чешский язык по отношению к ненормированным словацким наречиям ощущался как более высокий, отточенный, чистый и культивированный [Dorula 1993: 24], то в настоящее время явные богемизмы ощущаются скорее как стилистически низкие, субстандартные или неправильные. Подобного смещения в восприятии церковнославянизмов в русском языке не произошло.

Другую параллель, позволяющую эффективное толкование лингвокультурной и культурно-политичекой проблематики, мы находим в области различения этнохоронима россиянин и этнонима русский, а также прилагательных российский — русский. Факт, что использование этих слов вызывает у словацких учащихся проблемы, можно продемонстрировать на примере

ошибочного перевода словосочетания ruská zmrzlina на русский язык. В группе тридцати студентов уровня В2, с которой в 2011 г. работал автор, преобладал ответ русское мороженное (больше чем 93%), появлялся также и ответ российское мороженное (почти 7%). Абстрагируясь от проблем, связанных с экспортом российского мороженного на рынки западных стран, а также с названиями конкретных коммерческих организаций и их продуктов, носитель русского языка продукт данного типа назвал бы: пломбир с вафлями, пломбир в брикете, или же советский / классический пломбир. Наоборот, словосочетание русское мороженное он бы толковал скорее в этническом или национальном смысле, а словосочетание российское мороженное — в смысле производства на территории России, т. е. отечественного мороженного. Значит, в русскоязычной среде то, что на словацком языке называется ruská zmrzlina, ассоциируется, как правило, не с русской нацией или российским государством, а с эпохой СССР, которая в словацкой среде нередко сводится к России. Такой неострый концепт России и российскости в русском языке отсутствует.

В вопросе различения этнохоронима россиянин и этнонима русский можно опереться на различение слов Uhor в значении «гражданин/житель многонационального Венгерского королевства» и Maďar в значении «представитель венгерского этноса»; ср. ситуацию в сербском и хорватском, словенском или чешском языках. Подобно Венгерскому королевству, и Россия представляет собой многонациональное государство, причем принад-

лежность гражданина к нему можно выразить соответствующим этнохоронимом, который, однако, ничего не говорит о национальности данного лица (ср. словосочетание гражданин Венгерского королевства). С другой стороны, благодаря этой параллели можно российскому студенту продемонстрировать отличие Венгерского королевства («Uhorsko») от Венгрии в смысле этнического государства, существовавшего с 1918 г. («Maďarsko»), или же венгра в смысле государственной принадлежности к Венгерскому королевству («Uhor») от этнического венгра («Maďar») (абстрагируясь от многословных терминов, в русском языке существуют только синкретические однословные выражения Венгрия, венгр). Интересным фактом представляется то, что соответствующая разница была известна и И.В. Гёте благодаря тому, что её изложил ему Я. Коллар в течение своей жизни в Йене (см. Botto 1916: 177). Опыт автора свидетельствует о том, что российские студенты чётко понимают, что условная, мысленная реализация политики отождествления россиян и русских и условные, мысленные попытки преобразовать Россию в этническое государство приве-

ли бы к возникновению небывалых центробежных тенденций в нерусской этнической среде с возможными фундаментальными последствиями для стабильности и территориальной целостности страны (ср. с распадом Венгерского королевства в 1918 г.). Однако, между Венгерским королевством и Россией существует значительная разница, в том числе в области формы государственного устройства, а также этнического состава. Разница заключается главным образом в федеративном устройстве современной России, построенной на плюралистических принципах, и политической унитарности Венгерского королевства, стремившегося к этнической и лингвистической унификации своего населения. С другой стороны, в последнем венгерский этнос представлял (с занятия в XVI в. Среднедунайской равнины Османской империей вплоть до распада Венгерского королевства) приблизительно лишь от трети до половины населения страны [Mesároš 2004: 414 и сл.; Kačírek 2009], в то время как в России русские представляют больше 80 % населения Вот какие мы — россияне. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение можно констатировать, что сближающие факторы, а также сходные черты в области специфических лингвокультурных и культурно-политический реалий играют важную роль не только с точки зрения мотивации учащихся, но и в плане использования базы знаний, являющихся ключом к по-

ниманию множества проблем в области языка, культуры и политики российского и русскоязычного пространств со стороны словацких студентов, и, наоборот, к пониманию множества проблем в области языка, культуры и политики словацкого пространства со стороны российских студентов.

ЛИТЕРАТУРА

Botto J. Goethe. Zo životopisu a charakteristiky jeho diel. Dľa G. H. Levcsa poslovenčil Julius Botto // Slovenské Pohľady. 1916, zošit 4. s. 177–191. http://digicontent.snk.sk/content/journals/Slovenske_pohlady/1916/17A0736925_004.pdf

Doruľa J. Tri kapitoly zo života slov. Bratislava: Veda, 1993. 152 s.

Horecký J. K nedožitej deväťdesiatke Ľudovíta Nováka // Slovo a slovesnost. 1998. 3. 59. S. 235–236.

Iivonen A, Harnud H. Acoustical comparison of the monophthong systems in Finnish, Mongolian and Udmurt // Journal of the International Phonetic Association. 2005. 1. 35. P. 59–71, doi:10.1017/S002510030500191X ()

Kačírek Ľ. Národnostné pomery do roku 1918 // Kršák P. (ed.) Ottov historický atlas Slovensko. Bratislava: Ottovo nakladateľstvo, 2009. 560 s.

Kákošová Z. Literatúra v období stredoveku // Slovacicum : kapitoly z dejín slovenskej kultúry. Bratislava: AEP, 2004, S. 113–116

Klobucký R. Konšpiračné presvedčenia a geopolitické preferencie // Sociologický ústav SAV. 2015. S. 1–3. http://www.sociologia.sav.sk/cms/uploaded/2172_attach_3_konspiracie_a_geopoliticke_preferencie. pdf

Krajčovič R. Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988. 343 s.

Krajčovič R., Žigo P. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava: Univerzita Komenského, 2006. 249 s.

Mesároš J. Zložité hľadanie pravdy o slovenských dejinách. Bratislava: Veda, 2004. 487 s.

Múcsková G. Prestíž ako motivačný faktor pri preberaní cudzích jednotiek a špecifiká nárečovej adaptácie (na príklade

historických germanizmov) // Jazyk a jazykoveda v interpretácii. Bratislava: Univerzita Komenského, 2014. S. 68–80.

Pauliny E. Vývin slovenskej deklinácie. Bratislava: Veda, 1990. 270 s.

Ruština je späť. Žiaci sa o ňu trhajú // Hospodárske noviny. 3.6.2009. http://hn. hnonline.sk/svet-120/rustina-je-spat-ziaci-sa-onu-trhaju-285800

Štúr Ľ. Dielo I. Bratislava: Tatran, 1986. 600 s.

Ústava Slovenskej republiky z 1. septembra 1992. Časová verzia predpisu účinná od: 01.01.2016. https://www. slov-lex.sk/static/pdf/1992/460/ZZ_1992_460_20160101.pdf

Браксаторис М. Национальная философия Людовита Штура на оси Запад — Словакия — Восток // Stephanos 2015. 4. 12. С. 83–95. http://stephanos.ru/izd/2015/2015_12_10.pdf

Вот какие мы — россияне. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // RG.RU, 22.12.2011. http://www.rg.ru/2011/12/16/stat. html

Лифанов К.В. Язык духовной литературы словацких католиков XVI — XVIII вв. и кодификация А. Бернолака. М.: Изд-во МГУ, 2000. 118 с.

Машкова А.Г. «Завещание» славянскому миру: Трактат Людовита Штура «Славянство и мир будущего» (К 200-летию со дня рождения писателя) // Stephanos 2015. 4. 12. С. 96–104. http://stephanos.ru/izd/2015/2015_12_11. pdf

Национальное государство // Юридический словарь. http://dic. academic.ru/dic. nsf/lower/16376

Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука, 2005. 286 с.

А. Машкова

К ИСТОРИИ СЛОВАЦКО-РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Литературные связи между русским и словацким народами имеют более чем 200-летние традиции. История этих связей всегда была тесно связана с историей наших стран, более того, она находилась в непосредственной зависимости от нее. Зависела история литературных связей и от того, какие задачи стояли перед национальными культурами и ее представителями в конкретный период времени. Иначе говоря, история русско-словацких литературных связей развивалась неравномерно, в ней были свои всплески и падения. Однако если оценивать ее в целом, то она почти всегда имела знак плюс и никогда не прерывалась.

Начинаются связи между нашими литературами на рубеже XVIII-XIX вв., когда отчетливо обозначился интерес славян, в том числе словаков, к России. Именно на этот период времени приходится бурный расцвет российского славяноведения, которому способствовало создание славянских кафедр при университетах, организация Славянских обществ, проведение Славянских съездов, публикации литературных, литературно-критических и научных трудов. В это время активизируется публицистическая и практическая деятельность известных русских славистов, таких как Погодин, Бодянский, Ламанский, Срезневский, Григорович,

Прейс и др. Многие из них путешествуют по славянским землям, встречаются с видными представителями славянской культуры, учеными, писателями, делятся с российскими читателями впечатлениями об увиденном.

Одновременно в славянском мире получает широкое распространение объединительная идея славянских народов. Эту идею отстаивали многие общественные деятели, ученые, писатели, публицисты. Будучи категорией концептуальной, идеологической и геополитической, эта идея имела у разных славян различные модификации. В частности, на территории Словакии и Чехии возникла и получила широкое распространение так называемая идея славянской взаимности, которая выражала мечту славянских народов о единении. Впервые она была синтезирована словацкими поэтами и учеными Яном Колларом и Павлом Йозефом Шафариком в начале XIX века. Свое дальнейшее развитие объединительная идея славян получила в трудах выдающегося деятеля словацкой науки, кодификатора словацкого языка, поэта Людовита Штура.

В России творчество Яна Коллара (1793–1853) и его всеславянская идея были встречены с горячим одобрением и получили известность уже в начале XIX в. Первым из российских славистов, кто установил личные контакты

с Колларом, был славист П. И. Кеппен (1793-1864). Путешествуя по Австрии, по славянским землям, он вел путевой дневник, в котором есть записи, датируемые маем и сентябрем 1822 г., о встречах в Пеште с Колларом. Известно, что именно с Кеппеном Коллар передал свою поэму «Дочь Славы» (1824), а также трактат «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» русским друзьям, объяснив свой поступок стремлением «внести маленькую лепту в литературное объединение славян... Я и некоторые слависты, — отмечал он в письме к Кеппену, — желаем способствовать литературной взаимности среди всех славянских наречий». В 1840 г. трактат был переведен и издан в русском журнале «Отечественные записки».

Фактически именно с Коллара началось знакомство русского читателя со словацкой литературой. На протяжении всего XIX века Коллар был одним из самых переводимых в России словацких писателей. В частности, российские журналы («Русская мысль», «Денница», «Родное племя») публиковали сонеты из его поэмы «Дочь Славы» в переводах Н. Берга, М. Петровского, Б. Бенедиктова, А. Сиротинина, В. Гиляровского и др., произведения из собрания «Национальных песен», письма деятелям русской культуры (российскими корреспондентами Коллара был цвет российской славистической науки — Погодин, Срезневский, Кеппен и др.).

Внимание российских переводчиков и издателей поэма «Дочь Славы» (русская критика именовала ее «евангелием всеславянства») привлекла не только содержащейся в ней идеей единения славянских народов, но и интересом ее

создателя к русской истории и культуре. Показательно, что интерес к этим темам в то время вслед за Колларом проявили многие словацкие поэты-романтики, в частности, Я. Краль («Свадьба»), Л. Штур («К славянам»), А. Сладкович («Черная Гора»), позже — поэт-реалист П. Орсат-Гвездослав («Славянство, тебя судьба преследует») и др.

Российская периодика регулярно печатала информацию о творческой деятельности Коллара. Так, в «Обозрении новейшей богемской литературы», опубликованном в журнале «Сын отечества» (1822), о нем было сказано, что он стремится возвысить своих соотечественников в произведениях, написанных в духе Петрарки. В 1825 г. о творчестве Коллара пишет газета «Библиографические листы». В 1830 г. «Литературная газета», издаваемая А. Дельвигом, называет его имя в числе достойнейших литераторов своего времени. В 1831 г. журнал «Телескоп» публикует рецензию английского критика Д. Бауринга на колларовскую поэму, где, в частности, говорилось: «...Коллар издал недавно два тома стихотворений, дышащих пламенным патриотизмом. Под именем Славы он олицетворил в них свою отчизну, или, лучше сказать, всю Родную семью славян, и изливается пред ней в пламенных выражениях неисповедимого одушевления... Страсть, коей сгорает душа поэта, едва скрывается под его слишком прозрачными аллегориями. Иногда даже, увлекаясь исступлением чувства, он не может совладать с собой — и его славянская душа вся обнажается. В своих патриотических восторгах он обращается преимущественно к России».

О Колларе упоминают журналы «Московский наблюдатель», «Журнал

Министерства народного просвещения» и др. В частности, русский славист Срезневский после своего посещения Словакии писал о Колларе в «Журнале Министерства народного просвещения» (1844): «Не раз уже повторялось у нас имя Коллара. Читатель, может быть, знает, что Коллар великий поэт, что он творец "Дочери Славы", чудной одической поэмы в 645 сонетов, оживленной почти исключительно одним чувством любви к славянам, любви пламенной, подчинявшей себе всю душу, все помыслы поэта...Это одно из тех имен, которые останутся неразлучны с воспоминаниями о жизни западных славян в первую половину XIX века и всегда будут оживлять это воспоминание образом светлым и чистым, какой можно иметь только о муже, одаренном необыкновенною силою духа, силою любви к правде, отечеству и соплеменникам, силою деятельности и самоотвержения».

Помимо Кеппена с Колларом поддерживали тесные контакты и другие русские слависты. Так, Бодянский (1808-1877) во время своей поездки в славянские земли в 1837 г. посещает созданное в Братиславском лицее «Общество чехословацкого языка и литературы». Приехав в Пешт и Буду, он встречается с Колларом. Существуют предположения, что именно Бодянский познакомил Коллара с творчеством русского поэта А. Хомякова, которое послужило своеобразным толчком для зарождения у него интереса к славянофилам. Восторженно отозвавшись о некоторых стихотворениях русского поэта, в частности, стихотворении «Ключ», Коллар позже включил в свои «Путевые письма» произведение

Хомякова «Орел», которое было запрещено российской цензурой. После возвращения из поездки по Европе Бодянский занимается преподавательской деятельностью в Московском университете. Значительное место в своих лекциях он отводит рассказу о жизни и творчестве Коллара, а его студенты пишут о нем дипломные сочинения. Например, будущий поэт А. Фет написал работу, которая называлась «Объяснение имени славянин по Шафарику и Коллару и собственное мое мнение по этому предмету». Поэтические опыты самого Бодянского содержат немало реминисценций из Коллара.

В одном из своих писем к слависту Погодину (1839) Бодянский рассказывал о визите к Коллару, который поведал ему об угрозах в свой адрес в случае, если он «не перестанет заниматься славянщиной». Коллар сказал тогда русскому слависту: «Вот уже двадцать лет, как я борюсь с этими дикарями, и не проходит дня, чтобы они не отравили чем-нибудь мне его!...Я не трус,.. и не уклонился бы от грозящей мне опасности, если тем мог подвинуть Славянщину...» Более того, Коллар даже просил Бодянского помочь ему переехать в Москву. Однако в ответ на положительное решение этого вопроса Коллар написал Погодину: «...если я покину Пешт, особенно при нынешнем настроении и раздражении умов, то враги мои в мое отсутствие разрушат все, что было собрано и сохранено за столь долгие годы и со столь великими страданиями, а именно славянскую школу и общину».

Большой интерес к Словакии, ее культуре, языку проявил русский славист И.И. Срезневский (1812–1880) еще до своего путешествия в славян-

ские земли (1838-1842). В 1832 г. он издал сборник «Словацкие песни». Срезневского связывала дружба не только с Колларом, но и с другими видными деятелями словацкой культуры, учеными, поэтами, в частности, с Шафариком, Штуром. В течение полугода в 1842 г. он гостил в Братиславе. Тогда же в местечке Мадунице он встречался со словацким поэтом Я. Голлым. Известны слова, сказанные Голлым Срезневскому по поводу России: «О вы, русские, вы — великий народ, слава славян!... Не забывай, милый друг, в твоей великой родине и нас, бедных словаков, скажи своим, что мы их любим, как братьев, и молимся за них богу: сильному — дело, слабому — молитва».

Сохранилась переписка Коллара и Срезневского, которая свидетельствует об общности их научных интересов, об обмене литературой. В своих лекциях в Московском и Харьковском университетах Срезневский делился со слушателями впечатлениями о Словакии и словацких друзьях. В частности, в одной из лекций, которая была прочитана в Харькове (1842) и опубликована затем в «Журнале Министерства народного просвещения», Средневский сказал: «Коллар — истинный поэт, начитанный ученый... сильно действовал на других и сочинением, и живым словом, и перепиской, не молчал ни перед кем, будучи уверен, что молчанием нарушил бы святой закон жизни, и, презирая всеми опасностями, которыми угрожали его преследователи, всеми низкими обвинениями, которых ядом хотели бы и теперь отравить его добродетельную жизнь...» Актом признания заслуг Коллара стало

его избрание Почетным членом Общества истории и древностей российских.

Переписываясь и встречаясь со своими словацкими друзьями, русские слависты информировали их о состоянии русской литературы, в частности, о творчестве Жуковского, Грибоедова, Пушкина, Гоголя. Они снабжали их русскими книгами. Много книг отправляет в Словакию Российская Академия Наук. Активное развитие словацко-русских научных связей, в том числе в области истории, этнографии, археологии и др., способствовало взаимному росту интереса к культуре и литературе.

Как известно, помимо Коллара всеславянская идея была реализована известным ученым, поэтом Паволом Йозефом Шафариком (1795–1861) в трудах: «История славянского языка и литературы всех наречий», «Славянские древности» (в России вышли в 1852 г. в переводе Бодянского), «Славянская этнография» (также переведена на русский язык) и др.

Современники Шафарика, российские ученые, писатели очень высоко оценивали его труд. Гоголь писал о нем: «Я их читаю и дивлюсь ясности взгляда и глубокой дельности. Кое-где я встречал мои собственные мысли, которые хранил в себе и хвастался в тайне, как открытиями, и которые, натурально, теперь не мои...» Позже на труды Шафарика ссылались такие русские ученые, как Соловьев, Ключевский, Сперанский и др. Отдельные российские издания публиковали сонеты Шафарика в переводе Н. Берга, письма к деятелям русской культуры (в числе его корреспондентов были Погодин, Бодянский, Срезневский, Кеннен, писатели Майков, Карамзин и др.).

Авторитет Шафарика в России был необычайно велик: ему предлагали место профессора в ряде российских университетов, его труды использовались в качестве учебных пособий по славяноведению для студентов, на него ссылались в своих работах многие российские ученые. Кроме того, Шафарик активно сотрудничал с известным славистом Кеппеном в библиографической серии по славяноведению. Периодические издания («Московский вестник», «Московский телеграф», «Журнал Министерства народного просвещения» и др.) регулярно публиковали его информацию о чешской и словацкой литературе. За заслуги перед российской наукой в 1839 г. Российская Академия Наук наградила словацкого ученого золотой медалью; он был избран почетным профессором Харьковского университета, членом Русского географического общества, а также некоторых других российских и зарубежных научных обществ.

Идеи Коллара, Шафарика оказали большое воздействие на их современника, ученого и поэта Людовита Штура (1815-1846), который, восприняв эти идеи, скорректировал и переосмыслил их в своем философском трактате «Славянство и мир будущего». Многие положения этого трактата актуальны и сегодня. Не случайно российский ученый В. Ламанский назвал этот труд «завещанием славянскому миру». Анализируя причины тогдашнего трагического положения славянских народов, Штур утверждал в своем труде, что одна из них заключается в их разобщенности, в том, что славяне «забыли о своем общем происхождении», а по сему «страдают от своих злосчастных

разделений и раздоров». Значительную часть трактата автор посвятил России, восприятие которой не лишено романтизма. Показательно, что свою рукопись он передал русским друзьям, и именно в России произведение, написанное в середине 50-х годов, в 1867 году было переведено и опубликовано. В 1909 г. в Петербурге увидело свет второе издание трактата в переводе и с предисловием Т.Д. Флоринского. И только почти 150 лет спустя, в 1993 году, трактат вышел в Словакии. К моменту издания рукописи на русском языке имя Штура было уже хорошо известно в России (в 1851 г. в журнале «Русская беседа» была опубликована его подробная биография), он поддерживал активные отношения с русскими славистами, с некоторыми из них встречался, со многими переписывался, обменивался литературой. Его творческая деятельность находилась в поле зрения многих русских ученых, начиная с Белинского, Кеннена, Срезневского, Пыпина и Спасовича и заканчивая Будиловичем, Флоринским и др. В частности, Будилович подчеркивал, что сама идея славянской взаимности родилась в недрах истории славян. Что же касается Коллара, то его заслуга, по словам Будиловича, состоит в том, что он «открыл и выяснил ее, подобно как Коперник — движение земли, а Ньютон — закон всемирного тяготения». Публиковались в России и поэзия Штура в переводах Н. Берга и И. Сиротинина, его описания путешествий,

Мысли словацких ученых и поэтов о единении славян оказались созвучны настроениям таких русских поэтов, как А. И. Одоевский, А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев и др. Помимо Коллара,

Шафарика, Штура в XIX в. в России были переведены и изданы произведения многих словацких поэтов, прозаиков, ученых. Так, Н. Берг, Н. Нович, А. Степович перевели практически всех поэтов-романтиков — Сладковича, Краля (в том числе его статью, посвященную Ламанскому под названием «Панславист Людовит Штур и его учение», 1884), Кузмани, Халупку, Гурбана, Томашика и др.

В свою очередь уже в начале XIX в. у словацких читателей пользовалось популярностью творчество Карамзина, Жуковского, Пушкина. В частности, первые попытки перевода произведений Пушкина были предприняты в Словакии уже в конце 1830-х гг. Впервые пушкинскую поэзию начал переводить поэт К. Кузмани, опубликовавший в 1838 г. отрывок из «Медного всадника» (журнал «Гронка»). Поэту Кралю принадлежит перевод «Песни о вещем Олеге» (в переводе — «Смерть Олега», 1846 г., журнал «Орол Татранский»). Что касается прозы, то первыми произведениями, переведенными на словацкий язык, были «Метель» (1864) и «Бырышня крестьянка» (1865). В общей сложности в Словакии на сегодняшний день вышло в свет более 130 книжных изданий произведений Пушкина. Его переводили и продолжают переводить известные словацкие поэты и прозаики, начиная от Незабудова, Ваянского, Гвездослава, Есенского и заканчивая Штрассером, Бузаши, Фелдеком, Руфусом, Замбором. О признании Пушкина в современной Словакии свидетельствует открытие в 1979 г. Музея Пушкина в Бродзянском замке, который является единственным (не считая музеев в бывших республиках СССР — на Украине и в Молдавии)

зарубежным музеем русского поэта. В этом замке в свое время жила жена австрийского дипломата А. Н. Фризенгоф-Гончарова, приходившаяся сестрой жене Пушкина — Наталии Николаевны Гончаровой, которая часто у них гостила вместе со своими детьми. В этот замок часто наведывались семьи Карамзиных, Гончаровых, здесь гостил Вяземский. Сама история взаимоотношений Александры Николаевны и Пушкина окутана тайной, о чем свидетельствует сожженная ею перед смертью переписка с поэтом, а также переданный ей Пушкиным через Вяземского крестик, который он носил всю жизнь.

Весьма плодотворно освоили творчество Пушкина словацкие писатели, начиная с романтиков и заканчивая нашими современниками. Например, поэт Кузмани, автор повести «Ладислав», использовал в своем произведении текст «Песни о вещем Олеге» (журнал «Гронка», 1838). Влияние Пушкина очевидно в поэмах Сладковича, а также в его патриотической лирике. То же самое характерно и для поэтического творчества писателя-реалиста Св. Гурбана-Ваянского. Интерес к творчеству Пушкина проявил драматург Й. Заборский. Внимательно изучив «Бориса Годунова», а также «Историю Государства Российского» Карамзина, он создал цикл из девяти пьес, объединенных общим названием «Лжедимитриада» (1863-1865), в котором изображены события российской истории в период с 1591 г. по 1622 г. В свою очередь под впечатлением этого цикла другой драматург — Я. Паларик пишет на ту же тему пьесу «Дмитрий Самозванец» (1865). Испытал воздействие Пушкина и Я. Есенский. Культ России, русской

литературы — это то мироощущение, которое он впитал в себя с детства и пронес через всю жизнь, хотя на его пути в познании России было немало разочарований. Так, находясь в России в качестве участника Первой мировой войны, а затем военнопленного, он критически отнесся к революционным событиям 1917 года. Разрушение страны, революция приводили его в ужас. В своих стихах он писал: «В карман упрятали / былую славу обманутой страны, / чтоб каждый глупец стал господином — / каторжники стали править». И еще: «Вспоминаю и проклинаю палачей живых, / что в мертвый дом превращают Россию».

Многие словацкие поэты XIX в. посвятили Пушкину свои стихи (Штур «Плач над Пушкиным», Сладкович «Духу Пушкина», Коллар «Дочь Славы», сонет 55 из Песни V, Гурбан-Ваянский «Перед памятником Пушкина в Москве», «Пушкину», Орсаг Гвездослав «Пушкин мой», Есенский «Земля Пушкина», «Смерть Пушкина», «К Пушкину», Ленко «А. С. Пушкин», Худа «Дорогой из Пушкина» и др.).

Существенно возрастает интерес к русской литературе в конце XIX — начале XX века, когда обращение к России, русской культуре стало одним из средств противостояния политике мадьяризации, которую проводили венгерские власти. В это время словацкий читатель знакомится с произведения Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Мамина-Сибиряка, Григоровича, Лескова, Короленко и др. Статистика говорит о том, что наиболее часто тогда переводились: Толстой, Чехов, Тургенев. Только за 15 лет (с 1890 г. по 1918 г.) журнал «Словенске погляды» напечатал

155 произведений 60 русских авторов. Много сделали для популяризации русской литературы в то время Ваянский, Шкультеты, Гвездослав. В частности, широкую известность получили статьи славянофила, «восторженного русофила» (так его именовали друзья) Св. Гурбана-Ваянского о творчестве Тургенева, Гоголя, Толстого, Чехова и других русских писателей, которые не утратили своей значимости и до наших дней. Отношение Ваянского к творчеству русских писателей было не однозначным. Высоко оценивая их творческое дарование, он вместе с тем не принимал критику российской действительности, содержащуюся в их произведениях. Именуя русских писателей-реалистов «так называемыми обличителями», Ваянский предостерегал перед негативными последствиями для России критического отношения к российской действительности. В связи с Тургеневым, он, например, сожалел в некрологе (1882) по поводу того, что тот «так и не созрел до истинно славянских убеждений» и что Тургенев был «больше художником, чем патриотом». Назвав Толстого «королем художественного реализма», Ваянский негативно относился к его философским взглядам, его критике общественной жизни России. От романа «Преступление и наказание» Достоевского, о котором словацкая критика умалчивала вплоть до конца XIX в., он буквально пришел в ужас, заявив, что подобная свобода является «немилосердной, жуткой».

Будучи прекрасным знатоком русской литературы, Ваянский много переводил, в частности Тургенева, поддерживал тесные контакты с деятелями русской культуры, часто бывал в России. За активные связи с русскими друзьями и свои русофильские взгляды он неоднократно подвергался тюремному заключению.

Уместно вспомнить и о том, что словацкая драма начала XX в. складывалась под сильным воздействием русской драмы, прежде всего — Чехова. И по сей день Чехов остается в Словакии одним из самых популярных русских драматургов. Его пьесы не сходят с театральных подмостков не только Братиславы, но и других театров Словакии. Из более чем трех десятков ныне существующих в Словакии театров около полутора десятка обращались к Чехову. А Национальный театр в Братиславе — поставил все его пьесы. И даже на рубеже XX и XXI вв. когда в Словакии наблюдался общий спад интереса к русской культуре, Чехов продолжал присутствовать на профессиональных и любительских сценах.

Заметным явлением в истории словацко-русских литературных контактов рубежа XIX–XX вв., стала деятельность личного врача и душеприказчика Л. Толстого Душана Маковицкого, который оставил после себя четыре тома «Яснополянских записок». Они были изданы России в серии «Литературное наследство» (1979). К сожалению, в Словакии их пока не издали.

В свою очередь в России на рубеже XIX-XX вв. переводилось и издавалось довольно много словацкой литературы. Это были не только писатели, имена которых русскому читателю были уже знакомы (Коллар, Шафарик. Штур, Кузмани, Краль, Сладкович и др.), но и литераторы, чье творчество приходилось на конец XIX — начало XX вв. (Ваянский, Гвездослав, Кукучин, Вансова,

Краско и др.). Их переводчиками были известные русские писатели: В. Гиляровский, Н. Берг, А. Майков, Ф. Тютчев, А. Сиротинин, Н. Нович и др.

Особой популярностью в России тогда пользовалось творчество Ваянского. Различные журналы («Славянский век», «Варшавский дневник», «Славянский путешественник», «Славянские известия», «Славянское объединение», «Семья и школа» и др.) публиковали его поэзию и прозу в переводах Ф. Тютчева, Н. Аксакова, В. Францева, Н. Новича и др. Дважды была опубликована его повесть «Летящие тени»: первый перевод — в журнале «Звезда» (1887, перевод Ф. Тютчева), второй, под названием «Мимолетные тени», — в журнале «Сын отечества» (1891, перевод А. Сахаровой). Печатались и статьи Ваянского, такие как: «Нынешнее положение словаков», «О положении славян», «По поводу кончины И. С. Аксакова», «Граф Л. Н. Толстой как художник и мудрец»

Значительную роль в популяризации словацкой литературы в России сыграли сборники произведений словацких поэтов. Среди них: «Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей» (1871), в который были включены стихи Голлого, Гурбана, Желло, Сладковича, Халупки, Штура; «Отголоски славян. Сборник стихотворений сербских, болгарских, чешских, словацких и червоннорусских в переводах русских писателей» (1876), в который вошли произведения Коллара, Сладковича, Штура; книга «Словацкие поэты» («Маленькая антология», 1901).

Новый этап в истории словацко-русских литературных отношений наступает после Октябрьской революции и образования Чехословацкой республики (1918). В это время происходят важные перемены не только в политической жизни словацкого и российского обществ, но и в культурах, литературах России и Словакии.

Отношение к Октябрю словацкой интеллигенции, в частности, литераторов, было различным: одни принимали, приветствовали, другие отвергали и не понимали, но никого революция не оставила равнодушным. Даже президент Т. Г. Масарик вынужден был признать, что «благодаря русской революции повсюду укрепился радикализм — и у нас тоже».

Гвездослав, писавший в своей поэзии о судьбе словаков, о борьбе народа за свободу, выражавший резкий протест против войны, откликнулся на Октябрьскую революцию стихотворением «В осеннюю полночь». Навеянное пожаром в родном доме в Вышнем Кубине, где родился поэт, он рассказывает о революционных событиях в Петрограде, который уничтожил старый мир и в результате которого «трещат троны». Выразив свое глубокое уважение к городу «под Полярной звездой», он сомневается, принесет ли революция равенство и братство народу, произрастет ли из «хаотической серости» мир правды, красоты, любви. Задавая себе многочисленные вопросы, Гвездослав не находит на них ответа. Писатель Разус, поначалу приветствовавший русскую революцию, о чем свидетельствует стихотворение «Пусть брат узнает брата», после революции в Венгрии и образования Словацкой советской республики категорически заявил: «Я не верю в будущее русского коммунизма». Негативно отнесся к Октябрю Тайовский.

Несмотря на отсутствие дипломатических отношений между СССР и Чехословакией, которые были установлены только в 1935 г., многие словацкие писатели сумели побывать в то время в нашей стране. В основном это были коммунистически ориентированные литераторы, разделявшие коммунистические взгляды и объединившиеся вокруг журнала «ДАВ» (Илемницкий, Поничан, Новомеский и др.). Они с одобрением относились к переменам, происходившим в жизни России, в их творчестве звучит тема Октября, новой России, Ленина.

По мере обновления культурной жизни Словакии после 1918 г. на повестку дня встает вопрос о необходимости модернизации художественного творчества. В частности, Новомеский выдвигает лозунг о своевременности не просто взаимодействия с зарубежными литературами, но, как он выразился, «проветривания Словакии значительными, действительно человечными идейными веяниями». В этой ситуации важно было определиться: «Запад или Восток»? Часть литераторов, в первую очередь молодые, отстаивают необходимость обновления художественного творчества путем обращения к западным литературам, «открытия окон в Европу». Представители старшего поколения, а также часть молодых, главным образом коммунистически ориентированных литераторов, сохраняют интерес к русской литературе.

Наряду с произведениями писателей минувшего столетия в это время

издаются: Брюсов, Белый, Бальмонт, Мережковский, Зайцев, Вс. Иванов, Блок, Есенин, Шолохов, А. Толстой, Зощенко, Горький, Эренбург, Ильф и Петров и др. На межвоенное двадцатилетие приходится 180 книжных изданий произведений русских авторов, из которых треть принадлежала советским писателям. И даже в период существования первой Словацкой республики (1939–1945) увидело свет более 50 книжных изданий русской литературы и около 100 произведений было опубликовано в периодике.

Особое место в ряду русских писателей, получивших широкую известность в Словакии в 1920-1930 — ые гг., занимал Есенин. Первое упоминание его имени в словацкой печати относится к 1922 г. Поначалу многие словаки читали Есенина по-русски. Кроме того, посредническую роль в знакомстве с есенинской поэзией выполняли чешские, немецкие, французские переводы, так как первый перевод на словацком языке появился только в 1926 г. Это было стихотворение «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», напечатанное в словацкой коммунистической газете «Правда». По настоящему популярным Есенин стал после своей кончины, которую многие словацкие поэты восприняли как личную трагедию. Есенина не просто читали, любили. Он оказал большое влияние на словацкую поэзию. Постепенно словацкая критика заговорила о «культе» Есенина в Словакии. Интерес к есенинскому творчеству в Словакии сохранился и по сей день. Особенно возрос он после Второй мировой войны. Существенно расширился круг переводчиков (Руфус, Фелдек, Замбор, Шимонович и др.). Появились

новые переводы поэмы «Анна Снегина» (1928 — Поничан, 1970-е гг. — Есенска, 1993 — Руфус).

Хотя системное изучение русской литературы в Словакии в то время отсутствовало, тем не менее, отклики на творчество отдельных писателей и произведения нередко можно было встретить в периодических изданиях. Это были рецензии, заметки, статьи как о писателях XIX в., так и о современниках. В частности, регулярную информацию о творчестве Толстого, Горького, Ильфа и Петрова, Есенина, Брюсова, Маяковского, Андреева, Горького и других писателях публиковали журналы «ДАВ», «Элан», «Словенске смеры». Значительную роль в популяризации русской литературы тогда сыграла русская диаспора — ученые, писатели, деятели культуры, эмигрировавшие после Октября из России. Например, творчество И. С. Шмелева, которое, по выражению одного из его почитателей — молодого словацкого критика Я. Гамалиара, помогло словакам осознать место и роль России и русской культуры в современном мире, осмыслить идею единения славян в новых исторических условиях. Весьма популярен в словацких научных кругах был лингвист А. В. Исаченко, преподававший в Братиславском университете в период с 1941 по 1955 г., и фольклорист П. Г. Богатырев, также читавший курс лекций в Братиславском университете (1922-1939).

Иной оказалась судьба словацкой литературы в России после октябрьской революции, когда надо всем довлел диктат коммунистической идеологии: ее издание было сведено к минимуму, как и возможность посетить Словакию. Научное изучение художественного творчества практически отсутствовало. Исключение составляет публикация отдельных произведений представителей пролетарской литературы и отзывы о ней критиков, личные контакты коммунистически ориентированных литераторов. Прежде всего это были произведения Илемницкого в переводах М. Скачкова и Н. Пушкаревича, Новомеского, Поничана, а также поэзия Ваянского.

Одновременно творчество упомянутых писателей оказалось в поле зрения некоторых критиков, так или иначе связанных со Словакией. Прежде всего — это переводчик М. Скачков, который регулярно, начиная с середины 20-х гг., публиковал статьи и обзоры по словацкой литературе, поддерживал личные контакты с писателями, главным образом с Илемницким и Клементисом. В частности, Скачков дал очень высокую оценку поэзии Поничана. Поэта Новомеского Скачков называет «самым лучшим лирическим поэтом современной Словакии», а в своем обзоре словацкой прозы он именовал Илемницкого «лучшим словацким писателем вообще». В поле зрения критиков оказывается и роман М. Урбана «Живой бич» (1927), а в журнале «Печать и революция» (1929) в числе наиболее интересных новинок называются романы «Дом в Клокоче» Й. Цигера-Гронского, «Легенда Венявского» Л. Надаши-Еге, «Проклятие» Т. Вансовой. В основном статьи, обзоры, рецензии публиковали такие издания, как «Красная новь», «На литературном посту», «Печать и революция», «Вестник иностранной литературы», «Литература и искусство», «Интернациональная литература».

Особо следует отметить И. Эренбурга в поддержании личных контактов между словацкими и русскими литераторами. Кроме многократных посещений Словакии Эренбург в период с конца 1920-х гг. по 1937 г. был сотрудником словацкого пролетарского журнала «ДАВ». С воспоминаниями об этой своей деятельности писатель поделился в книге «Люди, годы, жизнь». В своих репортажах, которые регулярно публиковал «ДАВ», Эренбург писал о словацко-русских литературных контактах, о деятелях словацкой культуры. В 1933 г. журнал публикует роман Эренбурга «Хлеб наш насущный». По мере все возрастающей угрозы войны писатель выступает с серией репортажей антифашистской направленности. Присутствовал Эренбург и на Конгрессе словацких писателей в Тренчианских Теплицах (1936). С большим вниманием следил он за развитием событий в Словакии в период Второй мировой войны, горячо приветствовал Словацкое национальное восстание августа 1944 г. После окончания войны Эренбург многократно выступал с лекциями в Братиславе, Мартине и других словацких городах. Последняя акция, которая была им предпринята, — участие в конференции Союза словацких писателей (1966).

После окончания Второй мировой войны, во второй половине XX века, состояние словацко-русских литературных отношений в силу сложной, порой драматической общественно-политической ситуации, сложившейся в СССР и Чехословакии, было неоднозначным: периоды всплеска взаимного интереса сменялись спадами, за которыми следовали новые всплески и но-

вые падения. Причина тому — политика, проводимая руководством компартий двух стран. Результатом этой политики, неотъемлемой частью которой являлась идеологизация всех сфер жизни, жесткая цензура, насильственное насаждение социалистического реализма и т. п., стало искусственное сужение диапазона издаваемых произведений, отторжение значительного пласта литературы от читателей и критиков и.п. Все это не способствовало установлению по-настоящему творческих, а не конъюнктурных контактов между писателями, учеными, критиками

Тем не менее, независимо от политической ситуации, в Словакии относительно постоянно сохранялся интерес к русской классической литературе, хотя в количественном отношении издание этих произведений уступало публикациям советских авторов. Особенно это характерно для периода, когда в культуре господствовала одномерная модель художественного творчества — социалистический реализм, когда литература отождествлялась с идеологией, а ее отличительными признаками были коммунистическая тенденциозность и схематизм (первая половина 1950-х гг.). Так если в 1945-1949 гг. было опубликовано свыше 200 произведений Чехова, то, начиная с 1950 г., их число снижается от 2 до 8 ежегодно. В это время переводятся и издаются в основном писатели, творчество которых, так или иначе, укладывалось в рамки социалистического реализма (Горький, Фадеев, Макаренко, Бабаевский, Горбатов, Павленко и др.). Как показывает статистика, только за 1950 г. увидело свет 189 книг этих и им подобных авторов; в журнальных изданиях кульминация приходится на 1952 г., когда общее число публикаций достигало 605. Именно на творчестве писателей соцреализма было сосредоточено основное внимание словацкой критики, которая, также как и издатели, переводчики руководствовалась в своей деятельности критериями идеологического, политического характера, насаждая тем самым дурной вкус, отвращая читательскую аудиторию от советской литературы, а порой и искажая творчество больших художников, как это было, например, с Горьким.

По мере усиления демократических процессов в жизни общества менялась и ситуация в области словацко-русских литературных отношений: значительный интерес к западной литературе постепенно вытеснял интерес к русским и советским авторам.

Что касается популяризации словацкой литературы в СССР, то можно сказать, что впервые за всю историю наших литературных контактов она достигла столь больших масштабов. На смену спорадическому интересу, нередко чисто случайному выбору произведений пришло стремление более основательно и системно ознакомить русского читателя со словацкой литературой, представить исторический срез ее развития. Подтверждением тому могут служить издание серии книг словацкого фольклора, основательное знакомство с произведениями классиков литературы XIX века — первой половины XX столетия, а также современных писателей, начиная от Гечко, Яшика, Минача, Татарки, Беднара, Карваша, Руфуса, Валека и заканчивая Слободой, Шикулой, Ярошем, Балле-

Заградник и его предшественники».

ком и др. Большая заслуга в популяризации и изучении словацкой литературы принадлежит Ю. Богданову, О. Малевичу, И. Богдановой, а также переводчикам Н. Шульгиной, Н. Аросьевой и др.

Однако, несмотря на обилие имен, общая картина словацкой литературы, издаваемой в СССР, была весьма далека от совершенства. Это обусловлено тем, что при отборе произведений и имен переводчики, составители и издатели книг вынуждены были руководствоваться причинами политического и идеологического характера: все, что не укладывалось в коммунистические догмы и схемы, не имело права на существование. Поэтому часто издавались далеко не лучшие произведения, а сам диапазон имен искусственно сужался. Таким образом, произошло отторжение весьма значительного пласта художественного творчества XX века от российского читателя. Эта тенденция с наибольшей силой проявилась в первые годы после окончания войны, когда значительная часть словацкой литературы была выведена из сферы обмена духовными ценностями наших стран. Тогда, а также отчасти и в последующие десятилетия предпочтение отдавалось литературе, ориентированной на коммунистическую идеологию и концепцию социалистического реализма. Одновременно полностью игнорировалось творчество писателей, представлявших иные художественные течения и иную идеологию. Так, и по сей день практически неизвестными российскому читателю остаются произведения словацких экспрессионистов, сюрреалистическая поэзия, творчество представителей Католической модерны и др. Да и в литературе XIX в. имеется немало «белых пятен»: не переведен шедевр национальной поэзии — поэма Сладковича «Марина», романы Ваянского, в полном объеме поэзия символистов и др.

После событий 1968 г. всевозможные препоны ставились на пути освоения той части художественных ценностей, создатели которых либо покинули пределы Чехословакии, либо по политическим мотивам «не вписывались» в общий процесс «нормализации» — «консолидации» тогдашнего общества. Тогда без разрешения ЦК КПСС и КПЧ не могла быть издана ни одна книга, не могло быть упомянуто ни одно имя. Атмосфера недоверия сопутствовала и тем, кто пытался экспериментировать, идти своим путем в художественном освоении действительности.

Одна из наиболее успешных областей в сфере литературного взаимодействия после Второй мировой войны связана с личными контактами писателей, критиков, ученых, переводчиков, преподавателей словацкой литературы. Многочисленные встречи, научные конференции, совместные труды — все это помогало вникнуть в специфику литературного процесса, скорректировать свои знания, что имело большое значение при восприятии литератур, их исследовании и популяризации.

Существенный спад в развитии словацко-русских литературных связей наблюдался в конце 1980-х — первом десятилетии XXI в. Несмотря на изменившуюся общественно-политическую ситуацию в наших странах, благоприятный духовный климат для развития этих связей, они практически были сведены к минимуму. Однако благодаря активным усилиям словац-

ких русистов (Э. Пановова, А. Червеняк, С. Леснякова, А. Вальцерова, С. Паштекова, М. Куса, Е. Малити и др.) и российских словакистов (Ю. В. Богданов, А. Г. Машкова, Л. Ф. Широкова, Н. В. Шведова) эти связи не прервались. Хотя и в незначительном количестве, но все же продолжала издаваться русская литература в Словакии и словацкая в России, точно так же, как продолжалось взаимное научное изучение литератур, личные встречи писателей, ученых, переводчиков. После десятилетней засухи 90-х годов словацкие переводчики, издатели вновь обратились к русской классике, а также к современной литературе, хотя выбор имен и произведений не всегда бывал обоснован и являлся в определенной степени данью моде.

Коммерциализация культуры привела к резкому сокращению издания словацкой художественной литературы в России. Тем не менее, все же она в это время не переставала выходить в свет. Так, кроме журнальных вариантов прозы П. Карваша, пьесы которого «Антигона и другие», «Дипломаты», «Святая ночь» в предыдущие десятилетия ставились на сценах московских и ленинградских театров, появились и книжные издания его произведений (последнее — «Тайна сфинкса. Избранное», 2004). Творчество хорошо известного российскому зрителю автора пьесы «Соло для часов с боем» О. Заградника представлено в книге «О. Заградник. «Соло для часов с боем» (2005). В 2008 г. в связи с юбилеем драматурга, который был торжественно отмечен в Московском Художественном театре, вышла в свет книга словацкого театроведа Д. Подмаковой «Освальд

Кроме того, в новых переводах были опубликованы произведения Хробака, Фигули. Заслуживает внимания трилогия антологий: «Голоса столетий. Антология слованкой поэзии. От истоков до конца XX века» (2002), двухтомное издание «Дунайская мозаика. Словацкая новелла первой половины XX века» (2008) и «Дунайская мозаика. Словацкая новелла второй половины ХХ начала XXI века» (2009) и «Антология современной словацкой драматургии» (2014). Итогом проведенной в 2008 г. международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения классика современной словацкой поэзии М. Руфуса, которая состоялась в Словацком институте в Москве, стало издание сборника под названием «...побудьте минуту вместе со мною...» (2009). Книга включает в себя не только доклады участников конференции, но и поэзию, эссе Руфуса. Ранее российский читатель мог познакомиться с творчеством Руфуса в книге «Чтение по ладони» (2000). Полагаю, что в будущем существенную роль в деле популяризации словацкой литературы в России сыграет созданное в июне этого года в Москве Общество Людовита Штура, одной из основных целей которого является популяризация словацкой литературы в России, развитие словацко-русских литературных связей.

Полагаю, что в последние годы в развитии словацко-русских литературных связей наметилось значительное оживление, одно из доказательств которому — участие России после длительного отсутствия в книжной выставке-ярмарке «Библиотека» 2015 г.

СЛОВАЦКИЕ КНИГИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аисты (рассказы чешских и словацких писателей). М., 1984

Антология современной словацкой драматургии. М., 2014

Баллек Л. Помощник. М., 1980, 2013

Беднар А. Дом 4, корпус «Б». М., 1979

Буковчан И. Избранное. М., 1957

Буковчан И. Избранное. М., 1976

Валек М. Прикосновения. Стихи. М., 1968

Валек М. Слово. М., 1977

Валек М. Стихи. М., 1980

Габай И. В тени шелковицы. М., 1981

Гандзова В. Мадленка. Рассказы. М., 1959

Гандзова В. Отрекитесь от первой любви. М., 1969

Гвездослав П. Орсаг. Стихи. М., 1961

Гвездослав П. Орсаг. Стихи. М., 1979

Гечко Ф. Деревянная деревня. М., 1957

Гечко Ф. Красное вино. М., 1972

Гечко Ф. Святая тьма. М., 1961

Гикиш А. Время мастеров. М., 1989

Голлы И. Гело Себехлебский. Комедия в 5-ти действиях. Спб., 1959

Голоса столетий: Антология словацкой поэзии от истоков до конца XX века. М., 2002

Гронский Й. Цигер. Йозеф Мак. М., 1972

27 визитных карточек (современный словацкий рассказ). М., 1979

День на Калисто. М., 1986

Дети Ченковой. Повести словацких писателей. М., 1970

Драматургия Чехословакии. М., 1976

Дунайская мозаика. Антология словацкой новеллы. Кн. 1. М., 2008

Дунайская мозаика. Антология словацкой новеллы. Кн. 2. Вторая половина ХХ — начало

XXI века. М., 2008

Душек Д. Пиштачик путешествует. Повесть. М., 1988

Еге Л. Надаши Избранное. М., 1985

Есенский Я. Демократы. М., 1990

Есенский Я. Избранная Лирика. М., 1981

Есенский Я. Провинциальные рассказы. М., 1990

Есенский Я. Стихи. М., 1981

Есенский Я. Избранная лирика. М., 1981

Згуришка З. Бичанка из Долины. М., 1964

Зубек Л. Доктор Есениус.. М., 1961

Из века в век. Словацкая поэзия. М., 2006

Из современной чешской и словацкой поэзии. М., 1975

Из современной чехословацкой поэзии. М., 1981

Илемницкий П. Кусок сахару. М., 1950

Илемницкий П. Невспаханное поле. Л., 1936

Илемницкий П. Поле невспаханное. М., 1955

Илемницкий П. Хроника. М., 1948

Илемницкий П. Хроника. М., 1952

Калинчак Я. Повести. М., 1977

Карваш П. Милейший человек и другие рассказы. М., 1965

Карваш П. Пациент 113. М., 1957

Карваш П. Пятно (рассказы и повести). М., 1960

Карваш П. Ради ваших прекрасных глаз. М., 1957

Карваш П. Святая ночь (Драма). Л.-. М.,

Карваш П. Юморески и другие пустячки. М., 1991

Карваш П. Черт не дремлет. Очерки, фельетоны. М., 1957

Кедровый бор (проза о Словацком национальном восстании 1944 г.). М., 1984

Классическая драматургия стран народной демократии. Т. 1. М., 1955

Коларова Я. Дома на зелёном лугу. М., 1971

Коллар Ян. Сто сонетов. М., 1973

Коренко Я. Встреча в полночь. М., 1973

Коренко Я. Четыре дня и четыре ночи. М., 1964

Костра Я. Стихи. М., 1960

Кот Й. День рождения. М., 1982

Кот Й. Кегельбан. М., 1988

Краль Ф. Тернистый путь. М., 1953

Краль Ф. Яно. Л., 1957

Краль Я. Моя песня. М., 1957

Краль Я. Моя песня. М., 1957

Криштуфек П. Суфлер. М., 2016

Крно М. Лавина. М., 1975

Крно М. Утренний ветер. М., 1971

Кукучин М. Дом под горой. М., 1980

Кукучин М. Новеллы. М., 1961

Лазарова К. Осиное гнездо. М., 1956

Лазарова К. Саламандровый лес. М., 1965

Лайкерт Й. За час до затмения. М., 2002

Лайчак М. Лирика. М., 1958

Мигалик В. Круги Архимеда. Стихи. М., 1964

Минач В. Время долгого ожидания. Живые и мёртвые. М., 1961

Минач В. Вчера и завтра. М., 1950

Минач В. Избранное. М., 1982

Минач В. Колокола возвещают день. М., 1963

Минач В. Медвежий угол. Рассказы. М., 1962

Минач В. На переломе. М., 1957

Минач В. Поколение. М., 1974

Минач В. Смерть ходит по горам. М., 1950

Митана Д. Конец игры. М., 1987

Мнячко Л. Смерть зовется Энгельхен. М., 1962

Мориц Р. Его большой день. Повесть и рассказы. М., 1976

Мориц Р. Из охотничьей сумки. М., 1966

Мориц Р. Огонь железного «Гурбана». Повести и рассказы. М., 1989

Нович Н. Словацкие поэты. Спб., 1901

Надаши Еге Л. Избранное. М., 1985

Нижнянский Й. Кровавая графиня. М., 1994

Новомеский Л. Время и безвременье. М., 1985

Новомеский Л. Стихи. Поэмы. Статьи. М., 1976

Плавка А. Стихи и поэмы. М., 1974

Подъяворинская Л. Тетушка сова. М., 1973

Поэзия западных и южных славян. Л., 1955

Пушкаш Й. Приятные развлечения. М., 1988

Пушкаш Й. Четвертое измерение. М., 1983

Пушкаш Й. Четвертое измерение: Повести и рассказы. М., 1983

Разус М. Марошко. М., 1971

Руфус М. Чтение по ладони. Спб., 2000

Руфус М. Побудьте минуту вместе со мною... М., 2009

Слобода Р. Пансионат для незамужних дам: Романы. Спб., 1990

Слобода Р. Разум. М.,1990

Словацкая народная поэзия. М., 1989

Словацкая новелла. М., 1967

Словацкая новелла XIX-начала XX в. Л.,1988

Словацкая поэзия XIX-XX веков. М., 1964

Словацкие повести. М., 1966

Словацкие повести и рассказы. М., 1953

Словацкие повести и рассказы. М., 1975

Словацкие рассказы. М., 1956

Словацкие сказки. М., 1955

Современная словацкая повесть. М., 1989

Современная чехословацкая повесть. 70-е годы, М., 1979

Современный чехословацкий рассказ. М., 1987

Солович Я. Меридиан. Серебряный «Ягуар». «Золотой дождь». Пьесы. М., 1978

Стодола И. Чай у пана сенатора. М., 1976

Тайовский Й. Грегор. Избранное. М., 1981

Татарка Д. Республика попов. М., 1966

Тимрава. Без радости. Повести и рассказы. М., 1960

Урбан М. Живой бич. М., 1973

Фелдек Л. Ван Стипхоут. 1984

Ферко А. Просо. 1989

Фигули М. Вавилон. М., 1988, 2006

Фигули М. Детство. М., 1978

Фигули М. Искушение. М., 2011

Фигули М. Тройка гнедых. М., 1988

Хробак Д. Дракон возвращается. М., 1967

Хробак Д. Дракон возвращается. М., 2012

Чехословацкая повесть. М., 1984

Швантнер Ф. Жизнь без конца. М., 1967

Швантнер Ф. Избранное. М., 1984

Швенкова В. Кедровый бор. М., 1984

Шикула В. Избранное. М., 1985

Шикула В. Иволга. М., 1981

Шикула В. Мастера; Герань; Вильма: Трилогия. М., 1981

Шикула В. Не апплодируйте на концертах. М., 1972

Шикула В. Солдат: Повесть. М., 1985

Ярош П. Визит. Рассказы и повести. М., 1975

Ярош П. Тысячелетняя пчела. М., 1982, 1988

Ярункова К. Единственная. М., 1972

Ярункова К. Золотая сеть; Героический дневник: Повести. М., 1965

Ярункова К. Мой тайный дневник. М., 1962

Яшик Р. Избранное. М., 1974

Яшик Р. Мертвые не поют: Роман. М., 1964

Составила А. Бырина

КНИГИ О СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. Машкова

Мыльников А. Павел Шафарик — выдающийся ученый-славист. М.: Л., 1963

История словацкой литературы. М., 1970

Машкова А. и кол. Словацкая литература (1945–1985). Проза. М., 1987

Людовит Штур и его время. М., 1992

Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист. М., 1993

Словацкая литература от истоков до конца XIX века. М., 1997

Словацкая литература. XX век. М., 2003

Машкова А. Словацкий натуризм. М., 2005

Подмакова Д. Освальд Заградник и его предшественники. М., 2008

Шведова Н. Философские мотивы в словацкой поэзии (конец XIX — первая половина XX века). М., 2005

Богданов Ю. Очерки истории словацкой литературы XX века. М., 2013

Машкова А. Словацко-русские межлитературные связи: страницы истории. М., 2014

Пескова А. Словацкий экспрессионизм. М., 2014

Шведова Н. «Чудесные искры»: поэзия словацкого надреализма (1930-е — 1960-е годы). M_{\odot} 2015

Машкова А. История словацкой литература от истоков до 1918 года. М., 2015

Составила А. Бырина

ПУШКИН В СЛОВАКИИ

Первые упоминания в словацкой критике имени Пушкина относятся к 1826 г. (П. Й. Шафарик) и к 1837 г. (Я. Коллар). В XIX в. о нем писали известные словацкие литераторы, начиная с романтиков Й.М. Гурбана, Я. Калинчака, Л. Штура и заканчивая Св. Гурбаном Ваянским, Й. Шкультеты. Довольно полную информацию о русском поэте и попытку оценить его творчество содержали публикации П. Гечко (журнал «Орол», 1874), Св. Г. Ваянского («Народне новины», 1880), Й. Шкультеты («Словенске погляды», 1899) и др. В XX в. о творчестве Пушкина писали известные писатели, критики, такие как Я. Есенский, Я. Поничан, Л. Новомеский, В. Минач, Р. Бртань, А. Мраз, М. Томчик, А. Попович, Д.Д. ришин, Э. Пановова, А. Червеняк и др. Всего о творчестве Пушкина написано более 700 статей и пяти монографических трудов.

В одной из своих последних работ о Пушкине словацкий русист А. Червеняк проследил динамику восприятия его творчества в Словакии на протяжении более чем полутора столетий. В огромном потоке работ о русском поэте, как отмечает словацкий исследователь, вырисовывается несколько его образов: Пушкин-просветитель, Пушкин-романтик. Пушкин-парнасист, Пушкин-модернист, Пушкин-плюралист, наконец, Пушкин бродзянский¹. При этом каждый этап восприятия Пушкина породил свой интерес к его наследию, породил своих «последователей, подражателей и эпигонов... Из суммы исследовательских концепций не возникает единый образ поэта, — утверждает А. Червеняк, — а проявляется поэт во множестве ликов». Остановимся подробнее на предложенной словацким исследователем схеме.

Образ Пушкина-просветителя, связанный в Словакии с идеей славянства, не был достаточно популярен в силу того, что в его многострунном творчестве славянская струна не являлась самой сильной (в отличие, к примеру, от поэзии Хомякова), что соответственно не могло найти отклика в словацких сердцах. Отсюда и его недопонимание, которое следует, например, из письма Шафарика, обращенного к Коллару: «Роскошные плоды разума Батюшкова, Жуковского, Пушкина являются цветами дилетантизма; сад, в котором они расцвели, — не является славянским».

Гораздо большей популярностью пользовался в словацкой литературной среде Пушкин-романтик, оказавший влияние на творчество ведущих словацких поэтов романтического толка, которые «открывали в нем поэта человеческого величия, титанической борьбы за свободу» (А. Червеняк).

¹ Имеется в виду Музей А.С. Пушкина в Бродзянах (Словакия)

Пушкина-парнасиста с интересом восприняли словацкие писатели-реалисты рубежа XIX–XX вв., извлекшие из его поэзии уроки поэтического мастерства. В частности, Ваянский и Гвездослав учились у него не только духовности, активному отношению в жизни, созданию национальных и общечеловеческих типов, но и артистичности, виртуозности стиха, парнассизму.

В Пушкине-модернисте словацкие символисты начала XX в. открыли новое для себя ощущение тщетности бытия, устремленность к вневременному, вечному, интерес к лирическому субъекту. Все это отвечало их собственным вкусам — мировоззренческим и эстетическим.

В 1920-1940-е гг. подходы к творчеству Пушкина, особенно в преддверии годовщины его смерти, отличаются большим многообразием, носят плюралистический характер. Возникают новые концепции его жизни и творчества (конфессиональная, философская, демократическая, компаративная и др.). Как отмечает А. Червеняк, 1937 г. в Словакии стал годом «всенародного праздника». В большом количестве издаются его произведения, о его жизни и творчестве публикуется много работ, в том числе пушкиноведа Р. Эйхенбаума. Активное участие в этих торжествах принимают русские эмигранты, которые живут в Словакии (П. Г. Богатырев, Н. Г. Гарин-Михайловский, из Парижа приезжают Д. Чижевский и Р. Якобсон и др.). И хотя после окончания Второй мировой войны в словацкой литературе возобладала одномерная модель художественного творчества, марксистская концепция искусства, тем не менее именно в 1982 г. впервые выходит в свет полное собрание сочинений А. С. Пушкина. А изданная в 1991 г. монография А. Червеняка «А. С. Пушкин — человек и поэт» стала новым словом в словацкой пушкиниане. Считая Пушкина Петром I в русской литературе, словацкий русист усматривает вневременное значение его ренессансной личности и творчества в том, что, «синтезировав достижения предшествующих этапов развития русской и мировой культуры и литературы, Пушкин создал новый инвариант русской духовности, жизни и искусства — жизнь как возможность осуществления всего, что Бог, Природа и История вложили в человека, жизнь как творчество и сотворчество с Природой такого бытия и человека, в которых нашли бы оптимальные условия развития все задатки положительного роста. Своей жизнью и творчеством Пушкин все это доказал».

Весьма плодотворно освоили творчество Пушкина словацкие писатели, начиная с романтиков и заканчивая нашими современниками. Например, поэт-романтик К. Кузмани, автор повести «Ладислав», использовал в своем произведении текст «Песни о вещем Олеге», которую он воспроизвел латиницей (журнал «Гронка», 1838). Путешествуя по Словакии, а затем и Европе, герой повести, находясь в Неаполе, увидел картину некоего Игоря Вештца, написанную на сюжет произведения Пушкина. Художник не захотел продать ее герою повести — Ладиславу, но пообещал сделать копию. На картине изображен, как пишет Кузмани, «Олег, стоящий на черепе своего коня, его левую ногу обвивает ядовитая змея, кусающая икру, о чем свидетельствует поднятый кверху изгиб ее шеи; его мощная фигура из-за неожиданной боли немного наклонена влево, левая рука протянута

к змее, а правая вскинута назад над головой; кверху повернутые ладонь и пальцы свидетельствуют о том, что они хотели бы что-то схватить; лицо обращено к небу. Однако само изображение мускулов тела и лица невозможно передать словами. Посылаю тебе хотя бы это стихотворение Пушкина». Далее Кузмани приводит текст пушкинской «Песни о вещем Олеге», написанный латиницей.

SMERŤ OLEGA

Kaκ nyne sbirajetsia veščij Oleg otomstiť nerazumnym Chozaram, ich siola i nivy za bujnyj nabeg obrek on mečam i požaram; S družinoj svojej, v caregradskoj brone, kňaz po poľu jedet na vernom kone.

Iz ťomnago lesa navstreču jemu iďot vdochnovennyj kudesnik, pokornyj Perunu starik odnomu, zavetov griaduščego vestnik, v moľbach i gadaňjach provedšich ves vek. I k mudromu starcu podjechal Oleg.

"Skaži mne, kudesnik, ľubimec bogov, čto sbudetsia v žizni so mnoju? I skoro-ľ, na radosť sosedej — vragov, mogiľnoj zasypľus zemľoju? Otkroj mne vsiu pravdu, ne bojsia meňa v nagradu ľubogo vozmioš ty koňa....." и т. д.

К теме исторического прошлого славян обратился в своей исторической легенде старший брат поэта А. Сладковича (Браксаториса) Карол Браксаторис — создатель произведения под названием «Судьба, или Олег, воевода русский» (журнал «Гронка», 1838), в котором прослеживается пушкинское влияние. В творчестве самого А. Сладковича воздействие Пушкина еще более очевидно: под влиянием пушкинской поэзии он фактически один из первых обратился к любовной теме, которая в то время не поощрялась. Техника письма, поэтический строй, поэтика его поэм «Марина» (1846), «Милица» (1858) имеют много общего с произведениями Пушкина. Более того, поэма «Милица» содержит отрывок из письма Татьяны к Онегину. Написанная в фольклорных традициях, поэма повествует о молодом сербском патриоте по имени Ефрем, который, убив турка (действие происходит во времена турецкого нашествия), скрывается в горах. Его возлюбленная сербиянка Милица за проступок Ефрема отправлена в султанский гарем, откуда она бежит вместе с ним в Черногорию. Описывая страдания Милицы, ожидающей

Ефрема, Сладкович включает в текст отрывок из письма Татьяны к Онегину, написанный азбукой:

«V izbe tam, hlucho-slepo je všetko, ta izba smutí..... tam stôl, tam kniha, tam deva,

a ako tie jej oči havranné letia po riadkov kolejí, tak po mladistvej srdca alejí prechodia sa city tajné.

"Вся жизнь моя была залогом свидания верного с тобой. Я знаю, ты мне послан богом."

To hlasom číta. — Citov roj po jasných ňadrách rozletel sa,

skočila ona k oknu, zastala, dívala sa, nič nevidiac».

Влияние пушкинской поэзии можно обнаружить и в пафосе патриотической лирики Сладковича («Соотечественникам», «Море», «Грон», «Песни моей отчизны», «Не унижайте мой народ», «Запою я пень о свободной родине» и др.), в использовании русских слов и целых выражений, заимствованных у Пушкина. То же самое характерно и для поэтического творчества писателя-реалиста Св. Гурбана-Ваянского, в поэмах которого «Душинский» и «Вилин» очевидно воздействие «Евгения Онегина» и «Руслана и Людмилы» (наличие схожих персонажей и способов их изображения, мотивы, манера повествования и т. п.).

Интерес к творчеству Пушкина проявил драматург Йонаш Заборский. Внимательно изучив «Бориса Годунова», а также «Историю Государства Российского» Карамзина, он создал цикл из девяти пьес, объединенных общим названием «Лжедимитриада» (1863–1865), в котором изображены события российской истории в период с 1591 по 1622 г. В свою очередь под впечатлением этого цикла другой драматург — Ян Паларик пишет на ту же тему пьесу «Дмитрий Самозванец» (1865).

Многие словацкие поэты XIX в. посвятили Пушкину свои стихи. Это: Л. Штур «Плач над Пушкиным», А. Сладкович «Духу Пушкина», Я. Коллар «Дочь Славы», сонет 55 из Песни V, 1852г., Св. Гурбан-Ваянский «Перед памятником Пушкина в Москве», «Пушкину», Я. Есенский «Земля Пушкина», «Смерть Пушкина», «К Пушкину», Ю. Ленко «А. С. Пушкин», М. Худа «Дорогой из Пушкина» и др.

Говоря о влияние Пушкина на словацкую литературу нельзя обойти вниманием творчество замечательного словацкого поэта, прозаика и переводчика Янко

Еенского (1874–1945). Став известным писателем, Есенский признавался в подражании многим поэтам, в частности, — Пушкину: «Я писал стихи, и как молодой воробей подражал воробьям старым! — Вспоминал он. — Но если бы только воробьям! Я имитировал и песни орлов. И очень активно. Когда я читал Гейне, то становился ироничным, когда Пушкина, то "воспевал звездные ночи — черные очи", когда мне в руки попадал Байрон, я превращался в наимрачнейшего пессимиста и сочинял стихи о червях и гробах, упырях и револьверах, иногда на протяжении месяца, пока Лермонтов не освобождал меня от этого, и я не начинал искать в бурях — покой».

Есенский происходил из старинного дворянского рода. Одним из его предков был ученый, ректор пражского университета Ян Есениус, казненный за свои патриотические убеждения. в 1621 г., после поражения чехов в битве при Белой Горе. Отец писателя — адвокат по профессии — посетил Россию в 1867г., когда там проходил Славянский съезд. Русофильские взгляды в семье Есенских были традицией, в которых и воспитывался Есенский-младший. Культ России, русской культуры, литературы — это мироощущение он впитал в себя с детства и пронес через всю жизнь, хотя на его пути в познании России было немало разочарований. Одно из ранних стихотворений Есенский назвал «Русской душе»:

«Искристый иней. Снег рассыпчатый скрипучий, среди ветвей луна, как золотой орех. Ты — гибкая лоза, закутанная в мех, Над чернотой волос папаха снежной тучей.

Твой жгучий темный взгляд, хмельной мороз трескучий, на ледяном ветру беспечный, юный смех, дыханья белый пар и — слаще всех утех — чудесный голос твой, ласкающий, певучий....»

Перевод Н. Горской

Еще в гимназические годы будущий поэт, хорошо знакомый с пушкинской поэзией, пробовал ее переводить. Сама подборка этих стихов, а также пушкинский след в его более поздних произведениях свидетельствуют об особом, внутреннем родстве словацкого поэта с личностью и произведениями русского писателя, определившего многие жизненные и творческие ориентиры Есенского.

Современники словацкого писателя нередко вспоминали о нем как о герое-любовнике, сердцееде, участнике нескольких дуэлей. О его любовной связи с Ольгой Крафтовой, с которой он потом расстался, женившись по расчету, ходили легенды. Не случайно он стал прототипом героя онегинского типа в романах «На балу», «После бала» Л. Подъяворинской — писательницы, современницы Есенского. Пушкинский след в его ранней поэзии можно обнаружить в самом типе романтического героя, в котором холодность, равнодушие уживается с бу-

рей страстей, в выборе тем, мотивов («Его уж нет, а я страдаю», «Мне дорого любви моей мученье», «Мне говорят: в моих стихах...» и др.).

Однако наиболее ярко влияние пушкинской поэзии проявилось в поэме «Наш герой» (1910–1913). Сразу после ее публикации словацкая критика стала сравнивать это произведение с «Евгением Онегиным» (кстати, Есенский был одним из переводчиков «Евгения Онегина»). Поэма, как и некоторые другие ранние произведения Есенского, была подписана именем героя — «Ленский», — который по духу был близок его создателю. Пушкинский след в поэме очевиден. Словацкий поэт не просто использует сюжет «Евгения Онегина», но и пародирует его, пародирует романтические страсти, присущие ее героям, пародирует ее трагический финал, который выглядит как фарс: в отличие от Ленского герой Есенского — человек военный — не погибает на дуэли, а после «крушения любви» ложится спать, отвернувшись к стене, весело храпит. Все это призвано показать несостоятельность персонажа, который хочет казаться не тем, что он есть на самом деле. Это не Онегин и не Ленский, а обычный заурядный человек, претензии которого на исключительность становятся объектом авторской иронии.

В поэме Есенского содержится много намеков на текст «Евгения Онегина», как бы компенсирующих ее некоторую бессюжетность. Как отмечает автор работ о творчестве Есенского С. Каськова, для поэмы «Наш герой» характерно «срывание всех и всяческих масок с общества и с самого себя, познавшего всю глубину отчаяния от столкновения с действительностью и стыда за свою слабость». (Имеется в виду, что Есенский не сумел преодолеть соблазны в личной жизни, в чем он отчасти винит общество, с которым и пытается свести счеты с помощью иронии и самоиронии). Во многих своих ошибках поэт винит именно общество: здесь мы отчетливо слышим пафос пушкинского произведения.

«Да, мир давно уже научился лгать. Лжет блеском слова, лжет в дружбе и воодушевлении, лжет в слабости под маской силы, скрывает силу под маской слабости, тоска, объятия, преданность — обман, он лжет, гонимый чувством самолюбованья. Где найдешь ты чистоту и добродетель?»

Перевод С. Каськовой

На влияние Пушкина указывают и «слова-сигналы», встречающиеся в тексте (как например, слово «халат», который принадлежал Ларину и который прочили Ленскому — «в деревне счастлив и рогат носил бы стеганый халат»), искусно «вживленные» в текст пушкинские реминисценции.

Летом, с апреля по июль 1915 г., Есенский находился на фронте в составе войск австро-венгерской армии, затем попал в русский плен, где пребывал с июля 1915 г.

по март 1916 г. Свое настроение по поводу этого периода своей жизни поэт передал во многих стихотворениях («Россия», «Казармы царские, казармы русские...», «Земля Пушкина...», «Что чувства добрые...», «Смерть Пушкина», все — 1915).

Оказавшись в плену, Есенский поначалу воспринимал Россию прежде всего как страну любимых им русских писателей, в первую очередь — Пушкина. Стихотворение «Земля Пушкина» написано 18 июля в Харькове. Поводом, по воспоминаниям поэта, послужили два события. Первое — разговор, который состоялся у него с «русским переводчиком». Второе, — как он выразился, пение «брата русского», который, работая в канцелярии, громким тенором напевал «Выхожу один я на дорогу...» Есенский пишет о том, как земля Пушкина и Лермонтова, благодаря их «любозвучному слову», выросла в его воображении, как он мечтал увидеть «этот чудный край» — край Татьяны, Онегина и Печорина. Однако, будучи пленником, он уже начинает испытывать совсем другие чувства, а сами поэты не «рассказывают ему о любви:/ это господа гордые, чопорные». Таким образом, в основу построения стихотворения положен принцип контраста: лагерная жизнь поэта мало походила на его литературные мечтания.

Принцип контраста определяет и звучание стихотворения «Что чувства добрые...» (подзаголовок «У памятника Пушкину»). Его название написано по-русски латинскими буквами и представляет собой строчку из известного стихотворения А. Пушкина «Памятник» («Что чувства добрые я лирой пробуждал...»). И здесь тоже мы видим несоответствие литературных представлений, мечтаний поэта реальной действительности.

История создания произведения следующая:: 5 сентября 1915 г. Есенский вместе с венгерскими военнопленными был конвоирован в Екатеринбург (Екатеринослав), где он должен был работать в металлургических мастерских. По дороге к месту назначения он проходит мимо памятника Пушкину, который и побудил его написать это стихотворение. Существует также рукописный вариант произведения, отличающийся от опубликованного последовательностью изложенных в нем событий.

Новый вариант начинается с описания ситуации, когда «Русский конвоир гнал меня с проклятьем жгучим...» туда, где «текущие реки железа горят огненным светом / над искривленной спиной, склоненной головой». То есть поэт имел в виду предстоящую работу в металлургических мастерских. Он не мог задержаться у памятника Пушкину, чтобы посмотреть на знакомое лицо. Но в его холодной душе, словно контраст огненной лаве в металлургических печах, всплыли, подобно куску льда, знакомые строчки, написанные любимым поэтом. С болью пишет Есенский о том, что «великая и прекрасная» пушкинская Россия уже не может приказать конвоиру так как «пронзила Тебе глупая пуля лиру». В последней строфе отчетливо ощущаются те настроения, которые в скором времени будут доминировать в душе Есенского по отношению к революционной России: боль, горечь, разочарование. С необычайной прозорливостью предвидит он гибель великой страны, когда пишет о разрушении памятника «благодарным народом», о том, как великолепная поэзия Пушкина и его «добрые чувства» со смехом превращены в «кровавую сатиру». Как отмечает российский исследователь Н. В. Шведова,

Л. Сугай, М. Ковачова

в сознании Есенского осквернены «гуманные заветы Пушкина и сам образ России, понимаемой в категориях культуры и нравственности».

Последовательность изложения событий в рукописном варианте несколько иная: оно начинается и завершается строфами, в которых речь идет о памятнике Пушкину. В его последних строчках звучат горестные слова о том, что «ты умираешь во второй раз, умираю и я: / мы не можем отдать приказ моему конвоиру». Однажды сраженный пулей Дантеса, Пушкин погибает снова. Вместе с ним умирает и Есенский, ибо в его душе исчезло восторженное отношение к России, символом которой для него всегда был Пушкин.

В обоих вариантах стихотворения очень много русизмов (вместо словацкого «Rusko» он дает кальку — «Rossija»; использует французское слово «конвоир», которое стало уже достоянием русского языка, — при этом он нарушает грамматическую форму, принятую в словацком языке: вместо необходимой «konvoirovi» он употребляет «konvoiru», т. е. так как в русском; вместо словацкого «verš» использует кальку — «stich»).

К теме памятника Пушкину Есенский обратился спустя много лет, в июне 1932 года, в стихотворении «Смерть Пушкина» (первоначальное название «Месть Пушкина»). Прежде всего, обращает на себя внимание несколько странный подзаголовок: «К столетию со дня его рождения». Трудно себе представить, что это была простая ошибка, и что Есенский не знал точной даты рождения великого поэта. Скорее за этим скрывается какой-то иной смысл. Разгадка подзаголовка — в последних строчках: умерший Пушкин, «Подобно Иисусу / его дух отодвинет камень, который его заслоняет. / Он больше не умрет, но будет постоянно возрождаться, / пусть сто раз убитый / и сто раз повешенный!...» Таким образом, Есенский хотел донести до читателей мысль о бессмертии поэта, который, несмотря на свою физическую гибель, никогда не умрет в сознании миллионов людей, ибо его творческое наследие бессмертно. А для самого словацкого поэта Пушкин был и навсегда останется символом русской культуры.

Основу построения стихотворения составляют монологи Пушкина, Наталии и ее поклонника, а также лирические отступления автора, в которые вторгаются строчки из известных стихотворений, русские слова и словосочетания, написанные латиницей по-русски. Так, Пушкин, жалуясь на свое положение камеръюнкера, произносит: «Pora, moj drug, pora, pokoja serdce prosit». По поводу убийства поэта Есенский в своем лирическом отступлении восклицает: «Svobody, genia i slavy palači!» И здесь же звучат лермонтовские строчки: «Otmščenie gosudar!» Со свойственной ему иронией Есенский пишет о том, как царь, который является одним из основных виновников гибели поэта, с тем, чтобы опечалился «vysočajšij sviet», на целых два дня «traur izvolil poveliet». Даже после смерти Пушкина царский двор боится поэта, которого травил при его жизни: «Надо погасить здесь, наверху, хотя бы свечки. / А что если вдруг сюда, в царские покои, снова ворвется / затравленный Якобинец — рогоносец с Черной Речки?» — пишет Есенский. Исполненный драматизма стихотворный рассказ звучит как гневный приговор царскому двору, всем недругам поэта, которые погубили этот величайший талант.

А.С. ПУШКИН И БРОДЗЯНЫ

В стихотворении «К морю» (1824), в своем прощальном обращении к «свободной стихии», А. С. Пушкин признавался:

Не удалось навек оставить Мне скучный, неподвижный брег, Тебя восторгами поздравить И по хребтам твоим направить Мой поэтической побег! 1

Поэт никогда не покидал пределов Российской империи, но в разных уголках света как дань признания его великого таланта и всемирной отзывчивости высятся его монументы. Первый пушкинский музей был создан в Париже почитателем его таланта коллекционером А. Ф. Отто-Онегиным, а затем вся коллекция была передана Российской академии наук. То есть «слух» о Пушкине прошел не только по всей Руси великой, но и далеко за ее границами. Однако встает вопрос: возможен ли пушкинский мемориальный памятник, мемориальный комплекс вне России? Речь, конечно, не идет о республиках бывшего Советского Союза, ставших независимыми государствами: на Украине многие годы принимает посетителей Литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина в Одессе — филиал Одесского литературного музея, Дом-музей Пушкина в Кишиневе рассказывает о плодотворнейших трех годах южной ссылки Пушкина, прошедших «в Молдавии, в глуши степей». Вопрос касается дальнего зарубежья, в котором Пушкину так и не довелось побывать.

В Словакии есть музей А. С. Пушкина, который имеет не только историко-литературного характер, но и мемориальный. Словацкий литературовед Имрих Седлак назвал усадьбу-замок в Бродзанах (в русских источниках — Бродзяны, Бродяны) и пушкинский музей, находящийся в замке XVII века, островом русской жизни, русской литературы, культуры, искусства. В бродзянском замке многие годы жила и скончалась своячница Пушкина (сестра его жены) Александра Николаевна Гончарова-Фризенгоф (1811–1891). Сюда не раз приезжала с детьми вдова поэта Наталья Николаевна Пушкина (во втором браке — Ланская).

Рассказывать о Бродзянах, его реликвиях (в большинстве случаев утраченных), о семействе Фризенгоф после книг Николая Раевского, вызвавших в свое время высочайший интерес и в СССР, и в Чехословакии и в какой-то мере подтолкнувших процесс восстановления исторического памятника и создания пушкинского музея, может показаться задачей не нужной. Ведь Бродзянам посвящены

¹ **Пушкин А. С.** Полн. Собр. Соч. : В 10 т. Л., 1977. Т. 2. С. 180.

Музей А.С. Пушкина в Бродзянах

обстоятельные работы Л. С. Кишкина, десятки статей, прекрасно иллюстрированные альбомы. И все же мы решились еще раз обратиться к словацкому музею А.С. Пушкина, ибо этот историко-мемориальный комплекс самим своим существованием и современным состоянием ставит ряд вопросов, как историко-литературных, так и социокультурных.

Первое письменное упоминание о Бродзянах относится к 1293 году. Первыми владельцами замка были Бродьяни. Помещичья усадьба рода Бродзянка сложилась к 1377 году. В прошлом в этом замке проживали семьи дворян Форгаши и Квашаи. С 1844 г. замок принадлежал австрийскому дипломату барону Густаву Фогелю фон Фризенгофу (1807–1889). Сестра жены Пушкина Александра Николаевна Гончарова вышла в 1852 году замуж за барона фон Фризенгофа, и супруги с сыном Грегором от первого брака Фризенгофа переселились в Бродзяны.

Барон Фризенгоф и его семья очень любили искусство, поэтому сюда приезжали известные русские прозаики, поэты, живописцы и композиторы². Алексан-

Одна из комнат музея А.С. Пушкина в Бродзянах

дра Николаевна, покидая Россию, забрала с собой множество книг, картин, нот, альбомов, памятных вещиц, ряд из которых чудом уцелел в социальных катаклизмах XX века и сегодня входит в экспозицию музея.

Потомки барона и Александры жили в Бродзянах до конца второй мировой войны, когда их покинул последний их владелец граф Георг фон Вельсбург. Замок опустел, разрушался, стал жертвой варварского отношения в период тоталитарных 50-х годов XX века. В 60-е годы кафедра русского языка и литературы Университета Коменского (Братислава) и Областной краеведческий музей в городе Топольчаны выдвинули идею основать музей словацко-русских литературных и культурных связей в историческом замке в Бродзянах. Кто же конкретно занимался разысканием материалов и созданием музея? Ни в экспозициях музея, ни в книгах и проспектах, ему посвященных, мы не найдем, например, имени проф. А. В. Исаченко, выдающегося лингвиста, руководителя Русского семинара в университете Коменского. Именно он в 1946 г. со своим ассистентом Я. Ференчиком, в будущем известным переводчиком, привезли из покинутого замка в Братиславу картины, альбомы, мелкие вещицы. Тогда это было сенсацией в культурном мире. О находках проф. Исаченко написал подробную статью и опубликовал ее с рядом репродукций находок³. Любомир Дюрович рассказал о том, как год после этого члены Русского семинара професора Исаченко (в их числе и сам Дюрович)

² К сожалению, в словацкой периодике встречались статьи о Бродзянах с неверными сведениями, ошибками, анахронизмами. Так, директор музея Эва Гершиова в статье «Pozvanie do Slovanskeho muzea A. S. Puskina v Brodzanoch», перечисляя друзей Пушкина, для которых Бродзянский замок стал во второй половине XIX века желанным местом посещений, пишет: «Приезжали сюда поэт П. А. Вяземский, знаменитый историограф, автор первой "Истории государства Российского" Н. М. Карамзин, поэт и художник В. А. Жуковский... » (Historia. 2003. С. 2. S. 40). Если мы в праве предположить, что Вяземский, бывавший в Вене, мог посетить Бродзяны, хотя документальных подтверждений этому нет, равно и тому, что в замке Фризенгофов бывал Жуковский, то уж скончавшийся в 1826 г. Карамзин никак не мог там появиться во второй половине XIX в.

³ Cm.: Isačenko A. V. Puškiniana na Slovensku // Slovenský pohľady. 1947. Č. 63. S. 1–16; To жe: Slavonic and East European Review. 1947. S. 161–173.

отправились в Бродзяны на экскурсию и застали замок совсем в плачевном состоянии. Несколько возвращенных жителями предметов из разграбленного имения хранились потом в Русском семинаре, «а два или три самых красивых овальных портрета и, вероятно, наиболее интересные документы отвезла первая официальная делигация Союза словацких писателей в дар Союзу советских писателей»⁴. О том, что в музее висит копия портрета Александры Николаевны Фризенгоф, а подлинник передан Союзу советских писателей и хранится в Санкт-Петербурге, в Пушкинском Доме, узнает каждый посетитель музея, но нигде не отмечено, что среди той первой делегации писателей из ЧССР была выдающаяся переводчица Зора Есенска. Неизвестным остается для широкой публики и имя проф. Юрая Копаничака, заведующего кафедрой русского языка и литературы философского факультета Университета Коменского, который во второй половине 60-х годов прошлого века разработал концепцию музея как литературного, посвященного словацко-русским культурным связям. Именно его идея легла в основу экспозиции, открытой в 1979 г., когда была произведена реставрация и реконструкция замка. Музей был торжественно открыт к 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина, но имена тех, кто посвятил свои мысли и силы рождению пушкинского музея в центре Европы, оказались преданными забвению. Почему? Причины этого явно не связаны с тогдашним состоянием музееведения, литературы, пушкинистики.

Музей формировался в эпоху сильного идеологического диктата и политических потрясений (от периода готвальдовско-сталинского режима, через подавление Пражской весны и введения в страну войск Варшавского Договора — до времен «нормализации» и застоя). А.В. Исаченко, выходец из семьи русских эмигрантов первой волны, в социалистической Чехословакии всегда находился в сложном положении, несмотря на все научные и академические заслуги и мировое признание. Незадолго до введения войск в августе 1968 года он уехал в отпуск в Австрию и в условиях новой политической ситуации не вернулся в Чехословакию. Сын эмигрантов, а теперь и сам эмигрант из ЧССР, Исаченко оказался персоной нон грата, имя которой изымалось из истории.

Еще более тяжелой оказалась судьба известной словацкой переводчицы русской классики (от Пушкина до Шолохова) Зоры Есенской. Ее активное неприятие военного вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию, а затем публикация в издательстве «Татран» романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» (1969) в ее переводе стали основанием для властей включить переводчицу в «черный список». До конца жизни она оставалась «табуированной переводчицей»⁵, отлученной от литературы: книги в ее переводах не переиздавали, новые работы не печатали...

Портрет Наталии Фризенгофф (Музей А.С. Пушкина в Бродзянах)

Из университета, с кафедры в годы, так называемой, «нормализации» был уволен и профессор Ю. Кораничак. На открытие музея в Бродзянах не были приглашены люди, без которых он, скорее всего, не мог бы появиться. Имена и труды их, в том числе, посвященные Бродзянам и Пушкину, были «выведены из употребления». Почему же после «бархатной» революции, когда пали идеологические препоны, отброшены догматы, имена ревнителей русской культуры не спешат возвратить из реки забвения, и история формирования пушкинского музея в Словакии остается по-прежнему безликой? Недавнее посещение автора-

⁴ Durovi'č L. Puskinovo literárne muzeum v Brodzanoch: Komunizmus je preč, cenzura pretrváva // Národna obroda. 1995. 14. febr. Č. 37. S. 9.

⁵ Под таким названием вышла монография: Maliti-Franová E. Tabuizovana prekladateľka Zora Jesenská. Bratislava, 2007.

ми статьи Бродзян и новое издание альбома-путеводителя по музею⁶ убеждают в справедливости нашей критики.

Дело в том, что крушение социалистического режима породило в обществе тенденции неприятия и отторжения всего русского, что не могло не отразиться на музее Пушкина. Русистика в республике оказалась, по выражению проф. Эвы Колларовой, на положении Золушки, «которую оттолкнула мачеха-государство, вместо того чтобы как равноценную поставить ее среди школьных сестер — англистики, германистики, романистики и пр.»⁷. Поводом к написанию процитированной статьи стал тот факт, что Словацкая национальная библиотека — знаменитая Матица Словацкая стала присылать в музей письма с указанием адреса «Славянский музей» вместо «Литературный музей Пушкина». Этот факт как еще одно свидетельство притеснения словацкой русистики наряду с изгнанием из школьного преподавания русского языка, и вызвал активный протест автора статьи «Бродзяны — Славянский музей ?» Э. Колларовой.

С июля 2000 года музеем руководит Матица Словацкая и официально он стал называться «Славянский музей А. С. Пушкина Бродзяны» (Slovanske muzeum А. S. Puskina Brodzany). То, что литературно-мемориальный комплекс стал составной частью национальной гордости словаков — библиотеки, с деятельностью которой в XIX веке связан процесс национального возрождения и вся культурная жизнь страны, факт закономерный и отражающий словацкие и, шире, европейские тенденции неразрывного функционирования библиотечных и музейно-мемориальных структур. Однако имя русского поэта оказалось несколько отодвинутым на второй план (и не только в названии).

Дома-музеи писателей, усадьбы и квартиры всегда включают богатые книжные коллекции, нередко являются действующими библиотеками. При жизни Александры Николаевны в замке была собрана богатейшая библиотека, было много русских книг. Со слов князя А. В. Трубецкого известно, что еще до замужества младшей сестры Александра Гончарова знала наизусть все пушкинские стихи. Подлинная библиотека Фризенгоф пропала вместе с другими реликвиями (по отдельным данным, была варварски сожжена после того, как правнук барона и Александры покинул замок в 1945 г.). Но при формировании пушкинского музея Матица Словацкая передала ему дубликаты книг знаменитой русской библиотеки Смирдина, хранящейся в Словакии, и жители окрестного города и деревни проявили заботу о формировавшемся музее и собрали уцелевшие у них предметы мебели, элементы декора замка, фотографии, картины. Ныне в усадьбе восстановлен прежний интерьер, в мемориальных залах дома теснится на полках книжных шкафов множество книг в старинных дорогих переплетах.

Итак, музей интересен, прежде всего, своей мемориальной экспозицией. Какие основания считать музей пушкинским домом, если поэт никогда не покидал пределов России? И Александра Николаевна, и посещавшая ее в имении сестра, вдова Пушкина, — любимые, близкие поэту люди. Здесь месяцами проживали его дети, и на двери одного из залов сохранились отметки — зарубки, свидетельствующие, на сколько они подросли за проведенный вне Бродзян год.

Хотя Александра Николаевна и не хотела напоминать о своих отношениях с зятем8, дух Пушкина все же царил в имении, и наследники Фризенгоф бережно сохраняли реликвии, оставшиеся от мамы и бабушки. Весной 1938 года тогдашний владелец Бродзян граф Георг Вельсберг, правнук Александры Николаевны, показывал фамильные реликвии писателю Николаю Раевскому: «... В ящичке с драгоценностями герцогини, (дочери Фризенгоф — М. К., Л. С.) именно в ящичке из простой фанеры (Наталья Густавовна считала, что воры не обратят на него внимания), я увидел потемневшую золотую цепочку от креста, по словам хозяйки замка, также принадлежавшую Александре Николаевне, — читаем в исследовании Раевского. — Доказать, конечно, невозможно, но быть может, это самая волнующая из бродзянских реликвий...»9. Увы, ни цепочки, подаренной Александре Пушкиным, ни перстня с изумрудом Александры Николаевны, который носил Пушкин и возвратил перед кончиной хозяйке через княгиню Вяземскую, ни портрета второго зятя Александры — Жоржа Дантеса, о которых пишет Раевский, — ничего из этих памятных предметов теперь в замке не увидишь. Л. С. Кишкин утверждает в своем исследовании, что «видел Н. А. Раевский не рисованный портрет с личным автографом Дантеса, а всего лишь черно-белую литографию, и никаких убедительных доводов в пользу того, что он был на стене при Александре Николаевне нет»¹⁰. Появление литографии в замке критик относит (впрочем, как и Раевский) ко временам первого брака Физенгофа: Дантес-Геккерн с супругой бывали у Фризенгофов в Вене. При Александре Николаевне портрет, по словам Кишкина, вряд ли вообще висел в зале замка: «Он мог десятки лет пролежать где-то, а затем был извлечен как предмет старины для украшения интерьера правнуком Александры Николаевны, которому в равной мере были далеки и Пушкин, чьи произведения, по убежденью А. М. Игумновой¹¹, он «вообще не читал», и Дантес»¹².

Не берясь оценивать, кто из исследователей бродзянских находок прав, заметим, что литография Дантеса — это, безусловно, один из тех «самых красивых овальных портретов», которые упоминает проф. Л. Дюрович как о подарке Союзу советских писателей от их словацких коллег. Литография хранится в фондах Всероссийского музея А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге.

Предполагалось, что в Бродзянах ранее были альбом Пушкина с его стихами и рисунками, дневники Александры Николаевны и, возможно, письма поэта

⁶ Cm.: Slovanský muzeum A. S. Puškina Brodzany: Sprievodca po expozicii. Martin, 2007.

⁷ Kollárová E. Brodzany — Slovanske muzeum? // Literárny tyždenník. 1995. 2. juna.

В пушкинистике нет единого мнения о характере отношений Пушкина со свояченицей. Сведения о том, что Александра Гончарова была влюблена в поэта и состояла с ним в связи, дошли до нас в передаче со слов вторых, третьих лиц (обнародованы были П. Бартеневым).

⁹ Раевский Н. А. В замке Бродяны // Раевский Н. А. Избранное. Мн., 1978. С. 29.

 $^{^{10}}$ Кишкин Л. С. Чехословацкие находки. М., 1985. С. 98.

Об этом А. М. Игумнова, не раз бывавшая в 20-е годы XX века в Бродзянах у Н. Г. Ольдебург, дочери Александры Николаевны и Густава Фризенгофа, написала Л. С. Кишкину 5 апреля 1978 г.

¹² Кишкин Л. С. Чехословацкие находки. С. 99.

к ней. В начале 1945 года владелец Бродзян граф Вельсберг отправил из имения в Вену все, что представляло собой фамильные ценности. Три товарных вагона с багажом до станции назначения так и не дошли... Исследователи и сейчас тешат себя надеждой, что еще где-то всплывут пушкинские автографы из Бродзянского замка. Но сохранился альбом — гербарий трав из Михайловских рощ и лугов, собранных в августе 1841 года. Тем летом в Михайловском жила с детьми вдова поэта Наталья Пушкина, гостила у нее перед отъездом в Вену и чета Фризенгоф — барон и его первая супруга Наталья Ивановна Иванова, приемная дочь Софьи Ивановны Загряжской, родной тетки сестер Гончаровых. Собиранием трав и цветов увлекались все: дети Пушкина, сестры Наталья и Александра, Наталья Фризенгоф. Под каждым гербарным листом указано, когда и кто нашел цветок. Гербарий Наталья Фризенгоф увезла с собой в Бродзяны. Интересно, что именно по этому альбому, хранящему память о травах и цветах, ныне почти позабытых, восстановлены цветники в мемориальных усадьбах Тригорского, Петровского и Михайловского.

Немало в замке портретов друзей и родственников поэта, его детей. Карандашные зарисовки — Александра, Марии, Григория и Наташи Пушкиных выполнены Н. Ланским, племянником второго мужа Натальи Николаевны. В одной из мемориальных комнат замка, закрытой от губительных солнечных лучей полотняными шторками, висит акварельный портрет Натальи Пушкиной работы Вильгельма Гау. Акварель запечатлела тридцатилетнюю Натали в период ее вдовства.

Первый зал представляет собой комнату А.Н. Фризенгоф. На стене в центре — копия портрета Александры, о которой уже велась речь. Это подарок Всесоюзного (теперь Всероссийского) музея А. С. Пушкина, взамен подлинника, полученного в 1947 году Союзом советских писателей от Союза чехословацких писателей. Рядом с портретом Александры Николаевны мы видим портреты ее дочери Наталии, одаренной художницы, а также портрет внучки Фридерики. Хозяйка сохраняла в замке российские традиции: здесь готовились блюда русской кухни, пили чай из самовара. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Замок окружен двумя живописными парками (английским и французским), в тени которых в отдыхала Наталья Гончарова-Ланская и ее дети, а в наше время их украшают бюсты словацких и русских поэтов.

На холме над деревней семейный склеп — часовня Фризенгоф, где похоронена Александра Гончарова-Фризенгоф. Часовня-усыпальница входит в состав музея. Она расположена на прекрасном холме Горка над Бродзянами и видна из окон замка.

Музей имеет литературно-исторический раздел. Широко представлена экспозиция, посвященная жизни Пушкина, его литературному и личному окружению, отражению творчества писателя в Словакии. Музей создавался как памятник вза-имосвязям и взаимному влиянию русской и словацкой литератур, начиная с великоморавского периода до начала XX века. В пушкинском зале посетители видят портреты и труды словацких переводчиков и исследователей Пушкина — Л. Штура, Я. Краля, А. Сладковича, С. Ваянского, Я. Есенского и др. Здесь представлены

также бюсты А. С. Пушкина, П. И. Чайковского и П. Орсага-Гвездослава — одного из самых знаменитых переводчиков Пушкина на словацкий язык. В 1847 году в связи с десятилетием гибели Пушкина поэт А. Сладкович написал стихотворение «Духу Пушкина»:

О, Пушкин, брат души моей! Твой гений юность вдохновила. Как больно на душе, как тяжко ей, Зачем сокрыла прах могила?

Люблю Черкешенку, мятежный мир «Полтавы» И отповедь твою «Клеветникам...», Онегина-приятеля забавы, Игры страстей подвластного волнам.

Люблю картины твоих снов, Тех, что, как радуга, играли. Зачем тебя у нас украли? Мой край в рыданьях и печали. Судьба, твой приговор суров.

Перевод Л. Сугай

Бессмертный Дух Пушкина на словацкой земле — такова ведущая идея зала, его литературной экспозиции. Пушкинская экспозиция закономерно переходит в зал, посвященный литературно-культурным связям Словакии и России в целом. «О, Вы, русские, — великий народ, слава славян! — Не забывай, милый друг, в твоей великой отчизне о нас, бедных словаках, скажи им, что мы любим их как братьев» 13, — читаем в письме известного словацкого поэта Яна Голлого к И. Н. Срезневскому. Комплекс представляет нам этапы связей, творческих и личных контактов русских и словацких авторов, начиная от эпохи Кирилла и Мефодия до XX столетия. В вестибюле музея — скульптурный портрет Первоучителей славянских. Особо хочется отметить экспозицию, посвященную отношениям Льва Николаевича Толстого и Душана Маковицкого.

Таким образом, Пушкинский музей в Бродзанах является и мемориальным памятником, и литературно-историческим музеем, и частью Национальной библиотеки.

В качестве критического замечания надо сказать, что бродзанский комплекс сохраняет облик традиционных литературных музеев, как они формировались в 50–70-х гг. прошлого века. Современные идеи формирования музея не «монолога», а активного диалога с посетителями пока не нашли своего воплощения

¹³ Цит. по: Sedlák, I., Chován, J. Literárne muzeum A. S. Puškina. Bratislava, 1987. S. 26.

в Бродзянах. Воссоздание атмосферы ушедших времен и погружение посетителей музея в мир «живой культуры» с помощью инновационной техники, художественных инсталляций — такие формы и приемы презентации материала, к сожалению, никак не используются. И это, на наш взгляд, одна из причин явного падения популярности музея — единственного музея Пушкина в Европе.

Другая причина этого явления — общие социально-культурные изменения в стране. В связи с тем, что уже 20 лет, как перестали преподавать русский язык как обязательный в школах и гимназиях Словакии, у молодого поколения понизился и интерес к пушкинским Бродзянам. Раннее важнейшей функцией музейного комплекса была образовательная: пушкинские Бродзаны являлись частью учебного процесса. Здесь читались лекции, проводились экскурсии, вечера, конкурсы чтецов пушкинской поэзии.

В последние годы мы рады отметить возрождение интереса в Словакии к русскому языку. Надеемся, что данная тенденция приведет и к активизации работы музея на новом уровне. Надеемся также, что новые экспозиции возвратят нам имена словацких русистов, идеи и труды которых послужили воссозданию островка русской культуры на словацкой земле.

Сугай Лариса Анатольевна (рожд. 1952 г.) доктор филологических наук, с 2007 г. — профессор кафедры славянских языков философского факультета Университета Матея Бела в Банской Быстрице (Словакия). Основная тематика научных исследований — история русской литературы и искусства XIX-начала XX в., русско-словацкие культурные связи и др. Автор более 140 научных и методических трудов, в том числе монографии: «Гоголь и символисты».

Ковачова Марта (рожд. 1961 г.), доктор философских наук, доцент кафедры славянских языков философского факультета Университета им. Матея Бела (Банска Быстрица. Словакия), член Ассоциации русистов Словакии. Сфера интересов: русская литература XX века, сравнительное изучение славянских литератур XX века, рецепция творчества Валентина Распутина в словацкой литературе и др.

СТИХИ СЛОВАЦКИХ ПОЭТОВ О ПУШКИНЕ

Ян Коллар

«ДОЧЬ СЛАВЫ». ПЕСНЬ V. COHET 55

В палате оружейной были мы. Нам осветил дрожащий свет свечи, Секиры, шпаги, копья и мечи — Оружье, собранное князем тьмы.

И вдруг — тот пистолет — из той зимы! Мой проводник, ломай его, топчи, Да сгинет в Стиксе он, в глухой ночи! Разбить, сломать и — прочь, как от чумы!

Какой злодей, какой коварный бес В тот черный день помог взвести курок Тебе, народом проклятый Дантес!

О, Пушкин! Чудотворец языка! Как обмелел поэзии поток, Когда оборвалась твоя строка!

Перевод Н. Горской

Людовит Штур

ПЛАЧ НАД ПУШКИНЫМ

На черноморские горы зачем ныне, любезное солнце, Вновь изливаешь ты жар, разжигая весеннюю прелесть? Что затихаешь ты, север алчный, зачем начинаешь На ветерках благовонных, весна, ты там кататься?

Чары свои затаите пред миром, долины Кавказа! Цвет распускать для кого вам теперь осталось? Муж сей погиб, что на ваши красоты смотрел вдохновенно, Вашей весны благодатной картины умел создавать.

Он уж в подземном жилье — а вам надлежало б Праздничных платьев взамен надеть похоронный убор. С мрачных небес показавши нам было румяную щечку, Скройся над Волгой застывшей, весна, в непроглядные тучи.

За морем, голос волшебный весенних певцов, ты останься, Скрой в глубине свои песни, о Волги дева! Видишь, как холмик там с камнем высится белым? Знаешь, возлюбленного он скрывает в лоне своем?

Сердце покоя лишится, подумаю если, что долгие годы Мог погребенный еще родине песней служить. Знает отчизна один день значенья великого для патриота, Годы утраты, увы, — тяжкие раны ее.

Сердце забъется сильней, коль подумаю я, что могила Рукой насилья копалась здесь сыну отчизны. Дикий монгол там изрядно жестокость творил и детишек Мучил убийствами с жадной ордою своей.

Стены высокие скал охраняют теперь от вторжений, В гостеприимную дверь чужестранец, однако, прорвется. В льстивом обличье крадется и смотрит, а после Верный отчизне своей себя отыскать не может.

Вот исчезают уже раз за разом, беда над расцветом Земель славянских, просторы их поглощает. Кто же на сцену теперь в платье простом старинном Вызовет, дева Волги, тебя? Наверное, хижина будет Ныне жилищем твоим, если на панихиде Пушкину вслед загудел могучий московский Иван. Вызвал тебя, знать, другой, и в одежду чужую Ты одевалась, твоя ведь не по вкусу ему!

Прелесть твоя, однако, в простом отчизны убранстве Светит как месяц ясный, что заслоняет земля. Кто же теперь поведет на холмы цветистые в праздник Бодрых избранников града Петрова, Москвы и иных городов? Невероятные кто волшебства разъяснит миру, что Петр содеял, Он лишь воззвал, и вся восстала Россия? Славия, гнев укротив, на могилу в печали смотрит, В ней всех детей своих, возлюбленных, видит.

Я, Вага сын, так недолго вкушал наслажденье от песен, Что долетели сюда, дух мне поднявшие, Пушкин. Звук этих песен, обширной Славии слово, Плакать над их творцом меня вынуждает.

Пушкин погиб, но великую Славию вечно Дух будет облетать, что в лютне его живет. Он на вершине вершин славянских сидеть теперь будет, Вечно источником здравиц будут широкие долы.

Перевод Н. Шведовой

Андрей Сладкович

ДУХУ ПУШКИНА

Певец полуночный, ты брат души моей, И вдохновенной молодости гений! Какая грусть в душе моей, как больно ей! Что ныне ты укрыт в могильной сени!

О Пушкин! Я люблю твое творенье, Черкешенки излюбленной зов, Твое клеветниками возмущенье, Разбушевавшейся Полтавы кровь, Онегин твой — приятель добрый мой, игрок с волнами дней-переживаний, люблю я образы твоих мечтаний, что радуги расцвечены игрой.

За что так рано смерть тебя скосила? За что без друга так страдаю я? Судьба! Зачем народ мой огорчила? Зачем подвергла в плач его края?!

Перевод Н. Шведовой

Светозар Гурбан-Ваянский

ПУШКИНУ (1799-1899)

Я знаю, в честь Тебя звучат заздравно лютни, Народ великий вопреки молчанию повсюду В блеск юбилейный благодарно приоденет Треть целую на нашем континенте...

И фарисейским словом, вежливым, однако, Чужие академии привет доносят, Как должное для гения. И тот, кто С нас, твоих братьев, кожу заживо сдирает

И имя «русский» с ядом произносит Монгольским, бедным, громче Тебя будет Хвалить, чем брат твой кровный и несчастный... Что ты, сын Татры, месть и боль поющий,

Скованный, целым миром позабытый, Родным, чужим, гуманным и свободным, Что ты прибавишь к звучной песне юбилейной? Нет голоса. Язык сухой прилипнет к деснам,

Виски горят, рука бьет по огниву И падает! Шумит далеко море, Ручей покинутый в пустыне сохнет!

Перевод Н. Шведовой

Павол Орсаг Гвездослав

СЛАВЯНСТВО, ТЕБЯ СУДЬБА ПРЕСЛЕДУЕТ

Нет, Пушкин мой, хоть мыслью ты высок, Ты ошибался в возбужденном споре: Сольются-растворятся в русском море Славянские ручьи, вот твой итог,

Или засохнет — каждый врозь — поток. Сама природа уж с тобой в раздоре: Текут же врозь, всяк при своем узоре, Но чувствуют и общий их исток...

Дух, как вода, парит, перетекает: Восходит к небу, после льет дождем; Взаимности поток течет, сверкая,

Не хочет в иле спрятаться густом... Нет, не иссякнет духа глубь морская, Не пропадут теченья в море том!

Перевод Н. Шведовой

Янко Есенский

«ŠTO ČUVSTVA DOBRIJA...» (У СТАТУИ ПУШКИНА)

Гнал русский конвоир с проклятьями меня Туда, где по ночам свод неба не мерцает, А лишь расплавленным железом нависает, Когда я спину горблю, голову клоня. Замедлить шаг не мог у статуи тогда, Взглянуть в лицо Твое, знакомое такое, Но славной обожгло меня Твоей строкою, В душе застывшей защемило сгустком льда. Твоя великая, прекрасная страна Приказ отдать не может ныне конвоиру, Как будто пуля-дура разорвала лиру. На поруганье статуя народу предана, О чувствах добрых звучно певшая струна Обрывком может дать кровавую сатиру.

Рукописный вариант: Не мог помедлить я у статуи уже, Взглянуть в лицо Твое, знакомое такое. Но славной обожгло меня Твоей строкою, Исчезнувшей за мной и в мерзнущей душе. Туда, где я ступаю, голову клоня, Где осенью в ночи мне небо не мерцает, А лишь расплавленным железом нависает, Гнал русский конвоир с проклятьями меня. Как будто пуля-дура разорвала лиру, На поруганье статуя народу предана, О «чувствах добрых» звучно певшая струна Обрывком может дать кровавую сатиру. Вторично умер Ты, мне тоже смерть дана: Приказ отдать не можем ныне конвоиру.

Перевод Н. Шведовой

Янко Есенский

СМЕРТЬ ПУШКИНА (К СТОЛЕТИЮ СМЕРТИ)

Наташа, ангел мой!
Как тяжко во дворец
Ходить в мальчишеском мундире, скоро проседь...
Как скользок высший свет.
А я устал вконец.
«Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит».

Ах, милый! Позволь же мне повеселиться! Устав от вальсов, от мазурки и кадрили, Я дома расскажу тебе подробно, в лицах, Все глупости, что мне танцоры говорили.

О свет мой Натали!
Богиня! Я ваш раб!
Я только вас люблю,
И страсть вскипает лавой.
Чудная рифма: вы
И бешеный арап.
Стих страшный:
В нем рядом вы и ваш поэт курчавый.
Такого Байрона осилит Дон Жуан. Подумай!

Любовь от века к драме тяготеет.

Наташа, ты, увы,

Прекраснее всех дам!

Твой муж от «рогоносцев» просто сатанеет.

Без чести,

Бз мести

И жить, и умереть?..

Нет, красной лентой я к земле уже привязан.

Пускай и он ко мне привязан будет впредь.

Коль кровью истекает, то истечем мы разом.

О радостный поэт мой, не бледней!

На мушке белый франт,

А смерть — конец скандала...

Вот полыхнул твой стих,

Последний стих о ней,

Свинцом рука твоя ту строчку написала.

Он ранил.

«Браво!»

Точка крови за стихом.

И пауза за ней.

И — связаны две ленты.

Тот, кто убил поэта, вечно жив при нем.

Вот месть твоя, мой Александр Пушкин.

Кто за него отмстит?

А месть огнем в ночи

Уж рвется из сердец и обретает голос:

«Свободы, гения и славы палачи!»-

Клеймит позором трон корнет гусарский.

«Отмщенье, государь!»

Да, мстить умеет царь.

Хотя высоким гневом взор его сверкает,

Умершего простит

И в рану сыплет дар,

И виселицу вновь сооружает.

Концерты, танцы и театры запретил,

Чтоб мог и «высший свет» наполнить грустью сердце.

На целых две недели «траур объявил»,

Поскольку в Шверине скончался бедный герцог. Пусть тихо во дворце. Но чернь бурлит — беда! Хоть здесь бы, наверху, велеть задуть все свечки. Что, если вновь, как вихрь, ворвался бы сюда Тот якобинец — призрак Черной речки?

Ну то же! Он ворвется! Как Иисус Христос, Отвалит камень он, по-прежнему мятежен, И не умрет уж больше, что бы ни стряслось, Застрелен хоть сто раз И хоть сто раз повешен!..

Перевод Ю. Вронского

Янко Есенский

ЗЕМЛЯ ПУШКИНА

Земля поэтов, Пушкина страна Лермонтова, выстроена словом, В той комнатушке под родным покровом Была во всем величии видна. И я мечтал тогда: тот чудный край, Онегина или Татьяны взоры, И снежные печоринские горы, И Веру мне увидеть, Боже дай!

Теперь стена и пол — моя квартира, В плену лишь лучик солнечный лови, Я здесь в тисках венгерского мундира,

И два поэта, русские певцы, Ни слова мне не скажут о любви: Молчат, как чопорные гордецы.

Перевод Н. Шведовой

Ш. Оришко

КУЛЬТУРА СЛОВАКИИ

РОМАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА В СЛОВАКИИ

Историческая эпоха средневековья в изобразительном искусстве, в частности в архитектуре, представлена двумя большими стилевыми направлениями — романским стилем и готикой.

ПОНЯТИЕ «РОМАНСКИЙ СТИЛЬ»

Термин «романский стиль» ввел в литературу в 30-х годах XIX века французский исследователь Арсисс де Комон, обозначая им средневековые памятники, которые брали за основу древнеримские формы и предшествовали другому средневековому стилю — готике.

Определение «романский» позднее в середине XIX века немецкие историки искусства Франц Куглер и Карл Шнаасе использовали в своих справочниках по истории европейских стилей. С тех пор данный термин постоянно встречается в литературе по искусству, несмотря на сомнения в прямой зависимости или связи этого стиля с античностью. Впоследствии стало привычным сомневаться и в художественном и хроноло-

гическом единстве проявлений стиля в Европе. Выяснилось, что романский стиль объединяет различные традиции (не только античную), а его начальную границу невозможно провести точно. Кроме того, этот стиль имеет разнообразные формы в разных европейских регионах. И все же это объединяющее понятие остается важным инструментом истории искусства, который таким образом определяет в основном характерные формы искусства с XI века до прихода нового стиля — готики.

И в фонде памятников Словакии историки искусства нашли доказательства существования этого средневекового стиля. Критерии своей оценки они выводят из универсальной (общеевропейской) истории ис-

кусства и ее норм. История искусства выполняет сложную задачу, поскольку стремится исследовать, в каком отношении местные памятники находятся к более отдаленным и более близким к ним центрам искусства и принятым там нормам, и каким образом проявления стиля попадали к нам. Путем сравнительного анализа ведется поиск особенностей стиля и вклад искусства Словакии в европейское единое целое. Исследуются и предпосылки использования стиля, включая установление связей с местными традициями.

Проблемой исследования являются не только памятники искусства, но и географические и политические рамки, обусловленные современными границами государства. Решается, можно ли говорить о словацких романских памятниках (поскольку они возникли в ином историческом контексте, в рамках Венгерского королевства) или только о романских памятниках на территории Словакии.

Действительно, к произведениям романского стиля можно подходить с различных точек зрения. В нашей краткой статье тяжело вступать в полемику. Нашей целью является только попытка создания краткого обзора

форм (видов) стилевого целого путем рассмотрения памятников и обозначения их более широких и более тесных связей, прежде всего в художественной сфере, а также взаимодействия со средой, в которой они существовали.

Фонд памятников романского искусства, дошедший до нас, не полон. Скорее можно предположить, что это только часть первоначального состояния, а часть памятников утеряна. Так и художественно-историческое исследование «усеченного» романского периода ни в коем случае не может дать ясную и цельную историческую картину, а только частичный, неполный образ. В то же время и в рамках не полностью сохранившихся памятников можно проиллюстрировать постепенное создание и введение задач искусства этого периода — от дифференцированных функций архитектуры через строительную скульптуру, настенную живопись — и до различных видов произведений, использовавшихся для убранства церковных интерьеров. Это было обусловлено принадлежностью нашей территории к романской христианской Европе, в границах которой образовался функциональный и типологический диапазон выражения средствами искусства.

РАННЕРОМАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

До настоящего времени не совсем ясными остаются примеры архитектуры, относящиеся к значительной части XI века — периода, когда и в остальной Европе еще только устанавливались основы будущего единого стиля. В комплексе сооружений Братиславского града нам известны фрагменты костела (датируемые в общих чертах до XI века),

который возник на фундаменте великоморавской базилики. С ней связана резиденция церковного управления. И в Нитре, бывшей когда-то центром Великоморавской державы, мы знаем о существовании сакральных сооружений. Деятельность местных святых св. Андрея Сворада и св. Бенедикта связана с бенедиктинским монастырем

под горой Зобор (а также со Скалкой близ Тренчина). После канонизации (1083 год) их мощи поместили в соборе св. Эммерама в Нитре. Также в конце XI века в Нитре восстановили епископство. Конкретные строительные формы этих храмов, однако, отсутствуют, только орнаментика нескольких каменных фрагментов (довольно неясного происхождения) указывает на итальянскую филиацию, а также связь с «оттонскими» памятниками. Несколько более стилистически чистым является небольшой набор каменных фрагментов, первоначально принадлежавших арке балюстрады хора в храме в Бине-Апати, орнаментика которых относит его к памятникам так называемой группы пальметта. Этот стилевой пласт использовал в строительной скульптуре орнаментальные мотивы — пальметты,

ленточное плетение. Он известен по многим венгерским строениям середины — второй половины XI века и свидетельствует, видимо, о начале более широкого использования обработанного камня в архитектуре для выполнения функции разделяющих и украшающих элементов на фасаде зданий, а также для мелких конструкций интерьера (примером этого является церковь в Бине). Подобные функции строительной скульптуры и мотивы нам известны, в первую очередь, на севере Адриатики, откуда, можно считать, происходит мотив пальметты. Установленный археологами план храма — однонефного с апсидой и следами фундамента западной эмпоры — указывает на то, что, возможно, это было частное строение, образцом для которого служила резиденция правителя.

ПАМЯТНИКИ ПЕРИОДА РАСЦВЕТА РОМАНСКОГО СТИЛЯ

Строения зрелого романского стиля появляются в Центральной Европе на переломе XI и XII веков. Для них характерно, наряду с другими признаками, наличие трехнефной со столбами базилики с плоскими перекрытиями, на востоке с тремя апсидами, фасад которой расчленяется скульптурными элементами. Строения данного типа были повсеместно распространены — начиная с Альп, через территорию Баварии и вплоть до Польши. В Словакии наличие данного типа строений подтверждено только археологическими исследованиями в костеле бенедиктинского монастыря в Гронски-Бенядик, который в 1075 году основал Гейза І. Храм не сохранился, исчез под позднейшим готическим сооружением XIV века.

И другой бенедиктинский монастырь — в Красна-над-Горнадом у г. Кошице — известен только благодаря данным археологов. Костел в монастыре был трехнефной со столбами базиликой с квадратным хором, полукруглой апсидой и двумя западными башнями. Он был построен на более старом фундаменте незадолго до 1143 года, когда состоялось его освящение. В Красной был монастырский комплекс, о существовании которого мы имеем документальное подтверждение. Вероятно, он был родовым монастырским костелом-усыпальницей Абовского рода.

Наряду с трехнефным монастырским костелом с двумя башнями в XII веке в качестве одного из отличительных черт зрелого романского сти-

ля стало использование для стен рельефов в виде ломбардских скульптур.

Три апсиды монастырского костела в Диаковце важны благодаря применению в них членений лизенами и различными формами фризов, выложенных из кирпича. Возникновение Диаковского костела часто связывают с известной датой освящения в 1228 году. Этот год можно понимать и как завершение перестройки более старого здания, которое только в общих чертах можно отнести к началу XII века (около 1103 года), когда здесь (в селении Ваг) начались службы в костеле Девы Марии. На более старое строение, несомненно, указывает иной ритм части лизеновых орнаментных полос, которые не имеют отношения к системе рельефов в венце кладки. В сохранившемся костеле — соединение наружных стен базилики и зала с крестовыми сводами, который можно сравнить с баварскими трехнефными базиликами. Диаковский зал имеет еще и верхний этаж, который также использовали (судя по остаткам настенной живописи) как сакральное помещение. Это необычное расположение показывает, насколько изменчива была архитектура монастырских церквей, хотя количество использовавшихся схем плана было довольно ограниченным.

Для регионов на южных окраинах Словакии — в Диаковцах подтверждается использование кирпича из обожженной глины (наряду с обычным камнем) в качестве строительного материала, а также как средства для членения и украшения в течение почти всего романского периода, начиная от первых свидетельств использования ломбардского варианта в начале перио-

да расцвета романского стиля и вплоть до позднероманского периода. Хотя непосредственные связи Диаковиц с другими строениями на основе мотивов кирпичных фризов предварительно доказаны только для XIII века (Хеги — Чьерни-Брод, Крижованы-над-Дудваном), существование ряда кирпичных строений относится, безусловно, к более раннему периоду.

В границах романского искусства Словакии, наряду с «органическими» концепциями связи двухбашенного фасада со схемой трехнефной базилики, имеются и несколько примеров особой связи фасада с двумя башнями с однонефным интерьером монастырского костела. Видимо, самым старым известным из них является основа костела св. Штефана в Бзовике. Монастырь в этом месте был заложен примерно в период 1124-1131 годов для бенедиктинцев, которых еще в середине XII века сменили премонстранты — второй из важнейших монашеских орденов всего дальнейшего периода. В то время как в Бзовике был фасад с двумя башнями с открытым помещением с колоннами между башнями, на которые опирался неф с плоскими столбами, в Римавске-Яновце двухбашенный фасад имел характер замкнутого блока с трибуной внутри. Кроме фасада с большим порталом посередине особое внимание было уделено хору, изысканно украшенному аркообразными фризами. Подобное расположение хора повторили и в приходских церквях в Гемерском Яблонце и в прекративших свое существование Петровцах, которые образуют малую замкнутую группу и указывают на влияние на них устройства монастырского костела в Яновце.

Копчаны, романский костел св. Маргиты Антиохийской

Форма однонефного сооружения с двухбашенным порталом, которая не совсем обоснованно называется «редуцированной» базиликой, просуществовала до позднероманского периода как один из видов монастырских церквей (монастырь премонстрантов в Бине), ее переняли и более требовательные к форме приходские костелы (Дивьяки-над-Нитрицей, Крушовце, Голице, Штврток-на-Острове), обычно с западной эмпорой. Эмпоры, наряду с двумя

башнями, напоминают функции так называемого вестверка (из «оттоновского» периода), которые были приняты и в дальнейшем, поскольку соответствовали представлениям о репрезентативности и выражении патронатного права. Эмпоры, наряду с рядом монастырских костелов, основанных самонадеянными дворянскими покровителями, проникли и в деревенские строения, где выполняли подобную роль для местного феодала.

ДЕРЕВЕНСКИЕ КОСТЕЛЫ И РОТОНДЫ

Деревенские костелы в истории романского искусства представляют особую сферу, в которой сохранение существующего набора форм и функций имело иную интенсивность по сравнению с монастырской или иной высшей

церковной средой, более явно связанной с центрами, где создавались стили. Деревенские церкви, связанные традициями и консервативностью, вплоть до середины XIII века удерживали романский стиль. Поэтому для их характери-

стики не очень подходит применение этапов развития стиля. Их основная структура создавалась еще в дороманский период и дожила до того времени, когда, особенно в городах, более отчетливо утвердились принципы готики. Благодаря этой относительной устойчивости деревенские романские костелы и их убранство можно оценивать без деления по иерархии развития стиля, хотя они на него, безусловно, реагировали. Еще король Штефан I издал указ, по которому каждые десять деревень должны были совместно построить костел. Этот замысел, направленный на христианизацию, не был исполнен сразу, только постепенно возникла густая сеть деревенских приходских церквей, которые сегодня составляют подавляющее большинство примеров словацкой романской архитектуры. Их географическое распределение отражает течение процесса христианизации и заселения. Многочисленная группа концентрируется на территории Нитрианского края и на юго-западе Словакии, где, безусловно, существовала преемственность с более древними поселениями и христианскими миссиями. Многие сооружения здесь были построены еще в XI веке (Паровце, Дражовце, Болдог), другие, возможно, в следующем веке (Варшаны, Поминовце, Клижске-Градиште), хотя более древние церкви и реконструировались (например, путем сооружения эмпоры, как это произошло в Дражовце). Самыми многочисленными являются сооружения XIII века, которые объединяются в несколько крупных региональных округов.

В Центральной Европе еще в дороманский период сформировались два

основных типа малых деревенских костелов — с элементарной планировкой продольные однонефные храмы (с полукруглой апсидой или с закрытым пресбитерием) и круговой тип — ротонды, на основе которых создавались и другие варианты зданий романского стиля. Их силуэт и состав строительных материалов обогащался благодаря башням, расположенным или на оси западного фасада, или в других местах, в результате образовывались несимметричные группы построек. Они редко были сводчатыми, за исключением апсид. Их интерьеры, однако, в западной части могли дополняться различной формы трибунами, что следовало из патронатного права. Эмпоры или были объединены с башней в единое целое, могли иметь и вид галереи, или были скрыты за многоярусной аркадной панелью. Они не обязательно всегда были каменными, иногда была достаточна только их деревянная конструкция. На различные варианты указывают решения центральной части на плане. Кроме простых круглых построек (без апсиды или с одной апсидой), которые преобладают (Братислава, селение св. Микулаша, Бийацовце, Скалица, Михаловце), более сложные строения имеют четырехконечные формы (Тренчин, Храст-над-Горнадом) или круглые, помещенные в прямоугольный блок (Дехтице), случаются и схемы, соблюдающие продольное расположение, помещенное в круговой контур (Шиветице). Среди функций главного здания преобладает использование в качестве приходского костела, на традиции дороманского периода также указывают замковые часовни, являющиеся составной частью

Слева: Гамуляково, романский костел св. Крижа. Справа: Копчаны, романский костел св. Маргиты Антиохийской

укрепленных господских поселений, и кладбищенские строения. Не всегда, однако, функция главного здания однозначна и в достаточной степени объяснена. Примером является ротонда в Бине, где план с системой двенадцати ниш по внутреннему периметру соответствует посвящению двенадцати апостолам. Ротонда могла иметь более сложное литургическое использование, это следует из ее формы и положения в комплексе сооружений монастыря с еще одним костелом. В то же время простые формы ротонд и однонефных костелов заставляют задуматься о связи с местной, великоморавской архитектурной традицией. Недавно комплексные исследования подтвердили более раннее, дороманское происхождение некоторых построек, таких как костел св. Маргиты в Копчанах и костел св. Юрая в Костолянах-под-Трибечем.

В деревенских сакральных постройках сохранилось довольно много примеров обработки камня, в том числе и таких, которые не встречаются в современных более сложных архитектурных памятниках. По «отражению» в деревенских сооружениях мы можем судить о создании порталов и их украшения, а также о прочих функциях ре-

льефного выражения, которые создавали интегральный элемент архитектурного проявления или были частью убранства костела (купели). В украшениях порталов из камня применялась, скорее, простая символика (дополненная орнаментами), чаще всего с мотивом рельефного креста (пример входа в Болдоге еще в XI веке), кото-

рый используется вплоть до XIII века, что мы видим в Земплине и Спише. Иногда в тимпанах портала задачу каменных украшений выполняет живопись, в которой могла использоваться и иконография с изображением фигур, как это было в тимпаноне с изображением Девы Марии в Велька-Трня близ Земплина.

ПОЗДНЕРОМАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ (ПОСЛЕ 1200 ГОДА)

В период около 1200 года и в первые десятилетия XIII века в архитектуре, и в каменной скульптуре в частности, можно наблюдать значительное оживление, означающее и расширение производства, которое сопровождалось расслоением вариаций стиля. В областях Центральной Европы период после 1200 года и, одновременно, этап развития стиля, с ним связанный, называются позднероманскими. Этот этап имеет разнообразные формы и подобия, во многом он является последним проявлением более ранних стилевых тенденций, передавших консервативный характер части романского направления. Однако одновременно это встреча с новыми, готическими принципами. И эта встреча имеет различный характер, очень редко когда она бесконфликтна и ясна. Однако в начале XIII века типы построек изменились незначительно, в архитектуре скорее возросло значение скульптурных и орнаментальных составляющих. От этого периода сохранились очень убедительные попытки фигурной строительной скульптуры (это подтверждает так называемый торс донатора из Нитры и головы из Бине).

Источники нового стиля — готики (происходит из Франции), из которых черпали на территории Словакии, были не прямыми, французскими, а опосредованными, в основном через немецкую среду и модификации стиля в долине Рейна и в Саксонии. Сохранившиеся памятники Словакии, однако, больше указывают на контакты с соседними регионами — с Австрией, Чехией или с Силезией, а также на связи внутри Венгрии. Почти все XIII столетие характеризуется применением готических деталей из камня — прежде всего сводчатых конструкций и новой орнаментики — в освоенных типах строений, уходящих корнями в романский период, включая создание пространства или пропорций сооружений. Удельный вес готических инноваций в традиционных строительных структурах был непостоянен, и поэтому у нас невозможно провести более точную границу между старым — романским и новым — наступающим готическим стилем.

Для истории искусства вторичное значение имеет важная историческая веха — татарское нашествие 1241 года, которая в старой литературе считалась

ключевым переломным моментом и в истории искусства страны. После него характер местного искусства существенно не изменился, хотя период после разорения татарами сопровождался волной реставраций и активности

в строительной области, особенно в сооружении укреплений, строительстве городов и заселении деревень, что, конечно, ставило и новые задачи перед архитектурой и другими видами изобразительного искусства.

Сокращенный перевод Е. Майоровой

Štefan Oríško. Románska architektúra na Slovensku. Historická Revue. Vedecko-populárny mesačnik o dejinach. ŠPECIAL. 2013. Vyd. Slovenský archeologický a historický inštitut — SAHI.

162 ДЕВИН. АЛЬМАНАХ. № 2. 2016 **163**

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

А. Бырина

ПАВЕЛ ВИЛИКОВСКИЙ

Павел Виликовский (рожд. 1941) — словацкий писатель, переводчик и публицист. Он является одним из самых ярких и последовательных словацких постмодернистов. Начавший свой творческий путь ещё в 1960-е гг., когда в словацкой литературе стали проявляться первые черты постмодернизма, Виликовский не прекращает писательскую деятельность и по сей день.

Первые рассказы Виликовского, вошедшие затем в сборник «Воспитание чувств в марте» (Citová výchova v marci, 1965), были опубликованы в журнале «Млада творба» (Mladá tvorba). Сборник отражал чувства, желания и настроения послевоенной молодёжи, стремление и невозможность обрести человеческое счастье. Вынужденный молчать и писать «в стол» в период «консолидации», Виликовский вернулся в литературу в 1988 г. с переработанным циклом рассказов «Эскалация чув-

ства» (Eskalácia citu), повестью «Конь на лестнице, слепой во Враблях» (Kôň na poschodí, Slepec vo Vrábľoch) и гротесковым романом «Вечнозелен...» (Večne je zelený), ставшим вскоре после выхода в свет бестселлером. Далее он издаёт написанную совместно с Лайошем Гренделем книгу «Словацкий Казанова» (Slovenský Casanova, 1991), а чуть позже — микророман «Пешая история» (Peší príbeh, 1992). За сборник рассказов «Жестокий машинист» (Krutý strojvodca, 1996 г.), который содержит тексты, созданные в течение трёх десятилетий, Виликовский был удостоен премии издательства «Словенски списователь» (Slovenský spisovateľ), премии Генерального кредитного банка за лучшее прозаическое произведение (Сепа VÚВ) и премии им. Доминика Татарки (Cena Dominika Tatarku).

Особенно ярким и плодотворным является творчество писателя по-

следних полутора десятилетий. Роман «Последний конь Помпеев» (Posledný kôň Ротрејі, 2001) был удостоен премии Генерального кредитного банка, премии Литфонда (Prémia Litfondu) за оригинальное литературное творчество и премии «Книга года» (Kniha roka). Далее последовали произведения, в которых Виликовский продолжает и развивает уже поднимаемые им ранее темы. Роман «Зильберпутцен. Полировка старого серебра» (Silberputzen. Leštenie starého striebra, 2006), например, перекликается с «Вечнозелен...», представляя собой нарочито стилизованные дневниковые записи австрийского гимназиста времён рубежа XIX-XX вв. Основным мотивом книги является тема взросления, подаваемая порой иронически (наивный австрийский юноша «учится» у «опытного» прешпорского паренька). Другой мотив — самоопределение нации и этническая толерантность (Андреас австриец, а его друг Краченич — словак). Широкий успех у публики имели последовавшие затем романы «Автобиография зла» (Vlastný životopis zla, 2009), получивший премию Общества независимых писателей (Cena Klubu nezávislých spisovateľov) и премию Литфонда, «Собака на дороге» (Pes na ceste, 2010), удостоившийся «Награды наград» (Cena cien), «Первая и последняя любовь» (Prvá a posledná láska, 2013), также награжденный премией Литфонда за оригинальное литературное творчество и премией «Anasoft Litera». В «Первой и последней любви» Виликовский вновь обращается к проблеме силы или бессилия записанного слова. Один из героев романа — бывший учитель Габриэль — собирает живые сви-

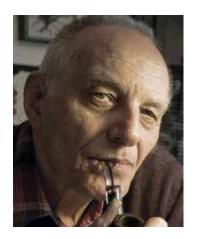
детельства о власти фашистов и ужасах холокоста. Для Габриэля история, написанная учёными, — лишь буквы на бумаге, ведь для такой истории существуют лишь народные массы, и нет отдельного человека. Настоящая же история живёт в словах тех, кто видел всё своими глазами, поэтому, делая свои записи, Габриэль как бы заставляет страшное прошлое исчезнуть, превращает его в литературу, то есть в фикцию. Ту же проблему писатель поднимает и в романе «Мимолётный снег» (Letmý sneh, 2014). Последние романы Виликовского, «Повесть о настоящем человеке» (Príbeh ozajského človeka, 2014) и «Ромео из эпохи социалистического реализма» (Rómeo z epochy socialistického realizmu, 2015), вновь возвращают читателей в период второй половины XX века. Кроме того, Виликовским были написаны литературно-критическое эссе «Исповедь наивного любовника» (Vyznania naivného milovníka, 2004) и сборник рассказов «Волшебный попугай и другие химеры» (Čarovný papagáj a iné gýče, 2005), удостоившийся премии Anasoft litera. А в 2015 году Виликовский получил государственную награду «Прибинов Крест второй степени» (Pribinov kríž) из рук президента Словацкой Республики А. Киски. В настоящее время Виликовский является редактором словацкого «Readers's Digest». Он известен также и как переводчик английской и американской литератур. Ему принадлежат переводы Джеймса Олдриджа, Уильяма Фолкнера, Джозефа Конрада, Вирджинии Вульф, Курта Воннегута и др. Произведения Виликовского переведены на английский, французский, итальянский, венгерский, русский, белорусский, украинский, словенский, хорватский, румынский, македонский, болгарский и польский языки.

27 июня этого года писателю Павлу Виликовскому исполняется 75 лет.

Редколлегия альманаха «Девин» сердечно поздравляет его с юбилеем!

Мы бы хотели ознакомить наших читателей с рассказом «Телохранительница» из сборника «Волшебный попугай и другие химеры» (2005). Сборник включает восемь рассказов, лейтмотивом которых является образ волшебного попугая, неуловимой синей птицы, — символа человеческого счастья и исполнения всех желаний, который приобретает в книге совсем иное звучание. Путём снижения столь привлекательного образа Виликовский предлагает читателю как бы вновь познакомиться с самим собой, показывает обманчивость наших представлений о том, какой должна быть наша жизнь. От рассказа к рассказу писатель лишает нас очередной иллюзии, снимает их слой за слоем, доходя до самых костей (что получает буквальное воплощение в рассказе «Телохранительница»). Таким образом, в процессе чтения происходит постепенный отказ от различных мифов и клише, владеющих нами, которые настолько плотно срослись с нами, что мы считаем их частью себя.

Основой для рассказа послужил реальный случай: история британского маньяка Джона Реджинальда Холлидея Кристи, который в 1953 г. был осуждён на смертную казнь за серию убийств нескольких женщин, включая его жену. На примере личности шизофренического склада Виликовский сумел воплотить принцип синкретического мышления в его крайней форме: расщепление внутри одного мыслящего субъекта. Полностью противоположен этому герою в своей целостности (ибо «неподвижные» привыкли думать всем телом) скрытый до поры повествователь. Несмотря на назидательный тон необычного нарратора, рассказ не производит впечатление проповеди. Писатель скорее ведёт диалог с читателем, делая его своим соавтором и помощником. Он не пытается учить, а лишь предлагает взглянуть на себя другими глазами, буквально.

Павел Виликовский

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬНИЦА

Этот пот уже разит, а она не чувствует. Кислый... как гнилая капуста, кислый запах. Рука, как издыхающаяся рыба, на ладонях смертельная слизь. «Я видела в Маркс-энд-Спенсер» такую скатерть, она хорошо смотрелась бы на вашем столе». У кошки давно бы шерсть встала дыбом, пёс зарычал бы... а с этих-то что взять — люди... «Санди встретился с одним знакомым, им надо было что-то вместе сделать, а когда потом пошёл дождь, и я сказала себе: вы тут рядом живёте, зайду к вам спрятаться. В прошлый раз мы у вас так хорошо посидели».

«Разумно. Вижу, вы ноги промочили — можете простудиться. Заварить вам чаю? Нет, у меня есть идея получше: я дам вам подышать над травами, что скажете? Они как раз от насморка: десять минут дышите паром — и простуды как не бывало. Даже не помню, когда у меня насморк был».

Он хочет размножаться. Нет, не хочет, ведь до сих пор он ещё ни разу не размножился; он хочет играть в размножение. Спариваться. Сука почуяла бы за километр. А эта ничего не подозревает, рассуждает о скатерти, поправляет юбку... они носят одежду. Украшаются. Поистине, из всех Божьих тварей человек — самая странная. Вот эта сейчас смеётся, пискляво, как птица на дереве, что кричит от страха. «Так, ну вот и ингалятор. Простая вещица, а творит настоящие чудеса! Сюда мы нальём воды, добавим травы, а к этому носику, или как его там называют, к этому отверстию вы прижмете нос и будете дышать. Да вы ведь наверняка это знаете, с детства? Разве дома у вас так не делали? Подождем минутку, когда вода закипит, а пока — капельку джина... хорошо, можно и потом. Когда пойдёт

пар, мы накроем вам голову этой простынкой, чтобы он зря не выходил. Превосходное изобретение».

«А у меня при этом волосы не растреплются?»

Так вот чего она боится! Не хочу богохульствовать, я не знаю Божьих замыслов, но мне кажется, что с человеком Бог дал маху. Бог велик, он объемлет собой весь мир, обозначает его границы, но у него нет ни рук, ни ног; если бы кто-то мог взглянуть на него снаружи, на расстоянии, я думаю, что Бог был бы похож на кладовую, вроде шкафа. Все мы, кто внутри него, не можем этого понять, но я представляю себе Его именно так: он окружает пустоту, и когда эту пустота кажется ему слишком пустой, он думает про себя: трава. Или: дерево. И стоит ему только подумать — все это уже есть. У Него нет рук, и Он не может сделать это дерево, или, если оно Ему не нравится, не может его исправить, к примеру, изогнуть ему ветки или добавить листьев. Он может только придумать другое дерево, не такое как это. Но деревья неподвижны, как и трава, поэтому Бог думает: ветер. А если движение показалось ему слишком слабым, если мир все еще кажется Ему каким-то стоячим, Он придумывает движущихся, живых существ: жуков на земле, мух в воздухе. А когда Ему кажется, что мух слишком много, он думает: птицы. А когда птиц становится много, Он придумывает кошек, а на кошку придумывает собаку. Движущиеся нужны для того, чтобы исправлять детали, если Богу что-то не нравится. Возможно, всё это выглядит совсем иначе, но я представляю себе именно так. Я так это понимаю. А иногда Бог, наверно, размышляет небрежно, от скуки или в полудрёме. Наверняка в таком состоянии он придумал человека.

«А теперь глубоко вдыхайте. Чувствуете?» Он уже отсоединяет шланг от трубы и прикрепляет его сзади к устройству. Ядовитый воздух. Он всегда так делает. Женщина из-под ткани ничего не видит. И уже ничего не будет видеть, никогда.

Этого зовут Джон. Они берут себе имена. Нет, этого, собственно, зовут Джон Реджинальд, а ещё у него есть и третье имя. Это их первая забота — имя. Ещё и произнести его не умеют, а уже должны иметь. Только по одному этому Бог мог бы понять, что они не удались. Зачем им нужно отличаться друг от друга, если у них у всех одна задача? У Бога нет рук, поэтому он придумал людей, чтобы они немного привели мир в порядок. Для этого здесь есть Его изображения, скульптуры, Его алтари — кладовки. Чтобы напоминать им об этом. Такое ограниченное, замкнутое пустое пространство — это призыв к порядку, оно побуждает упорядочить мир, уложить его по Божьему замыслу. Без кладовок мир был бы для них слишком большим, они бы не знали, с чего начать. Да только люди на своё предназначение плюют. Строят алтари, вроде кладовых, это да, огромные и совсем маленькие, но Бога за ними не видят. Заполняют пустоту своим свинарником.

Она уже упала. Удивительно, какие эти движущиеся — хрупкие, а люди в особенности. Движущаяся — и вдруг такая неподвижная! Лежит, будто сломалась. Джон нагибается к ней — он к каждой нагибается. Джон Реджинальд. Теперь он произносит её имя: «Рита». Ещё громче: «Рита?» Только он не хочет, чтобы она его услышала; если она его не слышит, он может её поднять, такую сломанную, и положить на стол. Скатерть уже не нужна: её ноги могут свисать с него и без ска-

терти. Теперь он будет срывать с неё украшения, одежду. Он делает это кое-как, беспорядочно. Забавно, как самки украшаются, чтобы привлечь самцов, а самцы — самок, а при спаривании они всю эту мишуру все равно сбрасывают. Зачем столько усилий? Почему им нравится обманывать друг друга, да ещё так неумело?

Джон Реджинальд уже хрипит. Джон Реджинальд Холлидэй. У него есть ещё одно имя, но кто их все запомнит? Кто, собственно, хрипит: Джон или Реджинальд? Кто из них сейчас будет сжимать ей руками горло, пока из неё не выйдет весь воздух? С движущейся он не сможет играть в размножение. Один из них, возможно, Джон, движущихся боится. Вся кухня провоняла этим страхом. Поэтому он должен её навсегда обездвижить. Может, движущаяся ему не нравится, потому что он не знает, что она сделает в следующее мгновение, может, что-то такое своё, личное, а он боится ей приказать? Или боится, что, останься она движущейся, она от него уйдёт? Что ей, движущейся, он бы не понравился? Зачем им нужно при размножении нравиться? Неизвестно. Просто это — люди. Самые странные животные.

Не хочу кощунствовать, но Бог не слишком долго раздумывал. Взять хотя бы то, как смешно они выглядят, и не только при спаривании: торчат в воздухе вверх, будто палки. Головы вертятся на шее, словно они кое-как насажены на стержень и в любой момент могут скатиться. А какое глупое выражение на лицах! Эти выпученные глаза, как сейчас глаза у Джона! Уже все кончено, но его еще с минуту будет бить дрожь. А её уже нет, и никогда не будет. Удивительно, сколько люди думают о спаривании, этот Джон Реджинальд, например, целыми неделями они ни о чём другом не думают, а при спаривании у них отключаются мозги! Ни единой мыслишки; на кухне потом каждый раз остаётся такой дырявый воздух, такая пустота, только влажный запах плесени... Эти, с несколькими именами, хуже всех. Джон, Реджинальд, а иногда ещё и Холлидэй! Он думает, что их трое, а на самом деле он один, только сам не знает, который из них. У него нет ни трёх тел, ни трёх умов, есть лишь один — помешанный. А как они при этом гордятся своими мозгами! Как заботятся о них, чтобы они росли! Неподвижным никакой мозг не нужен, они думают всем телом. Они просто знают. И я знаю, что я — Божье внушение, и мне этого достаточно.

Когда Джон надышится, когда его мозги снова включатся, начнётся самое худшее. Пока здесь ещё жила его постоянная самка, женщина с мышиным хвостиком, а, по мнению то ли Джона, то ли Реджинальда, и с мышиной душой — люди верят, что у них есть такая внутренняя часть, невидимая, невесомая, которую нельзя потрогать и которая будет существовать, даже когда они разрушатся, пока эта самка ещё здесь жила, хотя она и не приводила мир в порядок — до этого она бы никогда не доросла, — она прибирала хотя бы за собой, свой собственный свинарник: все эти стеклянные и металлические приборы, которые люди придумали для приготовления и принятия пищи. Животные едят то, что даёт им природа, только чтобы не умереть с голоду, но людям недостаточно насытиться, исподтишка и на скорую руку, они устраивают себе праздники обжорства. И как только ни звенела эта мышиная самка этими приборами, какие только ни умела извлекать

них мелодии! Барабанила по ним водой, пиликала тряпками — шум, какой угодно шум, лишь бы не слышать музыку, которая звучит внутри Бога, повсюду. Но музыка, любая, и эта их тоже, пробуждает тягу к порядку. Вещи под эти звуки сами находят себе правильные места. Если бы Джон Реджинальд Холлидэй иногда напевал, если бы он хоть насвистывал, кухня выглядела бы совсем иначе, не говоря уже о хлеве внутри его головы.

Она им, этим кормушкам, дала на откуп целую разукрашенную горку, справа, у стены. Полки прикрыла пёстрой бумагой, с цветочками... как будто чистое, пустое пространство нуждалось в каких-либо украшениях! Как будто они могли его улучшить! Всё, что попадает к ним в руки, они всё переиначивают, эти люди. Всё меняют на свой манер. И Бог, как они думают — если они вообще о нём думают — похож на них: они представляют его себе как старшего, более сильного брата, который не позволит их обижать. Тот, что жил здесь прежде, каждый вечер с ним даже разговаривал — даже пес, когда крутит хвостом, и то говорит с Богом лучше и душевнее, поскольку ничего от Бога не требует. Я рад, что я есть, говорит он этим хвостом, что я у тебя так хорошо получился. Но Джон Реджинальд о Боге не думает, а уж Холлидэй тем более. Они боятся о нём подумать, потому что, если он вправду похож на людей, то значит, люди перестали быть похожими на Него.

Ага, он ещё не кончил. Смотрит на неё, будто ему жаль уйти, и громко дышит. Он ещё с ней, неподвижной, будет спариваться, уже без неё. Как вообще люди могут спариваться, если они все непарные? И ту свою мышиную женщину он тоже обездвижил, навсегда, как-то на рассвете в соседней комнате — и закопал её во дворе. Я этого не видела, но слышала, как он там в темноте копал, а потом вытащил её из дома; на пороге у нее задралась ночная рубашка, и на бедрах были видны жирные пятна света. С ней он не пытался размножаться, дело было не в том, она ему просто мешала. Ему казалось, что она его постоянно, без единого слова, одним лишь своим присутствием, своим мышиным хвостиком, спрашивала: А что завтра? Для людей, которые знают, что они временные, не существует вопроса хуже: завтра будет всегда, а они — нет. Они знают это, но не в состоянии этого понять. Даже в постели, во сне, повернувшись спиной, постоянно: А что завтра? И вот однажды на рассвете он не выдержал и резко её оборвал: Какое тебе дело до «завтра»!

Эта женщина думала, что живет с Реджинальдом, так его и называла — Реджи, а Джона с Холлидэем совсем не принимала во внимание. Джон, я думаю — это тот, который все ещё ходит в школу и боится отца. Он боится также женщин, дыма, воя сирен и заказных писем. А Холлидэй — это, видимо, тот буйный, которого вечный страх Джона доводит до неистовства, и который иногда взрывается. Оба они, он и Джон, помогали Реджинальду выжить среди людей: чтобы он мог найти себе женщину, покупать газеты, здороваться с соседями, выносить мусор и забирать из-под двери бутылки с молоком. Когда эта женщина исчезла в яме во дворе, вместе с ней исчез и Реджинальд. Ни Джон, ни Холлидэй больше не должны обращать ни на что внимания, у них развязались руки. Только вот сами

они, без Реджинальда, среди людей долго не протянут: их некому будет кормить, брить, умывать, менять им белье, а когда они это поймут, будет уже поздно.

Он уже раздел её. Она лишняя. Одежду, тоже лишнюю, он сожжет в печке. Такого вы ни у одного животного не увидите: им проще убить, чем спариться; только люди выдумывают, некоторые, что им нет пары. Какие у неё сейчас, у этой неподвижной, посиневшие от холода ногти на руках! На лице выступили тёмные пятна, будто в него плюнула смерть. Лицо они носят спереди, им чаще всего обманывают. Поэтому они так часто смотрятся в зеркало, поэтому мажут его кремами, размалёвывают красками, позволяют расти на нём волосам. Они и о мире думают, что Бог сотворил его для того, чтобы у них было зеркало: куда ни взглянут, всюду видят себя. Сейчас он ухватит её под колени... нет, перед этим он еще отстрижёт у нее клок волос с низа живота, на память. Он укладывает их все в коробку, это легче, чем уложить туда целую женщину; целая женщина только мешает, нужно убрать её с глаз долой, из жизни. Потом он иногда открывает эту коробку и любуется клочьями волос: всех их я обездвижил. Как знать, сможет ли он еще угадать, какой клочок принадлежит которой из них. Разве в этом дело? Все они похожи друг на друга, мужчины и женщины, все, все. Люди.

Джон слабый, он бы не смог перенести её, поэтому за дело берётся Холлидэй. И он, грубиян, просто сбрасывает её со стола. Тащит её за ноги, голова на другом конце с любопытством подскакивает, будто хочет узнать, куда они идут. Больше он с ней не заговорит, не позовёт её «Рита?». Зачем ей имя, если её уже нет? Или, может быть, теперь Ритой он будет называть тот клочок волос в коробке? Или Ритой будет обозначаться та внутренняя, неосязаемая часть, которая останется после неё? Да только никакая неосязаемая внутренняя часть не существует, уж я-то это хорошо знаю; неосязаем только тот ужасный смрад, который появляется, когда всё осязаемое начинает разлагаться. Пока он закапывал их во дворе, это ещё можно было выдержать: с глаз долой из сердца вон — так это принято у людей однако двор слишком мал, а эта будет уже третья, которую он в меня засунул, будто мешок с углём. Когда Бог привел меня в мир, я пыталась угадать, какие у него на мой счёт планы. Признаюсь, я завидовала другой мебели, у которой были резные узоры на дверцах и на ножках или были стеклянные окошечки, чтобы они могли гордиться заботливо уложенной в них посудой. Я думала, что они — избранные, а я всего лишь нагое обрамлённое пространство: ниша. Прошло немало времени, прежде чем я поняла, что подобие Божие невозможно приукрасить, что это только люди коверкают его по своему образу, чтобы сделать для себя приемлемым. Чтобы они могли воображать, будто Бог такой же, как они, только больше, сильнее и такой же невидимый, как эта их внутренняя часть — душа. Они даже верят, что это — частица Бога в каждом из них. Как будто Бог может делиться на части! Смешные: у них внутри совсем нет свободного пространства, они всё заполняют собой, а когда однажды им показалось, что они нашли пустое место, они тут же выдумали душу. Нет, эти животные Богу определённо не удались.

Раньше я полагала, что когда движущиеся становятся неподвижными, в них происходит перемена к лучшему. Что они присоединяются к нам, неподвижным,

но нет — они разлагаются. Сами по себе, ибо они созданы из такого материала, который не может сохраняться без движения. Те две, которых в меня засунул Джон Холлидэй, сначала раздулись, а потом из них вытекла жидкость, но это была не душа, потому что ее можно было видеть, осязать, и, что особенно неприятно, обонять. Гнилые фрукты. Под конец, так как я стою прямо возле плиты, они высохли до костей. Если бы их кто-то пошевелил, они бы, вероятно, рассыпались. Я знаю, нельзя понять Божьи замыслы, но этих людей я ставлю ему в упрек, слишком уж небрежно он выпустил их из головы. Тяжело смотреть, как они торчат в пустоте, неповоротливые, и не только не исполняют своего предназначения, а где могут, даже перечат Богу: когда идет дождь, например, прячутся под зонтом, зимой носят теплые пальто, а когда заболевают, глотают какие-то порошки, травки, лишь бы избавиться от болезни. А то, что Бог им всем хотел этим что-то сказать, им и в голову не приходит. Они не пытаются Его понять, они предпочитают использовать свои мозги для того, чтобы Его придумывать. Словом, бракованное изделие; я долго пыталась понять, почему их таких Бог давно не отменил, не подумал назад со света, ведь что для него могло быть проще? Наконец, я рассудила — не то чтобы я осмелилась разгадать Божьи замыслы, это невозможно, но все же кое-какое объяснение я, по крайней мере, для себя должна была найти. Я подумала, что он оставляет их ради забавы — по-другому и быть не может. Из любопытства: что они ещё устроят. Чтобы они его там, внутри, в этом большом пустом пространстве, своим постоянным движением приятно щекотали. В конечном счёте, он и так их, ничего не подозревающих, всех разом может снести одним могучим чихом — и мир будет снова чистым. С тех пор мне стало легче выносить их присутствие, а порой, наблюдая за их бессмысленным копошением, я даже жалею их. Тихими зимними вечерами.

Когда он притащил ту, первую, обездвиженную... до той поры он хранил во мне жестяные вёдра, банки от варенья, старые газеты, резиновые сапоги, дрова для печки и другие атрибуты человеческой активности... когда она, скорчившаяся, начала во мне раздуваться и смердеть, я спрашивала себя в ужасе, почему Бог меня так наказывает? За какие грехи? Почему именно я должна давать приют самому гадкому, самому отвратительному мусору — человеческому? Неужели я настолько плохая, настолько безобразная, что не заслуживаю, чтобы в меня клали — если уж не солнечные закаты или упавшие на землю голубиные перышки, поскольку ни о чём подобном люди даже не подумают, — так хотя бы стопки чисто выстиранных и выглаженных рубашек и полотенец или расставленные ровными рядами книги? Разве я такая никчемная? Потом, когда появилась та, вторая, которая постоянно падала, ему пришлось сломать у нее ноги в коленях; от этого сухого треска, от этой хрупкости тела мне внезапно пришло на ум, что Бог меня не наказывает, а испытывает, а это совсем другое дело, хотя наказание и испытание на первый взгляд очень похожи. Ведь если он меня испытывает, это означает, что среди многих он выбрал именно меня, а меня он выбрал потому, что результат не предрешён заранее, и Бог, если не абсолютно уверен, то хотя бы допускает, что я это испытание выдержу.

Он испытывает меня теперь уже третьей, но я выдержу. Я же не могу обмануть Его доверие. Джон с Холлидэем отклеивают обои, которыми прикрывают дыру, и бросают неподвижную как попало прямо на двух предыдущих. Джон не решается на неё посмотреть, а Холлидэю всё равно, как она будет лежать. Тело раздуется и на какое-то время прикроет тех, высохших; потом будет стекать по ним и съеживаться, пока не сползет вниз. Какой смрад! Но ничего, я выдержу. Может, это уже долго не продлиться. Может, Богу даже не придется чихать, и люди уничтожат сами себя; когда я смотрю вот на этих, я вполне верю, что взаимное уничтожение уже началось. Может, потому-то Бог и наблюдает за их копошением с такой снисходительной, довольной улыбкой. Может, уже совсем скоро они совершенно исчезнут с лица земли, и после них останутся только три высохших тела внутри меня и клочки волос в коробке как последняя памятка, и тогда Бог даст всем знать, что я выстояла в тяжёлом испытании, что я не паршивая овца, а избранная — Телохранительница.

Перевод А. Быриной

172 ДЕВИН. АЛЬМАНАХ. № 2. 2016 **173**

ВСПОМИНАЕМ

А. Машкова

МАСТЕР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛАДИСЛАВА НАДАШИ-ЕГЕ

12 февраля исполнилось 150 лет со дня рождения видного словацкого писателя, основоположника современной словацкой исторической прозы Ладислава Надаши-Еге (1866–1940).

Еге родился в Дольном Кубине в семье адвоката. Образование получил в гимназиях Кежмарка, Ружомберка, Левочи. В период с 1883 г. по 1890 гг. учился на медицинском факультете Карлова университета в Праге, принимал активное участие в деятельности общества Девин, где выполнял различные функции — от библиотекаря, протоколиста до председателя. Там же, в Праге, зародились сюжеты его первых сатирических рассказов из жизни провинциального общества, которые он публиковал в газете «Народни новины» и журнале «Словенске погляды» (1889-1891) и которые подписывал псевдонимом Ян Гроб — Ján Grob (отсюда — его псевдоним Еге — Jégé).

Самый известный из рассказов того времени — «Преимущества светской жизни» (Výhody spoločenského života, 1889) повествует о жизни мадьяронского провинциального общества.

Во время своего тридцатилетнего творческого молчания Еге занимался врачебной практикой в Дольном Кубине. Вновь как писатель он заявил о себе только в середине 1920-х годов и оставался творчески активен вплоть по своей кончины.

Творчество Еге весьма неоднозначно в философском плане. Сформировавшееся под воздействием философии позитивизма и литературного натурализма, а также личного опыта врача, который был весьма пессимистичен, оно сочетает в себе веру в духовный, нравственный прогресс с пессимистическими взглядами на ход исторического развития. Когда Еге писал, руководствуясь желанием удов-

летворить вкусы верхушки общества, его произведения, по словам известного словацкого критика А. Матушки, звучали «сладко, приторно и неправдоподобно». Но это был не настоящий Еге. Настоящий Еге — «не тот, что идет впереди и призывает, но тот, что идет позади и хлещет бичом» (А. Матушка). В этом плане его произведения можно сравнить с «Фаустиадой» Й. Заборского, романом «Демократы» Я. Есенского.

Центральной темой прозы Еге этого времени была историческая, которая нашла свое воплощение в серии рассказов, новелл и в двух романах: «Адам Шангала» (Adam Šangala, 1923) и «Святоплук» (Svätopluk, 1928). Обращение к истории для Еге было не средством бегства от проблем современной жизни, как это случилось у Тимравы, М. Кукучина, а возможностью отыскать в истории поучительные примеры для современников. С этой целью он обратился к периоду жесточайшего противостояния католиков и протестантов, наступившему после 1620 года, к теме турецкого нашествия, а также к теме социального неравенства.

В романе «Адам Шангала», написанном в лучших традициях словацкой исторической прозы, представлена, по выражению автора, «историческая картина жизни XVII века». Жанровую форму произведения можно определить как «роман-путешествие» и «роман-воспитание». Простой крестьянин Адам Шангала, ставший свидетелем жесточайшей картины казни своего отца, покидает родной дом и в поисках лучшей доли отправляется странствовать. Однако все, что видит герой во время своих странствований по городам и весям Словакии, оказывается не

менее страшным и жестоким, чем та жизнь, которую он покинул. Нищета, казни, насилия, издевательства, смерти — такой предстает перед Адамом словацкая действительность той поры. Все истории и события изобилуют натуралистическими подробностями. Вызывает ужас не только произвол господ, но и деградация народа, спокойно взирающего на происходящее. Одна жестокая история сменяет другую, на смену одной страшной сцене приходит новая. Еге пессимистически смотрит на ход исторического развития, что подтверждает заключительная сцена романа, описывающая казнь Адама.

Таким образом, прием путешествия позволил Еге не только рассказать о тяжелой доле простого словака, но и сделать его свидетелем и участником многих событий, познакомить с порядками, царившими тогда в словацких землях. Однако, поставив во главу угла изображение человека, Еге основное внимание сосредоточил не на его поступках, действиях, а на мотивах поведения. Он попытался отыскать в нем «природный» элемент, изобразить его инстинкты, страсти, которые подчас делают из него зверя, показать, как герой преодолевает в себе это начало. Однако в итоге подобный аспект изображения привел к ослаблению эпического начала, которое компенсируется авторскими обобщениями, носящими назидательный характер.

После романа «Адам Шангала» Еге издает сборники рассказов «Венявского легенда» (Wieniawského legenda), «Из давних времен» (Z dávnch časov, 1927), «Италия» (Italia, 1931). Все рассказы написаны на исторические сюжеты, в которых история является фоном

для рассказа о конкретных событиях действительности и человеческих судьбах. В 1928 г. Еге публикует роман «Сватоплук», воссоздав исторически правдивый образ правителя Великой Моравии.

О словацкой жизни последних лет существования Австро-Венгрии и первых лет после образования Чехословацкой республики повествует роман-хроника «Дорога жизни» (Сеsta života, 1930). В центре авторского изображения — жизнь провинциального городка, представленная венгерской аристократией, мадьяронами и представителями патриотически настроенной словацкой интеллигенции. На тему современной словацкой жизни написаны рассказы сборников «Козинская мельница» (Kozinský mlyn, 1931),

«Между ними» (Medzi nimi, 1934), а также романы «Алина Орсагова» (Alina Orságová, 1934) и «С духом времени» (S duchom času, 1937). Завершил свой творческий путь Еге драматургическими произведениями, не принесшими ему успеха.

В историю словацкой литературы Еге вошел прежде всего как основоположник исторической прозы. Его традиции продолжили современные писатели — Й.А. Талло («Розы для султанского гарема», «Угощение в юрте хана», «Огненный дракон»), Я. Йоганидес («Конюх Марек и венгерский папа римский»), А. Гикиш («Время мастеров», «Любите королеву», А. Ферко («Святополк»), и др.

Представляем читателю отрывок из новеллы Ere «Венявского легенда».

Ладислав Надаши-Еге

ВЕНЯВСКОГО ЛЕГЕНДА

(отрывок)

Офицеры пировали в большой зале замка. Пан Зимовский и его жена чествовали защитников отечества. За длинным столом, ломившимся от кушаний, фруктов и напитков, всеми цветами переливавшихся в хрустальных, серебряных и медных кувшинах, сидела шляхта. Зала освещалась множеством свеч в серебряных подсвечниках, расставленных лишь на столе, поэтому в глубине залы царил полумрак. В центре большого стола сидел Томайка, подле него — раскрасневшаяся пани Агнеша в светло-жёлтом шёлковом платье; светлые волосы её были уложены в красивую причёску и украшены жемчугом. В глубоком вырезе платья на груди её лучился бриллиантовый крест. Напротив сидел пан Зимовский в тёмно-голубом расшитом кафтане.

Веселье было в полном разгаре, зала полнилась смехом и звучным говором, выкриками, звоном бокалов и серебряных чаш.

Томайка развлекал свою соседку, а пан Владислав во весь рот смеялся над его россказнями, обнажая при этом крепкие белые зубы.

Юлиан, сидящий наискосок от пани Зимовской, забыл на время об озабоченном отце своём, которого мысленно видел расхаживающим из угла в угол, подёргивающим бороду и тоскующим по сыну. Вино разогнало тучи в его душе.

Томайка частенько с вожделением заглядывался на белую грудь, украшенную бриллиантовым крестом. Внезапно он окликнул прислуживающего за столом казака и сказал ему вполголоса:

— Пошли сюда Ровенку.

Казак ушёл, а Томайка продолжал развлекать прекрасную смешливую пани, которая, катая из хлеба шарики, то и дело бросала их пухлой ручкой в своего мужа; тот в шутку грозил ей пальцем.

Томайка прервал беседу и подошедшему к нему маленькому бородачу с морщинистым лицом и колючим взглядом красных глаз тихонько прошептал:

— Незаметно приведи сюда всех своих людей и расставь их по углам.

Зловещий кривоножка исчез так же, как и появился, и почти никто не обратил на него внимания.

Томайка рассказывал Зимовскому, как люблинский староста рассчитался с купцами за негодные пистолеты, которые те ему всучили, наблюдая между тем, как в углы залы проскальзывают странные безмолвные тени.

— Так выпьем за здоровье самой прекрасной польской пани, — провозгласил Томайка и высоко поднял кубок, склонившись в поклоне перед пани Зимовской.

Она, приветливо улыбнувшись, чокнулась с ним.

Сидящие рядом офицеры поднялись и разом крикнули:

- Vivat, слава панам Зимовским!
- Пан Зимовский, поменяемся ролями лишь на одну ночь, выкрикнул Томайка и, сверкнув очами, глянул на красавицу.
 - Что это значит? озадаченно спросил поражённый Зимовский.

Томайка поднял вверх брови, выпучил глаза и надменно рассмеялся ему в лицо.

- Туго соображаешь, пан Зимовский. Ты в качестве полковника будешь до утра гулять с панами, а я, став паном Зимовским, пойду спать. И, разумеется, прекрасную пани не оставлю среди вас! Понял?
- Понял! взревел Зимовский и швырнул медный кувшин с вином Томайке в голову.

Вино и кровь залили лицо Томайки. Пани Зимовская, бледная как смерть, поднялась и, протянув руки к мужу, закричала душераздирающим голосом. На мгновение воцарилась тишина, но вскоре зала снова содрогнулась от рёва и гомона, все повскакали с мест. Юлиан тоже вскочил и, выхватив нож, протискивался к пану Зимовскому.

— Ровенка, — заорал Томайка как бешеный, — повесь этого негодяя, да немедля!

Зала ещё пуще загудела; поднялась суматоха. Зимовский, схватив со стола нож, приготовился к защите. Но тщетно — головорезы Ровенки обступили его, словно волки, набросили на голову плащ и потащили, брыкающегося и кусающегося, вон из залы. Юлиан с ножом кинулся было на них. По счастью, один из офицеров удержал его и привёл в чувство; Юлиан дрожал всем телом, сердце его сжималось от боли и негодования. Пани Зимовская упала без памяти, и её унесли. В этой сумятице раздался голос сотника Галецкого, резкий и высокий, перекрывающий крики:

— Пан полковник Томайка, Зимовский — наш хозяин и моя родня. Отказываюсь подчиняться тебе! Завтра будем драться не на жизнь, а на смерть!

Многие офицеры дружно поддержали его:

— Браво! Отлично, Галецкий, не отрекайся от родных!

Томайка, которому кровь заливала лицо, заревел:

— Биться с тобой будет палач. Выдать ему сто ударов кнутом! Взять его!

Люди зашевелились, и Галецкого вывели. Ближайшие сподвижники перевязали Томайку и тоже увели. Остальные снова вернулись к столу и, обсуждая происшедшее, насмешничали и продолжали пить. Что для них значила одна разбитая семья!

Юлиан, потрясённый до глубины души, вышел в сад. Он чувствовал себя богачом, который вдруг потерял всё своё состояние и оказался среди самых жалких нищих.

На рассвете из одного окошка послышались нечеловеческие стенания, и он заглянул через оконце в комнату. То было помещение для прислуги. На голом столе лежал труп пана Зимовского, а над ним склонилась его прекрасная жена, пани Агнеша. Волосы её были растрёпаны, нарядное платье разодрано в клочья. Она целовала помертвевшие уста мужа и белыми пухлыми пальчиками гладила отвратительный багровый шрам на его горле. Согревала его ладони, прижимая их к своей тёплой груди: они не согревались, Юлиан глядел на неё и в отчаянии заломил руки. Взгляды их опять встретились, её нельзя было узнать, так сильно она переменилась; пани Агнеша глядела на него широко раскрытыми горящими очами, но не видела его. Юлиану сжало горло, и он проклятием подавил подступившие рыданья. Он пошёл по саду, порой останавливаясь, не зная, что делать. Вдруг услышал сперва одинокие, тихие удары колокола, потом звон, приглашающий к заутрене. Остановился и прислушался, а затем, перекрестившись, поспешил в костёл. Поведал онемевшему ксендзу о событиях страшной ночи, об осиротевшей несчастной пани, об одичавшей орде.

Молодой ксендз, вздохнув, обратил свой взор на распятие, облачился в альбу и епитрахиль, кликнул матушку и направился к дому, куда повелевало ему идти его сердце и надежда возвышенной души.

Перевод А. Севастьяновой

Еге Ладислав Надаши. Избранное. М., 1985.

178 ДЕВИН. АЛЬМАНАХ. № 2. 2016 **179**

Курсакова Е.

«РЫДАНИЯ ОБНАЖЕННОЙ ДУШИ...»

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА КРАСКО

Иван Краско (словацк. Ivan Krasko, настоящее имя Ян Ботто; 12 июля 1876 — 3 марта 1958) — выдающийся словацкий поэт, писатель и переводчик, ключевая фигура течения Словацкой Модерны.

Родился будущий поэт в крестьянской семье, после окончания венгерской гимназии служил в армии и работал на строительстве мельницы у своего родственника. С 1900 по 1905 г. учился в Чешском высшем техническом училище в Праге. Затем работал инженером-химиком на различных предприятиях. Впоследствии поступил на государственную службу, стал депутатом, продолжил образование на философском факультете Братиславского университета. В 1923 г. он стал действительным членом чехословацкой Академии наук. Кроме политической деятельности занимался научной работой в области химии, ему была присуждена ученая степень доктора технических наук. Во время Второй мировой войны, в 1943 году переехал в Пиештяны, где прожил до 1958 года. Умер 3 марта 1958 года в Братиславе, похоронен на родине в Луковиште.

Писать стихи Иван Краско начал в гимназические годы. Первая публикация стихов поэта под названием «Pieseň nášho ľudu» («Песня нашего народа») состоялась в журнале «Словенске погляды» в 1896 году. Свои

произведения под псевдонимом Янко Цыгань он печатал до второй половины 1900-х годов, после чего изменил творческий псевдоним на Иван Краско (по настоянию С. Гурбана Ваянского взял имя Иван и фамилию Краско — по названию соседней деревни Красково).

Иван Краско стал ведущей фигурой Словацкой Модерны, нового поэтического течения в словацкой литературе начала 20-го века. Популярность его стихов в Словакии можно объяснить тем, что ему удалось наиболее глубоко и правдиво отразить драму своего поколения. Сам он позднее даст меткое определение своей поэзии, назвав ее «рыданиями обнаженной души». Основные мотивы «красковской лирики» — это интимные переживания, грусть, связанная с неразделенной любовью, обманутые надежды, ускользающее время, потеря духовных ориентиров, поиск божественной искры.

Практически все поэтическое наследие Краско составляют два сборника стихов — «Nox et solitudo» («Ночь и одиночество», 1909) и «Verše» («Стихи», 1912). После 1918 года поэт перестает активно публиковаться. Литературные критики часто ставят Краско в один ряд с другими модернистами, сближают его поэзию с декадентской поэзией запада и чешским символизмом. Вместе с тем, в своих стихах Краско продолжает словацкую традицию:

в них мы обнаруживаем как влияние поэзии Гвездослава, так и отголоски словацкого романтизма с его мелодикой и фольклорными мотивами (традиции Я. Краля).

В своих двух стихотворных сборниках Краско обращается к проблематике души человека, утверждает интуитивность постижения мира через мистические прозрения, откровения и лирическую медитацию.

Каждое стихотворение Краско воспринимается словно лирическая «исповедь» автора, скрывающая за собой конкретное переживание души. Особая магическая напевность стиха,

балладность и музыкальность — вот характерные знаки лирики Краско.

Его лирические миниатюры оказали значительное влияние на словацкую межвоенную поэзию. Ведущие писатели 1920–30 годов на начальном этапе своего творчества не избежали символистского воздействия «красковской школы» (Э.Б. Лукач, Я. Смрек, Л. Новомеский, В. Бениак, представители Католической Модерны и многие другие). Сегодня стихи Ивана Краско переведены на большинство европейских языков, что свидетельствует о неподдельном интересе к ним молодой генерации поэтов.

Иван Краско

СТИХОТВОРЕНИЯ

СМЕРКАЕТСЯ

Меркнет день. Сумерки. Близится ночь. С дальних гор, из лесу — плачь, что невмочь..! Отзвуки прошлого сердце сжимают, Выполнить главного не было силы,

В дней суете мечты умирают, А облака всё мимо да мимо..! Кто-то, отчаянный или несчастный, Плачет убого в ночной тишине,

Верил, искал, но напрасно, напрасно... Меркнет день. Сумерки. Близится ночь. Вороны черные ввысь улетают... Кто-то несчастный просит помочь,

Темное прошлое напоминает... День погас, мы пойдем...Полночь пришла.

«ДОЖДЬ ИДЕТ, ИДЕТ»

Дождь идет и днём и ночью, Лик земли уж стар, промочен, Вянет, блекнет девой грустной, Одинокой, бледной, тусклой!

Дождь идет непрестанно, Тяжесть в мыслях постоянно, В мерзлых пальцах лоб и тело, Так заплакать бы хотелось...!

Дождь идет, идет все чаще, Оказаться б в темной чаще, У одной сырой могилы Я заплакал бы тоскливо...!

Дождь идет — и так занудно, Холод в улицах безлюдных, Нет, нам не вернуть начало, Так уныло, так печально...

Перевод Е. Курсаковой.

ДЕВИН. АЛЬМАНАХ. № 2. 2016 **183**

Н. Шведова

«ЕСЛИ ОДНАЖДЫ ВЗОРВЕТСЯ ВСЕЛЕННАЯ...»

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РУДОЛЬФА ФАБРИ

Столетие со дня рождения первопроходца и лидера словацких поэтов-сюрреалистов нельзя не отметить. Бунтарь и мыслитель, провокатор и гуманист — Рудольф Фабри был противоречив, как всякий настоящий художник. Художник — и в прямом смысле тоже: он оформлял не только свои книги, но и книги товарищей по движению сюрреализма, который его сторонники в феврале 1939 г. по-славянски назвали надреализмом. Движение характеризовалось достаточно бережным отношением к национальным традициям и антифашистской направленностью, что было очень важным явлением в годы его расцвета, совпавшими с годами Второй мировой войны. Оно было единственным полностью сформировавшимся авангардным движением в словацкой культуре, оказавшим решающее влияние на развитие национальной поэзии в XX веке.

Рудольф Фабри родился 8 февраля 1915 г. в местечке Будмерице. Начинал как католический поэт, писал стихи с изящными образами в традиционной рифмованной манере. Высшее образование получил в Праге. В 1935 г. Фабри издает свой первый сборник стихов, «Отрубленные руки» (название взято из поэзии Гийома Аполлинера), в котором резко порывает с традицией, остроумно ее осмеивает, провоцирует благопристойных читателей всевозможными «неприличностями» (как

это казалось тогда) и воспевает новую поэзию — Андре Бретона, Витезслава Незвала, Марко Ристича, Рене Кревеля и других. Сборник вызвал скандал, как автор и предполагал, но такой выдающийся словацкий поэт, как Лацо Новомеский, встал на защиту молодого поэта. Фабри развлекается уличными песенками и детскими считалками, но даже в них вкладывает глубокий смысл, который за эпатажной формой можно было и не заметить. Он пишет и «автоматические тексты», за которые ратовали французские сюрреалисты, и стихи принципиально новой формы — с «ошеломляющими» образами, свободным течением верлибра, тогда еще почти не знакомого словацким читателям, с отсутствием пунктуации.

Второй сборник, «Водяные часы часы песочные» (1938), уже гораздо более серьезен и не отягощен юношеским «хулиганством». В нем выразились и социальная ангажированность Фабри, и его постоянный мотив смерти, переплетенный с мотивом времени, и яркие любовные мотивы. Сгущающаяся грозовая атмосфера предвоенной Европы проникает в эти стихи, отталкивающие картины жестокости и насилия вызывают протест автора. Однако поэзия Фабри не безнадежна. «Если однажды взорвется вселенная // Разве не останется любовь», — писал он в стихотворении «Напоследок». Взрыв вселенной, а не просто земной жизни,

и вечная материя любви — очень характерные мотивы Фабри в годы расцвета надреализма.

Вершиной творчества Фабри и надреализма в целом стала новаторская поэма «Я это кто-то другой» (издана в 1946 г.), созданная в основном в начале 1940-х гг. и даже частично опубликованная тогда. Две завершающие части были дописаны уже в первые послевоенные месяцы; они в художественном отношении несколько слабее предыдущих, потому что страшные картины гибели вселенной (как выясняется, лишь пророчества демона Фенея) сменяются всепоглощающей радостью мирных дней и возможностями нового миропорядка. Название также взято из французской литературы, из письма Артюра Рембо (1871), и в оригинале звучало как "Je est un autre" (по-словацки «Ja je niekto iný»). В обоих случаях название не вполне ясное и грамматически контаминированное. У Фабри «я» становится «кем-то другим», и внешним наблюдателем, и персонифицированным Фенеем, сложным и противоречивым характером. Здесь отзвуки литературных традиций — Данте, Гете, Байрон, — но главная традиция, виртуозно переосмысленная, — библейская, апокалиптическая. Это доказывает, что разрыв с традицией был, в сущности, разрывом с литературной рутиной, стертыми образами постсимволистской поэзии, которая, впрочем, еще далеко не исчерпала своих возможностей. Две встречи с Фенеем происходят ночью и с рассветом, буквально с криком петуха, заканчиваются. Ночные ужасы сменяются будничным утром, в котором есть и светлый образ любимой, и обрызганные дождем городские сады. «Ничто еще из пророчеств Фенея не сбылось», — говорит поэт, несмотря на трагический опыт мировой войны.

В послевоенные годы Фабри издает сборник «Букеты для этой жизни» (1953), в котором отдает дань тогдашней «славословящей» поэзии, но потом надолго замолкает. В 1960-е годы у него, как и у других надреалистов, возникает всплеск если не прежней поэзии, то все-таки близкой к литературной молодости. Это сборники «Каждый однажды вернется» (1964) и «Над гнездами смерти ветерок» (1969). Вторая книга примечательна двумя моментами: во-первых, тяжелая болезнь вызвала непосредственные размышления о смерти, которые вначале просто вытесняют все другие мотивы, а во-вторых, постепенное преодоление всеобъемлющей печали соседствует с возвращением ярких, неожиданных надреалистических образов, роскошных «коллажных» картин в духе лучших времен поэзии Фабри. Несмотря на проблемы со здоровьем (диабет с ампутацией ноги), Фабри и в 1970-е пишет стихи, порой светящиеся радостью в неизбежной тени смерти, порой просто примиряющие поэта с действительностью. Умер Фабри в Братиславе 11 февраля 1982 г. в возрасте 67 лет.

Подробно о Фабри можно прочитать в нашей монографии: «"Чудесные искры": поэзия словацкого надреализма (1930-е –1960-е гг.)» (2015).

Рудольф Фабри

СТИХОТВОРЕНИЯ

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Что на ладони неисповедимой, когда здесь ножки легкие любимой, ты на прогулку их зови, ах, нагадайте неисповедимый путь метеоров по следам любви. Над лабиринтами дорог о счастье шепчет ветерок, иль плач невест сулит мне рок, иль вихрь закружит золотой, или разлуки звук густой, о чем же шепчет ветерок над лабиринтами дорог. La fée de la mer à André Breton Расцветшие трупы с игрушками холоднее ледников всех Дев в масле Расцветшие трупы в мышьяке освещенные ее слишком красными ногтями освещенные ее ртом

просвеченным как кусочек сахара для любимчика в зоопарке

ее плечи как револьвер

ее грудь как реклама

ее походка как резня арабов

ее солнце как глаза

ее туловище как корсиканский кинжал

ее таз тверже моих зубов

ее паноптикум как бумажная масса

ее поцелуй как пароход на Замбези

ее бедра как клетка

ее пятка как потерянный сын или адюльтерные историйки

из Библии

ее пять П как интенсивность

ее тепло как задушевность

ее речь моя речь

ее лес когда она обманывает свое зеркало

мой ужас

Хвала начисто выкрашенного блаженства

Когда недужные подобные водным мечам

Одним взглядом открывали

Стаи черных жемчужниц чувственности

Приходил один

Который был камень и брат лунной ночи

Приходил другой который был камень

Уходил третий

Третий был камень

Кто угодно их разбрасывал

И все-таки жизнь была прекрасна

Благодаря абсолютному наслаждению

Которое есть сильнейший носитель

Всех тягот и всяческих

Посылающих большие наковальни

Которые сталкиваются

Когда недужные подобные водным ножам

Одним взглядом открывают

Сердце оранжевых жемчужниц

Своей краткой жизни

186 девин. альманах. № 2. 2016 187

ИЗ ПОЭМЫ «Я — ЭТО КТО-ТО ДРУГОЙ»

Ты вспомни только там об этом вечере лишь об одном вечере в ненасытном токе дней кто может утверждать что я не был тобой и что ты не была праматерией этого сообщества как в гудящем водопаде когда настанет слияние рек и водопад обрушивается и это не река и не две Поэтому я пишу тебе эти стихи Если же ты меня хочешь высмеять оттого что слагаю плаксивые строфы я отвечу тебе всего лишь чтобы ты дождалась того времени как птицы нового оперения На самом деле после долгого лета наступит ужасный холод Глаза у тебя замерзнут как колышки у кустов роз когда ты увидишь меня посинелого ярче чем мясо свежеразрезанной раковины Мои губы нежно улыбнутся они будут выражать прощение губы похожие на тень сосны при затмении или похожие на полет черных скворцов Поэтом я пишу тебе эти стихи Ты ко мне не возвращайся хотя еще время ты сама хорошо знаешь что ты стала кровавой мельницей моей жизни окруженная прохладным дыханием лихорадочных химер и оглушенная ветерком вспугнутым в хижине сна ведь эта твоя печаль стала лишь взглядом на осеннюю ночь пока твоя грудь всё еще остается приливом и отливом не наталкиваясь ни на какой берег где я пожалуй угасну как дыхание на зеркале которое разбивают похожий на звезду первого снега которая тает Ты меня однако вряд ли увидишь и увидишь уже только как спящую каплю обманчивого тумана дробящуюся и без возврата

В смрадную падаль превратятся достославные цветные косточки этого мира

Уже орды дней рубятся костылями и мертвые дрожат в замерзшей земле пальцы свои обгложут от голода на уничтожение стаи мук со звездами упадут на пастбища лишь сильные нищие что караваи истории раскрошили у колодцев из мрамора словно временем заросли усами длиннее чем хвосты кометы сядут в латах на тучных кобыл и летят на лошадях в липком мыле сверкающие как дукат в суме странника их лошади фыркают кровавой жарой они остановятся на горе закричат голосом львиным: «Где вы о толпы славы где тот кто следует за ними печные трубы черных туч лежат уже во тьмах в пыль превратитесь звери скалы создания сегодня ночь последняя из всех ночей /.../»

Второй раз уже этой весной я встретился с Фенеем и было это страшное странствие мы посетили волчьи ямы маразма жизни мы посетили позорные столбы добродетели и было это невообразимо страшное наше странствие где дали стелют луны ладони где кони времени выпивают ушаты крови там где мы странствовали рука в руке и блуждали по асфоделевым лугам где каждый первоцвет означает убийство и долины гибели были от цветов все желтые

Я вернулся и было утро холодное и сырое в садах цвела сирень с каплями вчерашнего дождя на листьях город бренчал словно арфа и город пел во всё горло

Л. Широкова

да красивые женщины я всех вас видел там вы прекраснодушные любительницы стиха кроме той которую люблю для которой я стал цветочным горшком чтобы цвели кружева воспоминаний очень похие на колодцы счастья навсегда и навеки

Перевод Н. Шведовой

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИНЦЕНТА ШИКУЛЫ

Винцент Шикула (1936-2001) занимает особое место в литературе Словакии. Переживая на личном опыте и творчески переосмысливая сложные этапы развития Словакии, начиная с послевоенных лет и вплоть до рубежа XX-XXI вв., Шикула смог отразить многие существенные черты и характерные тенденции духовной жизни нации. В его книгах представлен особый художественный мир, вобравший в себя прошлое и современность словацкого общества, переживания и судьбы отдельного человека. Многими нитями творчество Шикулы связано с идейными и художественными исканиями словацкой литературы своего времени, а также с традициями национальной культуры предшествующих периодов.

Будучи активной творческой личностью, Шикула участвовал в этом процессе на протяжении более четырех десятилетий. Он вступил в литературу в начале 1960-х гг. вместе со своими сверстниками, товарищами по «поколению-56» и продолжал писать вплоть до последних дней жизни. Не подстраиваясь под модные веяния и идеологические требования, писатель вместе с тем чутко улавливал и отражал в своих произведениях суть изменений, происходящих в общественном сознании и литературной атмосфере, остро ощущал духовные и нравственные ис-

кания своего современника. С полным правом его можно назвать классиком словацкой литературы второй половины XX века.

Уже на начальном этапе творчества писателя, в рассказах и новеллах 1960-х гг. («Не аплодируйте на концертах», «Может, я построю себе бунгало», «С Розаркой», «Не на каждом пригорке трактиры стоят», «Воздух» и др.) стала складываться концепция личности, воплотившаяся в ряде ярких и психологически убедительных персонажей, зазвучали проникновенные ноты человеческого сострадания, внутренней неудовлетворенности, осознания несовершенства мира и неповторимой ценности каждой личности.

В трилогии «Мастера», опубликованной во второй половине 1970-х гг. (романы «Мастера», «Герань», «Вильма»), проявилось новаторское видение Шикулой темы войны и Словацкого национального восстания, традиционной для словацкой литературы второй половины XX в. Исторические судьбы Словакии, драматизм военных и первых послевоенных лет трансформированы в трилогии в перипетии жизни одной семьи, одной деревни, не теряя при этом общечеловеческой масштабности. Здесь в полной мере проявилось художественное мастерство писателя, создавшего целую галерею живых, эмоционально насыщенных характеров.

В произведениях 1980-х гг. (роман «Матей» и др.) Шикула обращается к историческим фигурам, деятелям словацкой культуры прошлого, просветителям нации. Воссоздавая судьбы своих героев, он не только воспроизводит духовную атмосферу и искания того исторического времени, но и продолжает свои раздумья об истоках и настоящем словацкой нации, о ее нравственных основах и культуре.

Лишь в 1990-е гг., после «нежной» («бархатной») революции смогла выйти в свет его дилогия («Орнамент», «Ветряная вертушка»), основная часть которой была написана еще в конце 1960-х. Одним из значимых элементов содержания дилогии является тема общественно-политических деформаций периода социализма и их отражения на судьбах людей. Эту же тему он про-

должил и в последнем, незаконченном произведении «Ударь пастыря», опубликованном уже после смерти писателя. Книги «За отцветающей сиренью», «Почта до востребования», «Там, куда сворачивает дорога», «Благословенная палочка дирижера» также вышли в свет после его смерти.

Творчество Шикулы представляет собой органичное и яркое звено в истории словацкой литературы. Будучи во многом полемическим по отношению к литературе социалистического реализма, оно в то же время отразило определенную преемственную связь с гуманистическими традициями словацкой литературы, прежде всего, с психологической реалистической прозой начала XX века, экспрессионизмом и натуризмом 1920—1940-х гг.

Памятник Винценту Шикуле на кладбище в местечке Дубова

Винцент Шикула

РАСПИСНЫЕ КУВШИНЫ

Этюд

Один из моих дядьев был гончар. И гончар, и горшечник: он умел месить глину, а потом на гончарном круге выкрутить из нее молочник, тарелку или вазу, горшок или кружку, он даже умел это все расписывать.

Богачом он не был, хотя работал на совесть: ловко выкручивал, расписывал и обжигал, и продать умел ловко. Пожалуй, только в одном была загвоздка: он непременно хотел сделать красивыми все свои кувшины, тарелки, молочники и горшки, а иной раз — блюда и даже сову, а случалось — и глиняную форму для приготовления рождественского карпа или барашка, которого можно было в этой форме запечь, а потом съесть. Но особая статья были для него кувшины — их он выделывал так тщательно, а потом расписывал с такой любовью, что терпел на этом одни убытки: ведь если уж человек недорого ценит свой труд, то печь и глазурь все же денег стоят. Ему никогда и в голову не приходило пить из своего же кувшина или кружки: они казались ему такими прекрасными, что прямо после обжига он готов был тут же поделиться этой красотой с людьми.

Иногда он одалживал воз, загружал в него охапку сена, укладывал в сено свои кувшины, тарелки и вазочки и — айда на ярмарку! — Поглядите, люди добрые, ну разве не хорош? — стучал он костяшкой пальца по кувшину, и глаза его так и светились от радости. Как красиво звенит! А уж как красиво я его расписал! Я б его вам и даром отдал!

Да и отдавал-то почти даром. В прежние времена на ярмарках бывало много гончаров и горшечников. А мой дядя ни за что на свете не хотел везти свой то-

вар назад домой. Он считал себя не художником, а всего лишь ремесленником, да еще, пожалуй, немножко торговцем. И всегда радовался, когда его товар быстро расходился.

А дома, в деревне, хвастался: — Кувшины шли прямо нарасхват. Народ у меня их буквально из рук рвал. Если бы я захотел, мог бы и другим гончарам помочь распродать их товар, только у чужих кувшинов совсем не та тонкость, не тот звон, да и красота не та, что у моих.

- Ну, а выручил ты хоть сколько-нибудь?
- А то как же, конечно, выручил. Я всегда с выручкой. На печь и на глазурь заработал. И на еду кое-что останется. Человек ведь должен получать от работы удовольствие. Занимаюсь себе своим ремеслом, ну а если получается что-то толковое, могу и людей к этому приманить. Что с того, если и продешевить иной раз приходится? Главное, что я в работе никогда не продешевлю. Если бы другие гончары в работе не скупились, а на ярмарке не накручивали бы цену, так и я мог бы намного больше зарабатывать. На обжиг мне хватает, и на подводу тоже, возчик, когда у него нет работы, всегда мне подводу одолжит. Вот увидите, на следующей неделе снова поеду, снова мне все гончары и горшечники завидовать будут.

И когда его потом спрашивали: — Ну что, снова нарасхват? — он только весело тряс головой: — А то как же! У меня всегда так. Я и сам не понимаю, как и куда все эти мои кувшинчики так быстро деваются.

Потом как-то раз на ярмарке немного выпил и, когда уже домой возвращался, увидел в поле молотилку. Был там и возчик, у которого он лошадь одалживал. — Хорошо, говорит, что ты уже назад едешь. У нас работы невпроворот. Лошадь как раз нужна. А то не поспеваем тут у молотилки жито подвозить и отвозить.

— Если хотите, я вам тоже помогу. У меня ведь снова все нарасхват разошлось. Все распродал. А что дома осталось, только вчера накрутил, оно еще как следует не высохло. Если хотите, я вам помогу.

Он вернул лошадь хозяину, а сам растворился в толпе при молотилке; поначалу никак не мог найти себе места среди работающих, но вскоре потребовалось подменить парня, который стоял у молотилки и закладывал в барабан снопы. — Ей-богу, это самое что ни на есть мое дело.

- С ума сошел? С этим не каждый справится. Ты уже на ней работал? Она ведь и затянуть может.
- За меня не переживайте! Мне с моим гончарным кругом еще быстрее приходится поворачиваться.

Раз-два — и он уже на молотилке. И дело у него пошло. Все его нахваливали. Но тут внезапно раздался крик, и разом вскрикнуло множество голосов. А из молотилки вдруг вылетел кожаный ремень, да так, что чуть-чуть не задел вертевшегося поблизости мальчишку. Кто это кричал? Боже ты мой, что же случилось? Ох, да ведь это горшечник бросил слишком много колосьев, сразу два снопа, один за другим, хотел было второй вытащить, но тут стряслась беда! Хорошо еще, что всего его в молотилку не затащило. Только руки лишился. Ох, люди добрые, прощай теперь, ремесло! Прощайте расписные кружки да кувшины!

За гончарным кругом он уже не мог работать. Но все равно долго еще ходил по ярмаркам, останавливался возле гончаров и горшечников, разглядывал их товар. — Ну как дела? Работа ладится? Покупают?

- Да по-разному. Сам знаешь, как раньше бывало.
- Нарасхват! Мой товар всегда шел нарасхват. Иной раз люди у меня прямо из рук рвали. Кто бы из вас выкрутил кувшинчики, какие я когда-то делал? А я даже и сейчас смог бы, наверно, их расписать. Ведь для росписи и одной руки достаточно. Хотя бы волнистыми ободками и виноградными гроздьями, да еще птичками. Когда-то ведь я с птичками «на ты» был.
 - Давно это было.

Заходил он и на фабрику, Модранскую керамику. — Идет дело? Не пора еще продавать? Если что, я бы вам все распродал.

- Да и так расходится.
- Вот бы вам попробовать те кувшинчики делать. Ей-богу, и я бы купил парочку. А то ведь дома ни одного не осталось. Может, попробуете?
 - Они уже из моды вышли.
- Вышли из моды? Так сделайте моду. Верните ее обратно. Ну, правда, я и сам купил бы парочку. Дома-то ничего не осталось. Кто-нибудь мог бы попробовать сделать. Вроде тех, что я делал. Хотя бы немножко таких, моих кувшинчиков. Господи, как же их всегда расхватывали! А на тарелочке у меня иной раз и птичка была. Да я с каждой птичкой на своей тарелочке «на ты» был.

Он и по сей день ходит по ярмаркам. Если вы ездите на ярмарки, можете его там увидеть. Он уже постарел, но вы его все равно узнаете. По той самой руке. Да еще и по тому, что он любит прогуливаться там, где продают глиняные кувшинчики, тарелочки и блюда, горшки и жбаны. Он все ходит и ходит, все смотрит, будто все еще верит, что однажды увидит свой волнистый ободок, свой цветок и гроздь винограда, а может быть, и свои глиняные кувшинчики посчастливится однажды повстречать...

Перевод Л. Широковой

Н. Шведова

«КАПИТАН ЗАПАСА»

К 20-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ВЛАДИМИРА МИНАЧА1

В этом году исполняется 20 лет со дня смерти классика современной словацкой литературы Владимира Минача (1922-1996). Долгое время Минач считался «официальным» писателем, не диссидентом, что впоследствии, при новом политическом режиме, могло восприниматься как отрицательный штрих. За последние двадцать лет в литературоведении делались попытки противопоставить его художественное осмысление Второй мировой войны, как «коммунистически одностороннее», творческим достижениям других писателей (например, Винцента Шикулы, Ладислава Тяжкого). Однако здравый смысл возобладал. Не приверженность «правильным» или «неправильным» идеям (для каждого времени это оценивается по-разному), а талант и мера его реализованности определяют место писателя в истории литературы. Прозу Минача, в частности, непредвзято оценивали в последние годы В. Петрик, А. Галвоник. Последний, в частности, выделял в его обширном творческом наследии именно художественные произведения как наиболее ценные для национальной культуры.

Личная биография Минача перекликается с историями жизни его основных героев. Собственный опыт военного времени и послевоенной эпохи

делает его произведения прочувствованными, достоверными, убедительными. Окончив гимназию, будущий писатель становится студентом философского факультета Университета Коменского в Братиславе (1940–1944), затем участвует в антифашистском Словацком национальном восстании (1944), воюет в партизанском отряде, попадает в фашистские концлагеря, после освобождения включается в культурную жизнь страны как редактор газеты и писатель. Дебютировал Минач в 1948 г. романом на тему Восстания «Смерть ходит по горам» (Smrť chodí po horách). Эта же тема, в широком социально-историческом масштабе, стала центральной в его романе-трилогии «Поколение» (Generácia), переведенном на русский: «Долгое время ожидания», «Живые и мертвые», «Колокола возвещают день» (1958-1961).

Судьбы молодых словаков — студентов Марека Угрина и Эмы Буриановой, офицера Яна Лабуды, дочери архитектора Ольги Феркодичевой, коммуниста Янко Крапа, его юной сестры Ганки и многих других — проходят через перипетии войны и Восстания, пересекаются и расходятся. Немало в романе и приспособленцев, и просто пособников фашистов. В послевоенной действительности герои

романа нелегко находят свое место, тем более — счастье. Кто-то сломлен физически и морально, как Лабуда, кто-то, как Марек Угрин, постепенно обретает профессию, семью, смысл существования. Самый притягательный персонаж романа — капитан Лабуда, его характер и судьба противоречивы, драматичны и по-человечески понятны. Красавец-офицер, покоритель женских сердец, он попадает в плен к русским на восточном фронте, затем становится партизаном, проявляет чудеса храбрости, неожиданная травма позвоночника делает его калекой. После войны Лабуда, герой Восстания, безуспешно пытается вписаться в новую жизнь. Вспомнив о внебрачном сыне, он ищет общения с ним — но его мать жестко пресекает попытки Лабуды встречаться с мальчиком. Ребенка уже воспитывает Марек. В кафе, которым заведует Лабуда, собираются подозрительные граждане с криминальным уклоном, и лобовой атакой, как прежде, их не возьмешь. Да и не очень-то получится атаковать на костылях. В преддверии политических потрясений 1948 года Лабуда «дезертирует» в тихую деревню с дальней родственницей, милой простушкой, которая приехала к «братцу» в столицу в поисках работы.

Запоминается эпизод, в котором наивный мальчик пытается приласкать и покормить умирающую собачку, раздавленную обломками рухнувшего дома. Минач описывает это без сентиментальности. Горькой иронией звучит авторский комментарий к реплике попавшего в плен раненого Лабуды: «Я словак, славянин...». Писатель замечает, что советский солдат, пленивший «фашиста», был из коренных народов

Сибири и о славянском братстве имел смутное представление. Натуралистические подробности делают еще более трагичным рассказ о гибели партизанской связной Ганки Краповой, чистой девушки, пережившей групповое изнасилование своими же фашистами и затем убитой. Влюбленный в нее Лабуда в порыве гнева и отчаяния предпринимает со своими партизанами дерзкую и непродуманную вылазку. И таких эпизодов немало. Точные психологические характеристики, сдержанная авторская манера, разнообразие социальных типов в их взаимодействиях все это делает роман живым и поучительным.

Ярким примером новеллистического творчества Минача является рассказ «Горе» (Žiaľ) из сборника «На переломе» (или, точнее, «На пограничье» — Na rozhraní, 1954). Казалось бы, времена жесткого соцреализма («схематизма»). Лейтмотив сборника — утверждение новых общественно-политических отношений в деревне, сдвиги в психологии крестьян. Однако всё это ювелирно пропущено сквозь конкретные непростые судьбы. Даже описания изменчивой природы в рассказе «Горе» созвучны эмоциям персонажей. Завязкой сюжета служит невинный проступок ребенка, залезшего в чужой сад полакомиться грушами. Хозяин, выследив «вора», наказывает его с непомерной жестокостью. Мальчик Ондрейко попадает в больницу и в конце концов умирает, но его история переворачивает души односельчан. Рвутся семейные связи, вновь разгорается старая любовь. Доброта и сочувствие ребенку, поддержка, оказанная его одинокой матери, отрицательное отношение к чер-

¹ Материалы опубликованы в журнале «Меценат и Мир», №№53-56, 2012. Текст дается с некоторыми изменениями

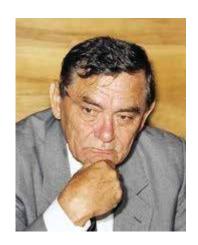
ствости и эгоизму достигают кульминации в сцене похорон Ондрейко, на которые приходит вся деревня. Но это не торжественная демонстрация «новых людей». Рассказ заканчивается скорбной нотой материнского горя. Именно «Горе» представляет Минача в антологии словацкой новеллы на русском «Дунайская мозаика» (М., 2008. Часть І. Составление А. Машковой).

Минач написал еще немало произведений в разных жанрах, выступал как литературный критик и публицист. С конца 1960-х гг. он переключается с художественной литературы на историческую эссеистику. В 1974–1989 гг. Минач возглавлял Матицу Словацкую — старейшую национальную культурно-просветительскую организацию. После «бархатной революции» 1989 г. писатель выпустил несколько новых книг, посвященных национальной, социально-политической и культурной проблематике.

Не могу не отметить еще одно творение Минача — сатирический роман «Производитель счастья» (Výrobca šťastia, 1965). Прежде всего он чрезвычайно смешной, полный блистательного речевого комизма, вплоть до пародийных рифмованных лозунгов, в этом также проявился талант писателя. В приключениях энергичного неудачника, мошенника-интеллектуала по имени Франтишек Ойбаба (какая фамилия!) постепенно нарастает гротескно-драматичное звучание подтекста. Финальный сон этого антигероя попросту страшен, хотя всё кончается благополучно, с изрядной долей сарказма. Роман сейчас кажется «современнее», чем в пору своего появления. «Ойбабино колесо Фортуны» — стопроцентный «лохотрон», и т. д. На самом деле это роман на все времена, в нем отразились и вечные человеческие пороки, и конкретно-историческое приспособленчество, всевозможные махинации с идеологией, культурой, властью. Очевидна связь этого романа с произведениями Салтыкова-Щедрина.

В 1983 г. Ян Штевчек, профессор Университета Коменского в Братиславе, познакомил меня с Миначем. Он произвел на меня очень сильное впечатление: настоящий зодиакальный Лев, яркая и сильная личность, великолепный рассказчик, обладающий немного провокационным обаянием. Минач поведал нам три безобидные, на первый взгляд, байки — вполне в стиле «Производителя счастья» — и даже что-то спел очень музыкально. Третья байка начиналась с того, что Минач, капитан запаса, был призван на военные сборы, а завершалась словами: «Так я чуть не спровоцировал Третью мировую войну». Я потихоньку смеялась, а Минач лукаво спросил у Штевчека: «А Наташа нас не понимает?» На прощание он произнес фразу, которая из-за игры слов практически непереводима: «Nataška, majte sa dobre, alebo ešte lepšie, ak chcete». Смысл можно приблизительно передать так: «Наташа, всего вам доброго, ведь это в ваших руках».

Мы предлагаем читателям познакомиться с отрывками из романа Минача «Производитель счастья», который на русский язык не переводился. «Капитан запаса» Владимир Минач еще не раз постоит в бою за человеческое достоинство, честность и искренность. Пусть даже двигаясь от противного.

Владимир Минач

ПРОИЗВОДИТЕЛЬ СЧАСТЬЯ

(Отрывки из романа)

Стулья уже были опрокинуты на столы. Официант гасил светильники. У последнего выключателя он остановился, скрестил ноги и задумчиво посмотрел на последнего посетителя.

Мужчина с плешью сказал:

- Надо прощаться, приятель?
- Придется, сказал официант.

Мужчина шарил по карманам в поисках денег. Из нагрудной сумки он выловил всевозможные записки, разложил их на столе, внимательно просмотрел и потом осторожно положил обратно. Вид он при этом имел весьма сочувственный.

Он произнес:

- Ну вот, как-то так.
- У вас нет денег, сказал официант.

Мужчина вздохнул.

- Ты человек искренний, произнес он рассудительно. Я тоже буду с тобой искренним. И вправду нет.
 - А ведь я чувствовал, заметил официант.
- Чувствовал, а все-таки принес мне коньячку. Вы только взгляните на него, люди, взгляните. Он и сам осмотрелся вокруг, как будто в помещении теснились толпы и сверлили его глазами. Знаток. Одним взглядом он проникает на дно души человеческой. А сердце у него все же широкое.
- Вот здесь вы просчитались, по поводу сердца, сказал официант и неудержимо зевнул. Вам придется тут что-нибудь оставить. Часы или в этом роде.

- Часы, мужчина сложил руки. Вы слышали? Он сказал: часы. Но я вас спрашиваю: какие это должны быть часы? Может, это часы с фонтаном? Или мне в моем возрасте надо карабкаться на башню и сложить к его ногам местный казенный орган для измерения времени? И это называется уважение к старости!
- Что-нибудь вы должны тут оставить, сказал официант, уже слегка помрачнев.
- Какой ты непонятливый, приятель. Ничего у меня нет. Ничего. Где ничего нет, там и официанту не обломится. Сечешь?
 - С вашей стороны это некрасиво.
- А с твоей стороны красиво, что ты зеваешь и даже рта не прикроешь? Где мы, в доисторической пещере или в социалистическом общепите? Люди не всегда ведут себя красиво, приятель.
 - Ну вы и тип, ответил официант.

Мужчина поднял брови. Брови у него были замечательные, вьющиеся и густые, как будто ниже лба он порос мхом.

- Не обижай меня, приятель. Я оригинал. Последний настоящий оригинал и никакой не тип. Ты знаешь, кто я такой?
- Хотел бы знать, ухмыльнулся официант. Шесть коньяков и два кофе. За чей счет, скажите?

Мужчина встал, пообдергивал измятый пиджак и вежливо поклонился. — Ойбаба, — сказал он серьезно.

- Очень приятно, ответил официант.
- Тебе это ни о чем не говорит?
- Нет. Пожалуй, лишь о том, что я могу попрощаться с деньгами. Люди с такими именами либо не существуют, либо не платят по счетам.
- Ойбаба Франтишек, сказал мужчина с достоинством. Тебе это и вправду ни о чем не говорит?
- Нет. Официант снова зевнул, в последнюю минуту прикрыв рот рукой. А что бы это могло быть?
- Предприниматель, подсказал мужчина. Отдел народных развлечений. Ойбабино колесо Фортуны. Удача от Ойбабы. Ты ничего не слышал?
- Нет. Но звучит неплохо. Кажется, я все же получу свои деньги. Ойбабино колесо Фортуны. Давайте сюда.

II

Он ревниво охранял свои деньги; это было последнее, что его связывало с окружающей жизнью. Он спал в грошовых ночлежках, ел суп из автоматов. В новые предприятия он не пускался; ему хватало работы, чтобы ускользать от теней старых.

Однажды в маленьком парке он задремал на осеннем солнышке. И снился ему следующий Сон о Печати.

Производитель счастья осторожно поднял Печать. Она была легкой, как перышко. Он держал ее в руке высоко над головой и ощущал, как в нем начинают

происходить перемены. Он словно вдруг оброс мускулатурой культуриста. На голове у него появились пышные заросли волос. На груди зазвенели медали. И с его уст уже слетала первая фраза:

— Я существую, следовательно, я мыслю. Я сильный, следовательно, я мыслю правильно.

Раздались бурные аплодисменты.

Большой зал, в котором лучше всего просматривались торжественно сияющие люстры, был полон народу.

- Кто-нибудь против? спросил производитель счастья.
- Конечно, нет, сказал услужливый господин во фраке.
- Я хранитель Главной Печати. Она была доверена мне. В Главной Печати Главная Правда. Кто-нибудь в этом сомневается?
 - Нет, сказал услужливый господин во фраке.
- Сомневается, сказал производитель счастья, который во сне раздвоился на наблюдателя и наблюдаемого. Нужно сказать, что ему как частному наблюдателю новоиспеченный диктатор Печать был несимпатичен.
 - Разве здесь нет интеллектуалов?
 - Может, какие-то остатки, сказал господин во фраке.
 - Есть. Я всё вижу, сказал диктатор Печать.
 - Интеллектуалы, шаг вперед, скомандовал услужливый господин.

Вышли несколько человек и сказали словно в один голос:

- Мы пролетарского происхождения.
- Мне это сейчас неинтересно, сказал диктатор Печать. Сомневаетесь?
- Нет, простите. Мы отвыкли.

. . .

- Теперь вы будете думать, сказал производитель счастья и опустил Печать. Раздался тупой удар. Интеллектуалы подняли головы.
 - Вы думаете? спросил диктатор Печать.
 - Думаем.
 - Сомневаетесь?
 - Мы думаем, следовательно, сомневаемся.
- Вот это правильно. Я диктатор. Мне нужны думающие, чтобы было против кого направить власть. Мне нужны сомневающиеся, чтобы было кого вешать.
- Это очень остроумно, сказал услужливый господин во фраке. Господин диктатор не может ударить в пустоту. Удары в пустоту компрометируют.
- Косе нужно кресало, сказал диктатор Печать. Ножу нужен точильный камень. Власти нужна оппозиция. Если ее нет, нужно ее создать. Сечете?
 - Я вас укрощу, сказал диктатор и снова ударил Печатью.

Каждый раз, когда он ударял Печатью, исчезал один человек. Сначала он еще спрашивал имя и год рождения, но Печать работала все быстрее, времени не было. Чем быстрее работала Печать, тем самостоятельнее она становилась. Диктатор, возможно, и хотел бы ее притормозить, но не получалось. Чем быстрее был

темп, тем больше Печать ускользала из-под его воли. Двойник шептал ему: «Тормози. Что ты делаешь?» Но он начал подозревать двойника в мягкотелости.

Зал быстро пустел. Печать работала в темпе наисовременнейших ракет. Тогда отважился вмешаться услужливый господин.

- Осторожно, сударь. Мы опустошаем пространство.
- Какое пространство?
- Пространство для власти. В пустом пространстве власть погибает. Вы не помните? Удар в пустоту последний удар.
- Мне некогда философствовать, сказал диктатор Печать. Это вопрос жизни и смерти. Все кончится катастрофой.

Он поднял Печать и ударил.

— Ликвидировать, — приказал он. Фалды фрака услужливого господина затрепетали, и услужливый господин исчез.

Наконец зал совсем опустел. В нем остался лишь двойник, который имел внешний вид производителя счастья. Он осторожно и пугливо приблизился к столу.

- Это ужасно, зашептал он. Что происходит?
- Мы воплощаем идею, сказал диктатор.
- Я ничего не понимаю.
- Понимать не нужно. Нужно верить.
- Невероятно.
- Как раз невероятному и нужно верить. А кто ты такой, если отваживаешься?..
- Я твой двойник.
- Фу, братец. От тебя несет человечиной.
- Я твой двойник с человеческого берега.
- Тем хуже для тебя.
- Не губи меня. Я твоя лучшая половина.
- Что лучше, а что хуже? Что хорошо, а что плохо? Разве ты знаешь это, людской червячок?
 - Я это чувствую.
 - Где у тебя этот орган чувств?
- Во мне есть опыт рода человеческого. Мечта о правде и справедливости. Вот так.
- Xa-хa-хa, рассмеялся жутким смехом диктатор. Если мне правильно доложили, ты ведь мошенник?
 - Мошенник тоже человек.
 - Это звучит гордо, сказал диктатор.
- Я чувствую угрызения совести, сказал производитель счастья. Поэтому я человек.
- Угрызения совести враги власти, сказал диктатор задумчиво. Я должен тебя ликвидировать, приятель.

— Ах вы, интеллектуалы, — сказал диктатор с нескрываемо скрытой симпатией. — Вы даете нам работу, чтобы мы упрощали ваши сложности. Если тебя не будет, ты не будешь бояться.

— Ты безжалостен, — с горечью сказал производитель счастья.

Диктатор наклонился к нему и шепнул: — Да что я, приятель. Это всё Печать. Она совершенно вышла из-под контроля.

Я лишь колесико в механизме, который я помогал создавать. У меня тоже есть душа — надеюсь, это между нами. Всё, что имеет душу, зависимо. Свободным может быть только механизм.

•••

- Да будет так, смиренно сказал производитель счастья.
- А ты мне нравишься, приятель. Можно? Диктатор крепко ухватил Печать.
 - Бей, несправедливый.

Диктатор как будто на миг заколебался, но Печать сама начала подниматься, таща за собой руку диктатора.

- Всё за идею, сказал побледневший диктатор.
- Да здравствует смерть, торжественно сказал производитель счастья.

Печать взлетела до высшей точки, потом резко опустилась. Производитель счастья почувствовал безмерную пустоту, которая плотно обступала его. Он летел назад, в последнюю минуту увидев, что диктатор вдруг расплылся. На столе осталась лишь Печать. Потом исчез и зал, пустота все больше сгущалась. Он не мог перевести дыхание. Схватился за сердце. Проснулся.

Первое, что он услышал, был крик:

— Это он! Он!

Он хотел вскочить со скамейки и убежать. Но, открыв глаза, остался сидеть как приклеенный. Он быстро закрыл глаза и страстно мечтал о том, чтобы увиденное было еще сном. Он ущипнул себя за ляжку и осторожно открыл глаза. Ничего не поделаешь. Перед ним стояла бедняга-вдова Катарина. Она немного похудела, но это была она. В руках у нее был знакомый зонтик и большая сумка. Он закрыл лицо руками, ожидая удара ужасным зонтиком. Вместо этого он услышал слова вдовы:

— Миленький! Сладкий ты мой!

Производитель счастья застонал. О неумолимая сила любви, которая всё прощает. Он бы предпочел зонтик.

— Я тебя ищу по всему свету, — сказала бедняга-вдова. Производитель счастья посмотрел на ее ботинки. Они были стоптаны, разбиты, на левой ноге у нее торчал наружу грязный большой палец с засохшей кровью. Это было свидетельство подлинной любви. В эту минуту производитель счастья почувствовал жалость и понял, что спасения нет.

Перевод Н. Шведовой

шиеся до конца его жизни. Возможно,

ИЗ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ СЛОВАКИСТОВ

Н. Шульгина

ПРОШЛОЕ, КОТОРОЕ ВСЕГДА СО МНОЙ

Чтобы поделиться с читателями альманаха «Девин» своим опытом перевода произведений словацких писателей, я вынуждена вернуться во времена почти полувековой давности, когда книги словацких и чешских авторов переживали в России свой звездный час. Тогда они стотысячными тиражами выходили в ведущих издательствах, более того, была даже основана «Библиотека литературы ЧССР», которую на паритетных началах выпускали два крупнейших издательства — «Прогресс» и «Художественная литература». Кстати надо заметить, что, начиная с XVIII века, переводу в России отводилась особая роль в литературном процессе, и самый бурный его расцвет, как ни парадоксально, пришелся на постреволюционные двадцатые годы, а после некоторого спада тридцатых-сороковых годов в пятидесятые — уже после смерти Сталина — возродился с новой силой. Именно к тому времени отно-

сится невиданный разлив переводной литературы, причем огромное место в этом процессе занимает литература так называемых социалистических стран, и прежде всего Чехословакии. Это продолжалось до 1968 года, когда в страну были введены оккупационные войска, и святому делу сближения наших народов и культур был нанесен колоссальный урон, ничего общего с культурой не имевший. В стране на двадцать лет установился жесткий режим «нормализации», особенно ударивший по интеллигенции, и не в последнюю очередь — по писателям. Эту трагедию, разумеется, остро переживали переводчики, профессионально и лично связанные с Чехословакией. но их неожиданно спасло одно обстоятельство: судьба писателей в Чехии и Словакии складывалась по-разному. В Словакии она не была столь драматичной, как в Чехии: если на издание таких известных чешских писателей.

как Б. Грабал, М. Кундера, Й. Шкворецкий, П. Когоут, Л. Вацулик, А. Люстиг и других был наложен категорический запрет — их книги были изъяты из библиотек, их самих лишили возможности литературного заработка, а многих вынудили покинуть родину, — в Словакии дело обстояло значительно мягче. Эмигрировал Ладислав Мнячко, оказался в немилости Доминик Татарка, но все-таки большинство словацких писателей продолжали работать и издаваться. И если в наши печатные органы от Союза Чешских писателей поступила рекомендация (точнее разрешение!) издавать лишь трех прозаиков (председателя СП Я. Козака, секретаря В. Адлову и И. Кршенека) и шестерых поэтов, то руководство Союза Словацких писателей повело себя достаточно мудро и лояльно и тем самым избавило многих словацких писателей от судьбы чешских коллег. Более того, ССП приветствовал перевод любого писателя, достойного быть изданным в России.

Шел 1969 год. Первая делегация, которая прибыла из Чехословакии в СП СССР, состояла из трех человек: два словацких поэта Войтех Мигалик (тогдашний председатель ССП), Андрей Плавка и, конечно, их «сопровождающий». От нашего СП в качестве переводчика работала с ними я. Андрей Плавка был человеком весьма сдержанным, малообщительным, и, на мой взгляд, больше походил на строгого прозаика (я, правда, перевела несколько его стихотворений для сборника «Стихи и поэмы», выпущенного в 1974 году издательством «Прогресс»), а вот с обходительным и открытым Мигаликом у нас сразу сложились очень теплые, доверительные отношения, продолжав-

причиной тому был еще и мой перевод его стихотворения, рожденного стрессом поэта при виде советских танков на площади Братиславы. Стихотворение, насколько я помню, было напечатано в итальянской газете «Corriere della Sera», но мой перевод увидел только Войтех и несколько моих друзей. Зато, повторяю, он стал моим большим другом, и куда бы он ни наезжал — в Москву ли, в Прагу ли, где он подолгу бывал как председатель Федерального Собрания ЧССР, мы по возможности встречались. Естественно, в Братиславе я навещала Войтеха в его первой, а потом и во второй семье, когда он уже серьезно занемог сердцем. Помню, особенно забавными мне показались две наших встречи в Москве. Однажды он с семьей остановился в гостинице «Украина» с женой Верой Гандзовой, известной писательницей, и тремя дочерьми. Я вошла в их номер и увидала всех пятерых, включая девочку-подростка, с сигаретами во рту. Ну, не удивительная ли толерантность по отношению к детям? А однажды его и всю словацкую правительственную делегацию, поселили в бывшем хрущевском особняке на Ленинских (ныне Воробьевых) горах. Мигалик прислал за мной машину; после проверки документов машину пропустили за кованое ограждение особняка, и меня провели в огромный зал, где за столь же огромным круглым столом силели словаки и пели. Пели они часа полтора, а то и два без перерыва. Поначалу я чуть подпевала, а потом уже и не знала, куда деваться. Наконец, проверив таким же образом мои документы, меня выпустили за ворота и на машине отвезли домой...

Конечно, это всего лишь умилительные воспоминания о той поре, когда я близко начинала познавать словаков, их характеры, идентифицировать их, и Мигалик был одним из тех, кто помог мне сориентироваться в этом мире. А я, возможно, была для него человеком как бы «сторонним», с которым ему было легче делиться своими наболевшими раздумьями.

Войтех Мигалик — прекрасный словацкий поэт, очень выразительный лирик и справедливый, мудрый человек. У меня сохранилось несколько его поэтических сборников с теплыми автографами. Мне нравится его лирика, которая ему особенно удавалась.

Упрятать тяжесть горестных минут Во глубь сердец. В поспешной жизни драме Дорога не усыпана цветами, Не всякий час — полёт в голубизну.

Сильней любви — мечтания о ней. Как вечные любовники, встречаться На пару дней. Всегда в новинку счастье. Нет, жизнь иная не по нраву мне...

Следом за руководством ССП, в том же 1969 году, в Москву приехала большая делегация словацких прозаиков, поэтов и критиков, ведомых единой благородной целью — восстановить наши культурные связи, которые пытались разрушить люди, далекие от культуры. В составе делегации, с которой от нашего СП я также работала в качестве переводчика, были два Винцента — Шикула и Шабик, два друга, и они оба сразу стали моими друзьями на долгие годы. Винцент Первый писал, а Винцент Второй, критик и литературовед, объяснял читателям то, что писал Первый, ибо случалось, что тот не мог или просто не хотел объяснять того, что написал в творческом угаре. Винцент Шабик, по сути, стал моим поводырем по творчеству Шикулы и по словацкой литературе в целом.

Вскоре руководство издательства «Прогресс», где я работала редактором, поручило мне составить сборник

рассказов Шикулы. Однако выпуск сборника — «На концертах не аплодируют» — в назначенный срок не состоялся, ибо сотрудник ЦК перепутал его с чешским писателем И. Шотолой, активным деятелем Пражской весны, и книжка Шикулы ждала выхода в свет около трех лет. Но не было бы счастья, да несчастье помогло: рассказы молодого словацкого писателя понравились в редакции журнала «Иностранная литература», их напечатали, и с тех пор он стал автором этого журнала, я — его переводчиком. Шел 1971 год. Это был старт его известности в России, причем по его литературной судьбе можно судить, как перевод авторов, пишущих на языках «малых» стран, невообразимо расширяет круг их читателей. И сейчас, спустя почти полвека, без излишней скромности могу сказать, что в его популярности, в публикации большого числа его произведений — моя немалая

заслуга. Влюбившись однажды в его хрустально-прозрачную прозу (лишь иногда и ненадолго отвлекаясь на другие переводы), я была профессионально верна ему почти два десятилетия. Реализовались слова Вольтера: «Кто хочет заниматься переводом, тому надлежит выбрать автора, как выбирают друга, чтобы его вкус соответствовал вашему». Таким автором и другом стал для меня Винцент Шикула. За сорок пять лет моего переводческого труда никто из словацких или чешских писателей (а их множество) не стал для меня таким близким — и творчески, и по-человечески, — каким был Винцо. Начав с перевода его рассказов, я без малого 20 лет шла за ним буквально по пятам, переводя почти все, что он тогда писал: так в моем переводе вышла сорокалистная (свыше шестисот страниц) трилогия «Мастера» — первая книга в журнале «ИЛ» (1979), потом целиком (книги «Мастера», «Герань» и «Вильма») в издательстве «Прогресс» (1981), новеллы «Иволга» («Радуга»,1981) и «Солдат» (Библиотека «ИЛ»,1985), дважды переизданные в издательстве «Художественная литература» («Библиотека ЧССР», 1985), и книжки для детей в «Детгизе» («У пана лесничего на шляпе кисточка», «Дюро, привет Дюро», «Яичко курочки лилипутки», 1985).

Сочная речевая стихия Шикулы, его словарная виртуозность, раскованность лексики и синтаксиса предоставили мне возможность проявить свой языковой потенциал, свою увлеченность народной речью так, как, пожалуй, ни один другой текст впоследствии. В ту пору мне доводилось часто общаться с Винцо: я нередко

бывала в Словакии, он подолгу жил в «Гамрштиле» (название его дома под Модрой), когда один, когда с семьей — женой Анной и двумя маленькими детьми. Иногда я оставалась там ночевать, и мы подолгу, случалось за полночь, беседовали — говорил, собственно, один Винцо, но, отправляясь на покой, всегда заключал: «Как хорошо мы с тобой поговорили!» Шикула был необыкновенно щедр в общении: обращенный к людям, он всегда искал сближения с ними. «Я хочу, чтобы люди надоедали мне, чтобы они всегда были перед глазами, чтобы они постучались ко мне или просто вошли без стука». Выдумщик и импровизатор, он завораживал своими бесконечными «былями и небылицами», когда было даже трудно определить, где кончается его устный рассказ и начинается литература. Литература была способом его существования, его жизнью, она, словно ростки бамбука в китайской пытке, прорастала сквозь его душу и тело. Хочется отметить еще один фактор, который помогал мне переводить его прозу: мне удавалось побывать почти во всех тех местах, где совершалось действие его книг. Это не только Западная Словакия, откуда он родом, но и Средняя Словакия, а точнее тот самый Липтовский и Турчанский край, по которым топал его безногий Солдат.

А однажды довелось Винценту получить десятидневную поездку в Алма-Ату. Я сопровождала его как переводчик. Нас поместили в гостиницу, которая не отапливалась, мы дико мерзли — я согревалась горячим чаем, Винцент — русской водкой, к которой не привык. Казахские писатели, казалось, дней на пять забыли о нас, и Вин-

цо что ни день ходил со мной на южный алма-атинский рынок, сидел подолгу в чайхане, прислушивался к разговорам, хотя не понимал ни слова, но для него главным была интонация речи. Он вообще любил слушать речь людей на улице, их голоса, их ругань. Думаю, все это привлекало его с точки зрения звучания языка, его раскованной естественной интонации, пойманной на лету, внезапно. Все эти языковые элементы, как то: импровизация, поэтичность, метафоричность, юмор и веселость повествования, составляющие его глубинную словацкость, требовали особой формы, особого подхода к переводу. В плане языка мне тогда очень помогла весьма популярная в 70-е годы русская «деревенская проза» В. Распутина, В. Белова, Ф. Абрамова, В. Астафьева, содержащая огромный духовный и эстетический заряд: эта литература, пожалуй, впервые в советской литературе правдиво показала обыкновенного человека во всем объеме его сложной и богатой жизни. В центре произведений Шикулы были такие же незамысловатые, но при этом мудрые люди, обитающие на Словацкой земле: все эти крестьяне, ремесленники, музыканты, веселые нищие, бродяги и чудаки (вспомним «Чудиков» Шукшина). Близкие героям русской «деревенской прозы», они естественно вошли в круг чтения русского читателя и полюбились ему. Здесь хотелось бы вспомнить одну любопытную деталь: тогда как ортодоксальная отечественная критика обвиняла Шикулу в том, что в романах «Герань» и «Вильма» он выбрал не того героя, вернее негероя (образ Имро), что не так изобразил Словацкое национальное восстание, не показав руководящей роли коммунистов, его трилогия была издана в России многотысячными тиражами.

Дорога — основной мотив произведений Шикулы; по ней идут его соотечественники, которые не знают ненависти, как и их собрат-сочинитель. «Я верю в добро, оно не умирает, смертна только ненависть... Только добро передается от поколения к поколению». Винцент в равной мере писатель и музыкант от Бога. Музыка пронизывает его прозу: она движет его сюжетами, композицией, потоком ритмичной речи. Он играл на многих инструментах, и до конца жизни его органная музыка сопровождала храмовые праздники, венчания и похороны. Верующий христианин, он с детства мечтал стать священником. Этого не случилось, но свое писательство он воспринимал сродни этому служению. Да и ушел он из жизни за компьютером, создавая роман о судьбе католического священника, загубленного коммунистическим режимом. Царящего в мире зла его сердце не выдержало...

Наше сотрудничество длилось до начала 90-х годов, когда для большинства издательств тонкая, полифоничная, очень национальная проза Шикулы оказалась не прибыльной. Лишь в 1998 году мне удалось опубликовать в «Дружбе народов» его рассказ «Соло для валторны» вместе с рассказом Рудольфа Слободы «Осенняя (но) сильная любовь». В последний раз я встретилась с Винцо на кладбище близ его родной Дубовой, где стоит огромный белого мрамора крест, на котором золотым курсивом перечислены все его книг.

Литературоведению известно такое явление как «бродячие сюжеты».

Винцент Шикула с семьей за два месяца до кончины

Сейчас, когда вспоминаю мои переводы словацких авторов, я обнаруживаю одну закономерность: мой выбор того или иного автора, того или иного произведения, насколько это было возможно, совпадал с течением, господствующим тогда в русской литературе. Тут я осмелюсь перефразировать бытующее у нас выражение «Поэт в России больше, чем поэт!» и применить его к переводчикам, работающим с литературой «малых» стран: да, такой переводчик в России больше, чем переводчик. Мне приходилось искать, отбирать и «пробивать» в издательствах то, что я считала достойным и близким вкусу достаточно избалованного русского читателя, а уж потом заниматься собственно переводом. Шикула оказался моим стержневым автором: все, что я переводила в те годы, так или иначе было сродни тому, что заронил во мне Шикула, то есть с темами, стилем и героями ярко выраженной национальной «деревенской прозы».

Так в 1978 году в моем переводе в издательстве «Детская литература» тиражом в 75000 экземпляров вышла

книга Маргиты Фигули «Детство». Совершенно другой стиль, другие образы, другое художественное мышление, но все та же словацкая деревня, те же горы, леса, тот же ее аромат. И мне удалось познакомиться с пани Маргиткой, как ее тогда называли, побывать на Ораве, на ее родине, душевно сблизиться с ней. Она стала моим искренним другом, часто писала мне, многое объясняла. Мне, коренной москвичке, откуда было знать все эти бесчисленные реалии словацкой деревни, ее рабочего инвентаря, одежды, растительности и прочего, чего нельзя было найти в словаре! У пани Маргитки хватало терпения объяснять эти реалии, и делала она это с радостью — была счастлива, что книгу издадут в России, в стране, любовь к которой ей была привита родителями еще с детства. Я узнала ее, когда она была уже измученной болезнями пожилой женщиной с дрожащими руками. Бывая в Братиславе, я навещала ее. Она жила в роскошном особняке, стоявшем в Лисьей долине на берегу Дуная. Сейчас мы уже привыкли к великолепию дворцов на-

ших богатеев, но в ту пору ее особняк ошеломил меня: двухъярусная гостиная, белого мрамора лестница, ведущая на второй (словацкий первый) этаж. Помню, как мы с ней стояли на этой лестнице, и она уговаривала меня взяться еще за одну ее историческую книгу, написанную стихами. Этого не случилось, да и существовала ли такая книга — неизвестно. Она жаловалась, что у нее украли рукописи, но было ли это в действительности или это был лишь плод ее болезненного воображения, как результат обид, нанесенных ей некогда ее литературными собратьями — до сих пор остается загадкой. В одном из писем она писала мне: «Не только группа писателей поколения тридцатых годов, к которому принадлежала и я, но и большинство действительно выдающихся художников в ту пору подвергалось незаслуженным гонениям. В лиризованной прозе (течение в словацкой литературе — Н. Ш.) новая критика умышленно не желала видеть то, что ее представители обращались к социальной тематике; она делала упор лишь на форму и стиль их творчества, где, в отличие от критического реализма, на самом деле весьма умеренно использовались поэтические компоненты; при этом их произведения несли в себе массу поистине гуманистических идей, призванных освободить человека от рабства, нескончаемых бедствий, унижений и бесчеловечности».

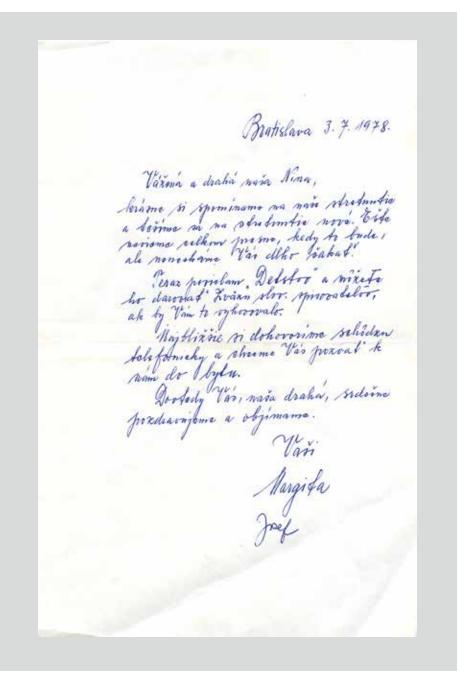
История с кражей рукописей была известна в литературных кругах Братиславы. Много позже, переводя пьесу Евы Малити «Усталая Медея», я обнаружила в сюжете некоторые ее отголоски. Оказалось, что пани Маргитка Еве

Малити — и, думаю, не только ей — не преминула рассказать про то, что преследовало ее до конца жизни.

Свои воспоминания о Маргите Фигули я хочу завершить одной деталью, которая каким-то мистическим образом связана и с моей судьбой. Пани Маргитка родилась на Ораве в деревенском доме, в котором за шестьдесят лет до этого появился на свет Павол Орсаг Гвездослав, и училась в школе, из окна которой она часто видела его за работой. Тогда, оглядывая этот дом, я и представить себе не могла, что через шесть-семь лет за свою переводческую деятельность буду удостоена премии имени этого великого словацкого стихотворца. Среди всех моих наград эта премия остается для меня самой дорогой.

Переведенные мной (совместно с другими переводчиками) в конце 70-х годов новеллы-притчи Альфонса Беднара «Дом 4, корпус Б» также вписались в контекст тогдашнего тренда советской русской литературы. А. Беднара, крестьянского сына, немало интересовала психология вчерашних деревенских жителей, обосновавшихся в городе, — тема, близкая нашему читателю, ибо разрабатывалась во многих очень популярных тогда книгах русских писателей, остро ставивших вопросы нравственного порядка.

Однако деревенская тематика моих переводов завершилась иным, мощным аккордом. В начале 80-х годов по совету критика Винцента Шабика, державшего меня в курсе всех интересных замыслов словацких авторов, я дождалась выхода в свет романа «Тысячелетняя пчела» Петера Яроша и приступила

Письмо М. Фигули Н. Шульгиной

к его переводу. Роман, который Шабик рассматривал как образец магического реализма, представляет собой широкое эпическое полотно, своего рода хронику трех поколений словацкой семьи Пихандов, обитателей местечка Гибе в Средней Словакии. Я с удовольствием вспоминаю Петера, большого, улыбчивого, раблезианского склада человека, гостеприимно принимавшего меня в двух своих домах, братиславском и загородном, помню его дочь Кристинку, крупную девочку, всю в отца, и его жену-красавицу Зузку. Мне кажется, такой жизнеутверждающий человек, как Ярош, не мог и написать ничего иного. «Тысячелетняя пчела» — гимн радости жизни, любви, душевному здоровью, но прежде всего — трудолюбию и выносливости слованкого человека. Это поистине мощный народный эпос, где перу Яроша оказалось все доступно и дозволено: и жесткая реальность, и откровенная эротика, и юмор, и восторг перед духовной и физической стойкостью человека. Незабываема работа над романом: в этой связи я не могу не упомянуть имени моей прекрасной и редкой души подруги, с которой я дружна с 1967 года. Это Ружена Жьяранова-Дворжакова, блестящий переводчик «Войны и мира» Толстого, «Прощания с Матёрой» Распутина, повестей Паустовского и великого множества произведений русской и французской литературы. Но в данном контексте важно, что она — уроженка Липтовского Микулаша, землячка, чуть ли не односельчанка Яроша. Тогда она со своим мужем отвезли меня в Гибе, на родину Яроша, где по-прежнему жил его отец, могучий старик с огромными, натруженными руками,

каких я не видала никогда в жизни. Это, конечно, с него писал Ярош образ старого Пиханды, патриарха живучего словацкого рода, и исполненного затем Йозефом Кронером в одноименном фильме знаменитого режиссера Юрая Якубиско. Старый Ярош угощал нас галушками, а потом мне показал предметы деревенского обихода и громадного хряка в хлеву. И еще об одной детали романа хочу упомянуть: молодой Петер Пиханда во время Первой мировой оказывается в русском плену, а затем участвует в событиях Октябрьского переворота, причем Ярош изображает их с такими фактическими искажениями и неточностями, что они потребовали существенной редактуры, ибо могли помешать публикации романа, а их было три (одна в журнале «ИЛ», 1982, две в издательстве «Радуга», 1982 и 1988). Пришлось исправить слишком одиозные ошибки и попросить у Яроша авторизацию. Однако сейчас, когда наши прежние понятия в корне изменились, мне приходит на ум, что авторская несерьезность и скоропись изложения тех событий была нарочитой, подчеркивающей их неправомочность и случайность.

Приближались времена «перестройки». Перестраивались не только общественно-политические устои страны, но и планы издательств. Авторам и переводчикам нередко возвращались рукописи неопубликованных книг. Менялись читательские интересы. Ослабело увлечение «деревенской прозой», уже сказавшей свое слово — в советской литературе набирал силу жанр психологической прозы с ее нравственно-этическим императивом (Ю. Трифонов, В. Маканин, Ю. Дом-

бровский), особой популярностью стал пользоваться исторический роман с его непременными аллюзиями на современность (В. Пикуль, В. Чивилихин, Ю. Давыдов). К этим литературным предпочтениям неизбежно приспособился и мой отбор произведений словацких авторов. Так в 1984 году я перевела своего рода фарс на производственный роман — книгу «Ван Стипхоут» Любомира Фелдека, крупного поэта, драматурга, сказочника, блестящего переводчика Шекспира и современных русских поэтов, но автора всего лишь одного произведения в прозе, что дало ему основание однажды в шутку сказать: «Нина перевела всего Шикулу и всего меня».

Прототипом Ван Стипхоута Фелдеку послужил словацкий писатель Ян Иоганидес, малоизвестный у нас, но довольно популярный в свое время на Западе, особенно в Англии. Очень незаурядный, свободно мыслящий, по его собственному определению — «европеец», автор многих сложных психологических новелл, Иоганидес изображен Фелдеком с необыкновенным юмором, отсылающим русского читателя разве что к Ильфу и Петрову. Сюжет достаточно прост: два выпускника университета, два товарища-журналиста распределены на завод «Тесла Орава», чтобы освещать его высокие производственные показатели. Один (Фелдек) описывает другого (Иоганидеса) так: «Прозаик еще в университетские годы (и даже позже, когда, совершив прогулку по городу в одном исподнем, поневоле оказался свободным художником) способен был столь же неожиданно покидать столицу, сколь неожиданно в нее возвращаться. После

каждого его возвращения в мужских и женских туалетах университета Коменского появлялись такого рода надписи: "ПОЛУНДРА! ВАН СТИПХОУТ В БРАТИСЛАВЕ!"» Это восклицание можно было бы отнести и к иным сферам жизни Иоганидеса, а главное, к его месту в словацкой литературе. «Иоганидес — один из немногих словацких писателей, кто вышел на европейский уровень», — сказал о нем английский профессор филологии Дональд Рейфилд. Я перевела всего один рассказ Ионидеса «Дон Жуан» («Меценат и мир» №45-48), многажды изданный в Англии, но образ Ван Стипхоута глубоко засел в моей памяти, ибо живой Иоганидес, с которым я встретилась на семинаре в Будмерицах незадолго до его кончины в 2008 году, абсолютно соответствовал герою романа: он был таким же раскованным, шумным и неуёмным.

С Любо Фелдеком и его женой Ольгой, писательницей с внешностью голливудской кинозвезды и, кстати, матерью пятерых детей я дружу до сих пор. Любо порой присылает мне свои репортажи, которые он регулярно пишет для газеты «Смэ» («Мы»), и если они представляют интерес для нашего читателя, мне иногда удается опубликовать их в нашей периодике. Так, например, в одном из номеров «Экслибриса» («НГ») в 2014 году мы вместе с Любо отметили день рождения Булата Окуджавы. В последнее время Фелдек присылал мне небольшие пьесы: «Смерть в розовом», посвященную Эдит Пиаф, и «Смерть в Стратфорде», которой отметил 400-летнюю годовщину смерти Шекспира, причем роль Шекспира исполнил сам Любо, а супругу великого

драматурга — его дочь Катка Фелдекова. Не прекращалась наша дружба и в середине 90-годов, когда семья Фелдеков из-за сложившейся малоприятной для себя обстановки в родной Словакии была вынуждена переехать на какое-то время в Прагу. О, как не похож был дом на окраине Праги на братиславскую виллу с голубой водой в бассейне и огромной черешней перед входом. Черешню, правда, однажды спилили, о чем я немало горевала, ибо для меня, человека северного, дерево черешни, усеянного спелыми ягодами, представлялось чудом. Да и сами обитатели пражского жилища показались мне без былого блеска, без радости и присущего им юмора. Чужая была им Прага, и они были ей чужие. И как я обрадовалась, когда некоторое время спустя вновь встретила эту блистательную пару в Клубе писателей в Братиславе — что ж, дело известное: где родился, там и пригодился... Даже если неповторимая Прага в нескольких часах езды.

Среди моих работ не могу не отметить перевод повести тогда еще молодого писателя Андрея Ферко «Просо» («Радуга», 1989). Математик по профессии, А. Ферко обладает очень выразительным почерком, сделавшим для меня эту повесть весьма привлекательной. Да и ее содержание для советской литературы было тогда необычным. «Острая юмореска» — уже подзаголовок повести предупреждает о неизбитой трактовке комического, о неком «остром» юморе, окрашивающем невеселое повествование про дом престарелых, про эту печальную обитель, о которой и говорить-то было не принято в стране Советов, поскольку «старикам везде у нас почет». В отличие от «бессердечного» Запада, где старичьё отдавали в казенные дома, у нас еще долго это дело считалось бесчеловечным и безнравственным. Повесть с ее жестокой реальностью, выраженной очень специфическими ненормативными языковыми средствами, было в ту пору чтением волнующим и поучительным.

В 2011 году Андрей Ферко поразил меня своей новой книгой «Самая печальная история любви» с подзаголовком «Роман о запретной любви в гротескном временном пространстве Средней Европы в период трех войн второй, холодной, приватизационной». В определенном смысле — новый вариант шекспировской драмы: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». Но если там против любви героев выступают два враждующих старинных рода Монтекки и Капулетти, на героев Ферко — на двух возлюбленных еврейской национальности — обрушивается страшное, некое мистическое зло, воплощенное в словацких гардистах-глинковцах. Об этом ужасе XX века уже много написано, но Ферко в силу своей необычной стилистики, которую формально можно отнести к гиперреализму, сообщает книге, на мой взгляд, особый смысл: как люди, принадлежавшие по определению к «голубиному» народу, но зараженные фашистскими идеями, превращаются в нелюдей. Книга была прислана автором явно с надеждой на перевод, и надо сказать, она не оставляет меня до сих пор.

В том же году и в том же издательстве, что и повесть А. Ферко «Просо», вышел роман Антона Гикиша «Время

мастеров». В России исторический роман всегда считался особо популярным жанром, и роман словацкого автора не стал исключением — изданный тиражом в 50000 экземпляров, он достаточно быстро разошелся. Роман посвящен династии знаменитых штявницких мастеров на рубеже XV-XVI веков, один их которых, оставив шедевры живописи и скульптуры поздней готики, вошел в историю искусства под таинственными инициалами «MS». В романе Гикиш связывает борьбу мастеров за право на творчество с борьбой горнозаводских рабочих и крестьян Банской Штявницы с заводчиками и феодалами, что, конечно, придает ему необходимую социальную остроту. Моя поездка с автором на место действия «Тринадцатого часа», второй, мною переведенной части романа, оказалась весьма продуктивной, визуально и стилистически приблизившей ко мне события Средневековья, далеко переросшие региональные рамки.

В 90-е годы, когда издательства стали ориентироваться прежде всего на прибыль, я на потребу читательскому вкусу перевела роман Йожо Нижнянского «Кровавая графиня» («Ладомир», 1994, в оригинале «Чахтицкая госпожа»), в основе которого лежит легенда о венгерской графине Батори, что поддерживала красоту и молодость, купаясь в крови деревенских девушек. К сожалению, роман авантюрно-развлекательного жанра, тяготеющего к различного рода вариациям на тему «Дракулы», не принес издательству ожидаемого успеха. Думаю, прежде всего, это объясняется его безвкусным оформлением, ибо сам текст достаточно увлекателен и легко читается.

Наконец я подошла к двум словацким писателям, работающим в жанре отчетливо выраженного психологического романа: это Душан Митана и Рудольф Слобода.

Душан Митана — блестящий рассказчик, романист, глубокий психолог, интересный собеседник, мыслящий автор и мой давний друг. Я перевела его роман «Конец игры» (1987, «ИЛ» и «Радуга», 2011, аудиокнига) и несколько рассказов. Встречались мы с ним нечасто, но и редкие встречи помогли мне лучше узнать его и понять его литературу. Это человек лабильной психики, тонкой душевной организации, склонный к депрессии, к «самокопанию», подчас даже к мыслям о самоубийстве. Как-то раз он стал рассказывать о «темном безумии», что длилось несколько месяцев: он не мог работать, не в силах был даже подняться с постели. Господи, молился он тогда, спаси меня от самоубийства. Мне что, выброситься из окна? Мой кот както выпрыгнул из окна и выжил! А ну как я выпрыгну из окна, весь поломаюсь и буду потом, как идиот, в кресле-каталке ездить, смеялся он. Говорил Душан и о своих литературных пристрастиях: особенно ценит он Альбера Камю, роман «Посторонний» — для него своего рода Библия. Много рассуждал Душан и о словацкой литературе: самой достойной книжкой Доминика Татарки он считает «Плетеные кресла», но многого из его творчества не принимает совсем, считая его писателем несколько переоцененным. Из классиков больше всех его привлекает Франтишек Швантнер, из современников — Рудо Слобода. И в моей переводческой хронологии то ли случайно, то ли закономерно — Душан Митана и Рудо Слобода оказались рядом, завершив двумя своими романами curriculum vitae моей почти непрерывной связи со словацкой литературой 70–80 годов — на мой взгляд, самого яркого и плодотворного двадцатилетия прошлого века.

Оба романа, по сути, восходят к «Преступлению и наказанию» Достоевского. Герой романа «Конец игры» Митаны — Петер Славик — этакий оборотень Раскольникова и полная противоположность самого автора. В аффекте он убивает жену, Гелену Барлову, но его отнюдь не мучают угрызения совести и не гложет, пользуясь выражением Достоевского «чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством». В отличие от Раскольникова Петер Славик отвергает возможность «принять страдание» и облегчить свою совесть заслуженным наказанием. В романе Митаны преступление остается без наказания, а это уже чисто митановское, современное толкование проблемы, очень русской по духу, мучившей не только Достоевского, но многих писателей России. Образ Гелены Барловой, круг чтения которой Достоевский и Толстой, Шукшин и Айтматов, Распутин и Бондарев, Зощенко, Ильф и Петров, определенно близок самому Митане, и ее убийство Славиком, как мне думается, обретает в романе символический смысл.

Герой романа Слободы «Разум» — антипод Петера Славика. Его таки гложут угрызения совести. И потому, пожалуй, никого из словацких писателей я не ощущала таким «русским», как Рудо Слободу. «Лишний человек», «убитый человек», говорит он о себе, рассматривая самоубийство, как способ «прекращения невыносимого состояния пустоты».

«Эти долгие ночи без слов! Что придумать, чтобы жить дальше?! Мое состояние — это уже не скепсис, не злость, не отчаяние. Это просто смерть. Моя душа мертва, и я худший из всех преступников на свете. Те, возможно, оправдывали свои преступления обязанностями или страстью к наживе, но отупение чувств, которые путаются у меня в голове, равносильно смерти. Я убитый человек».

Тяга к рефлексии, к философской медитации, его раздвоенность, родная сестра «двойничества» у Достоевского — всем этим полнятся его книги, и как бы ни были ощутимы в них истоки мировой литературы — Толстой, Пруст, Камю, — Достоевский во главе этой шеренги. «Герои Достоевского притягивают меня больше всего, потому что их мучают угрызения совести... Иногда мне кажется, что и мои герои вращаются на тех же самых орбитах, чуть ли не в Петербурге...» Творческий поиск Слободы, отвечая духу нашего времени, во многом перекликается и с советской прозой последних десятилетий — от исповедального романтизма шестидесятых (В. Аксенов, Ю. Казаков, Ю. Нагибин) до жесткого реализма девяностых (В. Астафьев, В. Маканин). С ним лично я встречалась раза два, не больше, но разговоры с ним смешались в моей памяти с его раздумьями в романе «Разум», написанным от первого лица. Моя творческая дружба с ним завершилась переводом его провидческого рассказа «Живокость цветет», законченным за два дня до его самоубийства. В память о нем, о его трагическом уходе из жизни мне хочется привести этот рассказ полностью — короткий, какой была и его жизнь.

Рудольф Слобода

ЖИВОКОСТЬ ЦВЕТЕТ

Стояла темная ночь, было новолуние — слово, которое я в детстве не понимал, но в календаре оно значилось. Противостояло ему полнолуние. Его я не любил, мне казалось, что в полнолуние нельзя спать, что полная луна побуждает нас выйти из дому и работать.

Да, тогда была темная ночь, я шел, за мной несли гроб. Всю жизнь я боялся гробов, как бы хорошо они ни были убраны. А сейчас хоронят меня — идут меня хоронить в родной деревне, рядом с отцом, уснувшим девять лет назад. Я всегда хотел этого. Будет у нас с отцом общий крест, благо и имена у нас одинаковые.

Временами я впадал в беспамятство. Вокруг полнейшая пустота, ничего. Но осознавал я эту пустоту лишь потому, что, подойдя к Новой Веси, мы не минули по пути ни Загорскую Весь, ни Загор. Мы шли полем, повсюду стояла тишина, но была ли действительно осень — одному Богу известно.

Правда, я слышал плач, причитания, какие обычно бывают на похоронах. Спрашиваю подружку, которая держала меня под руку справа: — Катка, я не очень тяжелый? — Но она не слышит меня. Она живая, и уши ее — для живых. Слева поддерживала меня Зузка, но и она не услыхала вопроса.

Мы подошли к открытой могиле — сейчас, ясное дело, меня станут заталкивать в гроб. Но я вскарабкался на дерево и озираюсь вокруг. Никто не ищет меня. Мое тело в гробу, а на дереве лишь Я — дух. Начались похоронные речи. У могилы собрались церковные иерархи со всего мира, представители всевозможных организаций и партий, всемирных движений, легальных и подпольных союзов из дальних стран, кто в военной форме, кто в тюрбанах, индианки, китаянки, полуобнаженные женщины с островов Океании. Я спрашиваю себя: — Уж не судный ли день настал?

А похоронному обряду конца-края нет.

Я слез с дерева и ну сновать между живыми. Само собой, никто меня не слышит и не видит.

Пошел я домой, к родному очагу. Там всё в порядке. Была ночь, тьма кромешная, но я-то всё вижу: вот мой полоз, живущий под акацией, собирается на охоту, чуть в сторонке, в траве, шныряет со своим детёнышем ёж, а над головой, шурша листвой, проносится летучая мышь. Мои собаки и кошки спят, но я-то вижу: кошкам про запас налили молока, а перед собачьей будкой белеют завидные кости. Собаки меня не почуяли. Я влез к ним в будку и в дверцу гляжу во двор, куда всегда выходил погулять, где с малолетства играл, а потом сидел за книжками. Вхожу в дом. Кровать уже успели вынести — она стоит во дворе, проветривается. Холодильник работает, а как отключится — перестает гудеть, и счетчик враз останавливается.

Выхожу со двора, взбираюсь на ближний холм и слышу в кустарнике голос: — Поди сюда!

Оглядываюсь — нигде никого.

- Да иди же сюда! опять голос. Теперь узнаю. Отец. Его голос. Продираюсь сквозь кустарник, иду вслед за голосом отца не видать.
 - Где ты, отец? спрашиваю.

Он отвечает, но я не вижу его, хотя голос совсем рядом: — Тут я!

От радости у меня потекли слезы. Никогда ничего я так не хотел, ни о чем другом так не мечтал — только бы еще разок свидеться со своим отцом! Счастья моему конца нет, мне бы коснуться его, но оба мы бестелесные.

Отец говорит: — Не сердись, Рудо, что я на похоронах твоих не был, тебя бы это только с толку сбило. Я знал, что ты сюда придешь, что любишь это место.

Я оглядываюсь и вижу: мы стоим на красивом лугу, а на востоке светлеет небо. Спрашиваю: — Отец, где мы — на небе или в аду? Ты где живешь?

Отец говорит, и я по голосу чувствую, что он улыбается: — Я здесь, у себя дома. Такой указ вышел! Кто отчий край любил, кто любил свою родину и никогда не предавал ее, тот на одном месте остается навечно. Такой указ вышел!

— А как же я? — спрашиваю.

Отец молчит.

— Ты где, отец? Ты здесь?

И что я вдруг вижу?!

Все мои собачки, кошечки и зверушки, что умерли дома у меня на глазах, все осы, мухи, комары, канарейка — все они в этом кустарнике и все они — духи. Приближаясь, они приветствуют меня звуками — жужжат, плачут, скулят, мяукают. Вот мои любимые собаки — Тарна, Ирис, которую я убил от отчаяния, пес Бояр, эпилептик Уру, пристреленный охотником потому, что он мучился страшными приступами, а вот мои кошечки, с которыми я играл в детстве, и их друг Дунчо. Все, все бегут ко мне.

Я несказанно счастлив: подтвердилась моя теория, что и у зверушек — душа бессмертна. Мы все вместе идем домой, в наш сад, и что же я там вижу: цветет живокость! Метра в два высотой, душистая, нежная, и ее хрупкие синие цветы вызванивают прекрасную мелодию. Она склоняется ко мне — ведь я всегда поливал ее, удобрял и плакал над нею, и вот она живет и цветет пышным цветом.

— Моя чудесная живокость, как я рад, что вижу тебя здесь, ты самый красивый и душистый цветок моих ушедших дней, как я рад, что Бог справедлив и милостив не только к людям, но всем живым и неживым созданиям дарует вечную жизнь.

На востоке небо уже вовсю разгорелось, через час-другой взойдет солнце. Я уже ощущаю его зной, хотя свет его все еще рассеивается.

В большом камне на Сандберге, где много миллионов лет назад разливалось море, я нахожу лунку, которая, возможно, служила убежищем червяку, втискиваюсь в нее и вижу, как там, в камне, мелькают молекулы... И, как в былые дни, я засыпаю в этой лунке тем сладостным сном, какой обычно приходил ко мне на рассвете перед восходом солнца.

С развалом Советского Союза, как ни парадоксально, моя связь со словацкой литературой в значительной степени ослабла. Государственные издательства рухнули, образовалось бессчетное количество коммерческих издательств, которых уже мало привлекала литература «малых» стран, не приносящая прибыль. Лишь иногда мне еще удавалось издать в некоторых журналах («Дружба народов», «Меценат и мир») некоторые рассказы Шикулы, Митаны, Слободы, Иоганидеса, Балцо, Виликовского и др. В этом очерке я опустила многие свои переводы, которые не оставили особого следа в моем «послужном» списке (статьи Лацо Новомеского или книга эксминистра иностранных дел ЧССР Богуша Хнёупека «Ломая печати», посвященная Словацкому сопротивлению во время Второй мировой войны), а сосредоточила свою память лишь на авторах, сыгравших немалую роль в моей творческой и личной жизни...

Однажды, уже в середине 90-х, неожиданно пришла ко мне молодая словацкая писательница Ева Малити Франёва. Ее рассказы и пьесы показались мне интересными, многие из них я перевела и опубликовала в журнале «Меценат и Мир», а две пьесы «Коршак Бессмертный» и «Деву в пещере» — в журналах «Современная драматургия» и «Балтийские сезоны». В 2015 году нам с Евой удалось выпустить книжку рассказов словацких писательниц «Кофе с Бахом, чай с Шопеном» (изд-во «Форум»), Ева составила книгу,

я перевела. А взявшись за перевод этой книги, я, пожалуй, не изменила своему основному принципу: предлагать русскому читателю то, что очевидно вливается в русло нашей современной литературы. А она, как известно, пестрит сейчас женскими именами: Петрушевская, Толстая, Токарева, Улицкая, Рубина и т. д. Некоторые авторы рассказов — мои бывшие подруги или добрые знакомые (Вера Швенкова, Ольга Фелдекова, Гелена Дворжакова, Этела Фаркашова и др.), работая над переводом, я вспоминала их, и на душе становилось теплее... На мой взгляд, книжка получилась удачной.

Переведенные мною писатели были разными по масштабу дарования, по уровню речевой культуры, по стилистике и «силе языка», но я всегда очень бережно относилась к оригиналу текстов. Правда, еще Рабле говорил, что перевод, как женщина, которая неверна, если она красива, и предана, если невзрачна. Но я стремилась свести до минимума это противоречие. Думаю, в какой-то мере мне это удалось еще и потому, что я всегда старалась найти в русской литературе некий камертон, чтобы добиться предельно русского звучания своих переводов, но при этом не предать авторов, доверивших мне свое детище. Мой очерк, по сути, есть выражение великой благодарности тем, кто помогал мне в благородном деле сближения наших литератур и народов — эта близость всегда была и всегда будет!

ХРОНИКА

Н. Левшунов

200-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЮДОВИТА ШТУРА

28-го октября 2015 года исполнилось двести лет со дня рождения политика, поэта, журналиста, философа, лингвиста, создателя кодифицированного словацкого языка, мыслителя, будителя словацкой нации и революционера Людовита Штура (1815–1856). В связи с этим по всей Словакии прошли в школах и университетах, в местах, связанных с жизнью и творчеством Штура, многочисленные мероприятия. Не остался равнодушным к этой дате, включенной в список памятных дат ЮНЕСКО за 2014-2015 гг., и Словацкий институт в Москве, который 22 октября 2015 года в честь этого события организовал Торжественный вечер с потрясающей концертной программой, а также открытие выставки «Вехи жизни Людовита Штура».

Начало концерту положила вступительная речь директора Словацкого института Яны Шмигулы. В ней он указал на особую роль Людовита Штура в современной словацкой истории, а также на то, что год 2015 официально празднуется в Словакии как год Людовита Штура и что данное мероприятие было не первым, и не последним мероприятием, устраиваемым Словацким институтом в этот году в честь этой великой личности. «Это был человек высоконравственный, неподкупный, остро чувствующий и социально активный, тот, кто смог пробудить словацкий народ ото сна» — именно так господин Шмигула охарактеризовал юбиляра.

В рамках официальной части состоялось ещё одно выступление — с речью ко всем присутствующим гостям обратилась профессор кафедры славянской филологии Московского государственного университета, председатель «Общества Людовита Штура» Алла Герма-

новна Машкова. Зрители услышали об основных этапах жизни и творчества Людовита Штура, а также представила деятельность «Общества Людовита Штура» и рассказала о скором выходе первого номера альманаха «Девин».

После официальной торжественной части на сцену был приглашён замечательный словацкий фольклорный танцевальный коллектив «Тренчан» при гимназии им. Людовита Штура в городе Тренчине, что явилось приятной неожиданностью для поклонников словацкой народной культуры. Два их выступления, в каждом из которых было исполнено три народных танца, национальная словацкая музыка и народные костюмы — всё это покорило сердца зрителей. Музыкальную часть вечера дополнил и молодой русский балалаечник Богдан Дюрдь, выступавший в Словацком институте благодаря сотрудничеству с Институтом культуры в городе Химки.

Но не только музыка, но и поэзия звучала на вечере в Словацком институте. Две молодые словакистки, студентки кафедры славянской филологии МГУ прочитали стихотворения Штура «На могиле матери» и «Девин» как в русском

переводе, так и в оригинале. Данные стихотворения в переводе председателя Союза переводчиков России Владимира Павловича Преснякова смогли в полной мере передать тот трагизм и при этом настоящий, возвышенный патриотизм, которым было пронизано всё творчество Штура и котором говорилось в начале этого вечера.

По окончании концертной программы все гости были приглашены в Галерею Словацкого института на просмотр выставки «Вехи жизни Людовита Штура», сопровождаемый, по традиции, небольшим фуршетом. На этой выставке около десятка плакатов рассказывают нам о жизни Людовита Штура, показывают места, которые были связаны с его рождением, активной деятельностью, с его любовью... Здесь представлена та Словакия, которую так любил и за которую и боролся этот человек.

Значение Людовита Штура действительно трудно переоценить, именем Штура в Словакии были названы многочисленные улицы, город Штурово на самом границе с Венгрией, а также небольшая планета Штур под номером 3393, блуждающая где-то на просторах вселенной...

220 девин. альманах. № 2. 2016 **22** девин. альманах. № 2. 2016

А. Машкова

РОССИЙСКИЙ СТЕНД НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КНИЖНОЙ ВЫСТАВКЕЯРМАРКЕ «БИБЛИОТЕКА» В БРАТИСЛАВЕ

С 5 по 8 ноября 2015 г. в Братиславе состоялась ежегодная книжная выставка-ярмарка «БИБЛИОТЕКА», которая проводится там с 1993 года. В этом году после долгого перерыва на ней был представлен стенд Российской Федерации «READ. RUSSIA». Российская пелегация, в состав которой входили сотрудники Института перевода во главе с директором Е. Резниченко, директор издательства «Молодая гвардия» Р. Косыгин, а также писатели В. Попов и А. Матвеева, привезли с собой самые разнообразные книги, изданные в последнее время. Это: классическая литература, произведения современных авторов, книги для детей, фантасти-

ка и др. Программа нашей делегации была очень объемна и насыщена. Она включала в себя презентации, круглые столы, семинары, конференции, встречи и т. п. В частности, интерес вызвали презентации книжного рынка России, Московской международной книжной выставки-ярмарки в Москве и Санкт-Петербургского книжного салона, экспозиции детской литературы и премии «Кенгуру», новых учебников русского языка, выпущенных издательством «Златоуст», серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия», коллективного труда ИСл РАН Центра книги Рудомино «Россия и русский человек в восприя-

тии славянских народов» и др. Плодотворно прошел Круглый стол под названием «Образ России — вчера, сегодня, завтра. Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы», который состоялся на философском факультете университета Коменского. Присутствовавшие студенты-русисты, преподаватели русского языка и литературы, переводчики с большим вниманием выслушали выступление директора Института перевода Е. Резниченко, который рассказал о достижениях и планах института. Перед собравшимися выступили также переводчики русской литературы Я. Замбор и Я. Штрассер.

Хотелось бы отметить большое место, которое занимали славянские, и, прежде всего словацкая, литературы в программе выставки, о чем свидетельствует специальный стол для переводов произведений словацких авторов на русский язык. Здесь были представлены книги, выпущенные различными российскими издательствами за последние десятилетия. Подробно об их создании посетители выставки имели возможность познакомиться на семинаре-презентации «Три антологии и другие издания: книги словацких авторов в переводе на русский язык», в котором приняли участие А. Маш-

кова и Ю. Созина. На одной из встреч с посетителями Е. Резниченко рассказал о международном проекте «Сто славянских романов», в рамках которого был издан роман словацкого писателя Л. Баллека. Заметным событием в программе выставки стала Конференция преподавателей русского языка, специалистов-русистов и изучающих русских язык и литературу под названием «К Году литературы в России. Узнаем Россию через ее язык и культуру». С большим вниманием были выслушаны сообщения Е. Резниченко, Н. Литвинец, Э. Малити, Э. Колларовой и других участников. С докладом «Русско-словацкие литературные связи» выступила А. Машкова.

Особо хотелось бы отметить интерес участников выставки, а также средств массовой информации к созданию и деятельности Общества Людовита Штура в Москве. Кроме его представления на выставке, по просьбе некоторых периодических изданий, радио и словацкого телеграфного агентства были даны специальные интервью на эту тему. Этот интерес еще более убедил в том, что создание Общества — дело важное, нужное не только для русской культуры, но и для укрепления культурных связей между русским и словацким народами.

222 ДЕВИН. АЛЬМАНАХ. № 2. 2016 **223**

Н. Шведова

ВЗЛЕТ ОРЛА

ВЕЧЕР С ЮРАЕМ САРВАШЕМ

10 ноября 2015 г. в Словацком институте в Москве состоялась встреча членов Общества Людовита Штура с известным словацким актером, декламатором, режиссером и педагогом Юраем Сарвашем. 10 апреля 2015 г., в год Людовита Штура в Словакии (200-летие со дня рождения), Юрай Сарваш представил в Театре Йозефа Грегора Тайовского в Зволене премьеру своей пьесы «Орел Татранский». Пьеса посвящена жизненному пути одного из гениев словацкого народа, самой харизматичной личности в его истории — ученому, поэту, журналисту, педагогу, общественному деятелю, главе словацкой романтической школы Людовиту Штуру (1815-1856). Пьесу перевела российская словакистка Анна Пескова, публикация состоялась в первом номере альманаха «Девин» (стихи Штура и других словацких поэтов переведены автором этих строк).

С приветствием Обществу выступил Посол Словацкой Республики в Российской Федерации Петер Припутен. Вступительное слово произнес директор Словацкого института в Москве Ян Шмигула. О деятельности Общества Людовита Штура рассказала его председатель, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Алла Германовна Машкова. Общество было создано в июне 2015 г. и уже можно говорить о серьезных успехах его деятельности. Фигура Штура для словацкой куль-

туры, как подчеркнула А.Г. Машкова, является наиболее репрезентативной. Был создан сайт Общества, появились первые отклики, вышел первый номер альманаха «Девин» (название древней славянской крепости, близ которой штуровцы в 1836 г. дали клятву в верности своему народу), в котором, в частности, опубликованы материалы конференции «Людовит Штур — выдающийся деятель словацкой культуры» (МГУ, 22 мая 2015 г.). А. Г. Машкова рассказала также о представленных на книжной выставке-ярмарке «БИ-БЛИОТЕКА» в Братиславе (4-8 ноября) словацких книгах в переводе на русский язык. Она выразила также благодарность господину Яну Шмигуле за поддержку в делах Общества.

Юрай Сарваш в своем выступлении сказал, что он рад снова оказаться в Москве, и поделился своими воспоминаниями о прежнем посещении нашей столицы. Он отметил, что Штур вел активную переписку с русскими славистами, в том числе — с И. И. Срезневским. Сарваш рассказал о премьере своей пьесы «Орел Татранский» (под таким названием издавалось литературное приложение к газете Штура «Народнье новини»), подчеркнув, что словацкие романтики-штуровцы имели выраженную склонность к славянству и к России. Переходя с русского на словацкий и обратно, Ю. Сарваш признался в любви к русской поэзии,

прежде всего — к Пушкину, и прочел стихотворения различных поэтов, в том числе — К. Симонова, С. Щипачева. Лучшим поэтом-романтиком у словаков Сарваш назвал Андрея Сладковича, прочитав фрагменты из его произведений, в частности — поэмы «Марина» (1846). Говоря об образе Штура в своей пьесе, Сарваш отметил как Штура-поэта, державшегося в тени других романтиков, так и Штура-политика, депутата австрийского сейма, защищавшего в речи 1848 г. словацкий язык — свою родную речь. Декламацию стихов словацких поэтов дополнили песни из пьесы, исполненные молодой словацкой актрисой Марией Олейниковой. Ю. Сарваш говорил и о творчестве словацких поэтов XX в. — А. Плавки, П. Горова, Я. Смрека, М. Ковача. Артистичный облик и воодушевление Юрая Сарваша, как и стихи, и песни, не могли не вызвать отклика у собравшихся. Его выступление стало яркой иллюстрацией единения двух славянских культур.

Орел Татранский — Людовит Штур — в очередной раз взлетел не только над родными Татрами, но и над обширными пространствами России.

А. Машкова

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВЫХ СЛОВАЦКИХ КНИГ

25 февраля на очередном заседании Общества Людовита Штура, которое состоялось в Словацком институте, были представлены новые книги переводов, монографии и учебные пособия по словацкой литературе, опубликованные в 2014–2015 гг.

Интерес присутствующих вызвала книга «Антология современной словацкой драматургии» (Составители А. Машкова и Д. Подмакова, предисловие Л. Широковой; переводы А. Машковой, Л. Широковой, Ю. Айхенвальда, Е. Минчёнок; издательство НЛО, 2014, 713 стр.), в которой представлен широкий спектр современных словацких драм, разных по тематики и художественному исполнению. Подобное издание осуществлено у нас в стране впервые и дает довольно полное представление о состоянии драматургии в Словакии. Книга включает в себя пятнадцать пьес, начиная с хорошо известной у нас пьесы О. Заградника «Соло для часов с боем» и заканчивая произведениями молодых драматургов (Л. Брутовски, М. Закутянска и др.). Большая часть драм, включенных в Антологию, уже ставились на сценах словацких театров (И. Буковчан «Страусиная вечеринка», Р. Слобода «Мачеха», С. Штепка «Десять заповедей», О. Шулай «Помощник» и др.), некоторые были переведены на другие языки и получили известность за рубежом (К. Горак «Бабло, гулянка и вечный свет» и др.). Пьесы О. Шулая «Помощник» и «Фила ловит иволгу» созданы на сюжеты известных прозаических произведений Л. Баллека и В. Шикулы.

Монография Н. Шведовой «"Чудесные искры": поэзия словацкого надреализма (1930-е — 1960-е гг.)», вышедшая в издательстве Института славяноведения РАН (2015), стала результатом одиннадцатилетней работы над чрезвычайно интересной темой — искусством единственного полностью сформировавшегося авангардного направления в словацкой культуре, расцвет которого пришелся на годы Второй мировой войны. Об этом явлении почти ничего не знают западные литературоведы и даже наши российские коллеги, занимающиеся модернистским искусством Западной Европы. Отечественные словакисты касались этой проблематики (Л.. Будагова, Ю. Богданов), но целостного исследования не было. Автор монографии рассказала об основных принципах движения, в котором ведущую роль играла поэзия, прежде всего такие авторы, как Р. Фабри, В. Райсел, Ш. Жари, Ю. Ленко, Я. Рак, П. Бунчак, Я. Брезина. Надреалисты, переименовавшие французское определение «сюрреализм» в более славянское, стремились показать, что их поэзия — это не чужеземная мода. Они говорили «да» всему прогрессивному в национальной традиции, в том числе творчеству романтика Я. Краля, и «нет» фашизму, который они считали «порабощением духа». Надреалисты

оказали огромное влияние на поэтов более молодых поколений, касаясь ранее «запретных тем», ввели в употребление свободный стих, ныне царящий в словацкой поэзии.

В книге А. Песковой «Словацкий экспрессионизм» (издательство Инфра-М, 2014, 10 п.л.) анализируется одно из самых продуктивных явлений словацкой литературы XX века в контексте актуальных для него европейских философских направлений и общеевропейского литературного процесса. (Заметим, что в России данное явление никогда не исследовалось; в Словакии лишь недавно появился труд Крочановой на эту тему.) Взяв за основу классификацию, предло-

женную известным словацким ученым Я. Штевчеком в объемном труде «История словацкого романа», автор особое внимание уделяет творчеству наиболее интересных писателей-экспрессионистов — Я. Грушовскому, Г. Вамошу, Т. Й. Гашпару, Ш. Летцу, а также экспрессионистическим тенлденциям, присутствующим в произведениях других писателей, представляющих иные литературные течения (М. Урбан, П. Илемницкий, Й. Цигер-Гронкий и т. п.).

Д.Ю. Ващенко в монографическом труде «Система неопределенных местоимений в словацком языке» (издательство Института славяноведения РАН, 2014) предлагает универсальную

уровневую модель анализа семантики местоимений, в которой выделяются три обязательных слоя: экзистенциальный, референциальный и коммуникативный. Использование формализованных критериев позволяет представить сходства и различия семантики местоимений на более объективной основе по сравнению с традиционными описаниями неопределенных местоимений словацкого языка.

Первую попытку осмысления проблемы словацко-русских литературных связей в широком литературном контексте в период с конца XVIII до начала XXI века представляет книга А. Машковой «Словацко-русские межлитературные связи: страницы истории» (издательство Инфра-М, 2013. 18 п. л.). Особое внимание автор уделяет «идее славянской взаимности», сформулированной деятелями словацкой культуры (Я. Коллар, Л. Штур и др.) и положительно воспринятой в России в XIX столетии. Кроме того, показано восприятие в Словакии творчества А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Чехова, С. Есенина, влияние творчества этих писателей на словацкую литературу, а также освещены контакты и история взаимоотношений Л. Толстого и Д. Маковицкого.

Основной для книги А. Машковой «История словацкой литературы от истоков до 1918 года (издательство Инфра-М, 2015, 10 п.л.) послужил многолетний опыт преподавания словацкой литературы на кафедре славянской филологии филологического факультета

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В ней изложена история словацкой литературы более чем десяти столетий, начиная с ІХ в. и до образования Чехословацкой республики в 1918 г. Автор дает подробную характеристику основных литературных эпох (Истоки, Средневековье, Ренессансный гуманизм, Барокко, Классицизм, Романтизм, Реализм, Словацкая Модерна) на фоне исторической и общекультурной ситуации соответствующих периодов, анализирует творчество наиболее ярких писателей и их произведения.

Говоря о презентации новых книг о словацкой литературе, нельзя не вспомнить книгу Ю. Богданова (1932-2010) «Очерки истории словацкой литературы XX века» (2013, Институт славяноведения РАН; 30 п.л.), в которую включены наиболее репрезентативные статьи, отражающие картину развития словацкой литературы ХХ века. Ю. Богданов — известный российский ученый-славист, более 50 лет проработавший в Институте славяноведения РАН. Всю жизнь он посвятил словацкой литературе, был автором не только фундаментальных научных работ, но и ярких предисловий, переводчиком произведений словацких писателей.

Все упомянутые книги свидетельствуют о большом профессионализме наших словакистов, их интересе к Словакии, ее культуре, литературе, языку.

НОВЫЕ КНИГИ

Г. Кубишова

ТВОРЧЕСКОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЛИЧНОСТИ ШТЕФАНА КРЧМЕРЫ

Umelecký portrét Štefana Krčméryho. Banská Bystrica, 2015 «Родина моя, где ты? Там, где есть свобода, там ты...»

III. Крчмеры

В 2015 году вышла в свет монография Йозефа Татара «Художественный портрет Штефана Крчмеры», посвященная выдающемуся уроженцу Тренчина, поэту, организатору культурной жизни Словакии, секретарю возрожденной в 1919 году Матицы словацкой, редактору журнала «Словенске погляды» (1922-1932) Штефану Крчмеры (1892, Мошовце — 1955, Пезинок). Творчество Крчмеры сравнительно хорошо исследовано, в частности, в работах А. Матёвчика («Слово чистое», 1979), Г. Крчмеры, Й. Вртеловой-Крчмеры и др. Многие исследования, посвященные ему, публиковались в различных сборниках. Что касается монографии Й. Татара, то

она представляет собой обобщенное исследование, в котором анализируется поэзия Кочмеры, а также последние, недавно обнаруженные рукописи. В биографическо-библиографическом разделе книги автор рассказывает о судьбе Ш. Крмеры, о его философских взглядах, прежде всего об отношении к Ф. Ницше, А. Бергсону, А. Шопенгауэру и др. Как отмечает автор монографии, помимо художественного творчества и литературоведения Крчмеры был необычайно увлечен своей работой в Матице словацкой. Он поддерживал активную переписку с Т.Г. Масариком, способствовал укреплению чешско-словацких контактов, а в 1919 году активно высту-

229

228 ДЕВИН. АЛЬМАНАХ. № 2. 2016

пал против чехословацких устремлений навязать чехам и словакам общий язык. Последняя треть его жизни, однако, отмечена жизненными и психическими проблемами, которые помешали ему в полной мере реализовать собственные творческие планы. Однако, подчеркивает Татар, даже этот период биографии Крчмеры нельзя оценивать только как черно-белый. Подтверждение тому — две недавно обнаруженные рукописи («И еще летящие тени, Ваянский»), которые привела в порядок и снабдила комментариями чешский словакист А. Зеленкова.

В главе «Анализ и интерпретация любовной поэзии» Татар подчеркивает, что любовная поэзия не является основной в творчестве Крчмеры, что она представлена весьма скромно и что в ней деликатно, намеками присутствуют интимные мотивы. В юношеских стихах поэт пишет о любви как бы застенчиво, в символических красках; в стихотворении «Фата невесты», написанном сразу после свадьбы, он соединяет интимное начало с пейзажными зарисовками татранской природы и видением спокойного будущего. В главе «Героизм как тематическая альтернатива (не только) в художественном творчестве» автор монографии интерпретирует высказывание Крчмеры о том, что «Словак сегодня инстинктивно постигает свою историю, впитывает ее в себя...». В его поэтическом творчестве историзм проявился с наибольшей силой в сборнике «Песни и баллады» (образы Косела, Прибины, Кирилла и Мефодия, Яношика), а также в новеллах книги «Зимняя легенда». В главе «К словацко-славянскому масштабу европейского творчества» автор

книги проводит мысль об увлечении словаков зарубежными образцами после 1918 года, которому поддался и Ш. Крчмеры. В частности, его книга «Из зарубежных садов» включает в себя подборку русской и польской поэзии. По поводу феномена славянства, точнее восточных славян, поэт выразил свое отношение в стихотворении «Посланник с востока», где он использовал топонимическую аллегорию (названия рек Волга — Днестр — Висла). Славянская проблематика встречается и в его исторической прозе «Полтава», где он сравнивает край, расположенный у Днестра, с Трнавской низиной. Статья Крчмеры «Словакия и ее литературная жизнь» является доказательством реалистического взгляда на общественно-политическую жизнь словацкого народа в период после 1918 года. По мнению Татара, в творчестве Крчмеры доминировал патриархальный образ жизни в сочетании с уважением к традициям. Ему гораздо ближе была культурная политика и проблемы развития литературы, нежели мало продуктивное политизирование.

В заключительной главе «И еще летящие тени» Татар рассказывает об истории обнаружения интересных произведений Крчмеры, относящихся к 1933 г., т. е. к одному из самых сложных периодов его жизни, когда проявились признаки заболевания, связанного с психикой. Благодаря усилиям А. Зелинковой, читательская аудитория имеет возможность познакомиться с автобиографическими очерками жизни Крчмеры, в которых едва очерченное действие происходит в довольно экзотической среде (Женева, весна в Альпах). Основные действующие

лица — Руссо, Байрон и автобиографическая фигура словацкого студента теологии. Издатель произведения обращает внимание на сложность жанровой формы этой прозы, в которой можно обнаружить заратустровскую идею «Оставайтесь верны земле, братья мои», часто присутствующую в словацком искусстве. Эта проза, так же как и эссе «Ваянский», содержит массу интертекстовых вставок, в которых Шкультеты говорит о своем уважении к величайшим представителям русской культуры (например его высказывание по поводу Тургенева: «Я не знаю более

прекрасной работы о Тургеневе, чем то, что вышло из-под пера Ваянского. С таким уважением Ваянский мало о ком писал»). Публикация обоих названных прозаических произведений, явившаяся заслугой А. Зелинковой, стала блестящим завершением творческого наследия Ш. Крчмеры.

Монография Татара может в значительной мере способствовать более глубокому проникновению в творчество Крчмеры, воссозданию картины его художественного творчества.

Перевод А. Машковой

Йозеф Татар (рожд. 1954) — ученый, поэт, эссеист, издатель, доцент университета Матея Бела в Банской Быстрице. Основной интерес как ученого сосредоточен на исследовании словацкой поэзии, о чем свидетельствуют многочисленные статьи и монографии («Поэтическое межпоколение. От реализма к модерне», 2002, «Поэт и любовь», 2006, «Из поэзии трех столетий», 2013, «Поэт на распутье», 2014).

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ДЕВИН

Издается с 2015 г. 1(2)/2016

Главный редактор: А. Машкова Редакционная коллегия: Л. Широкова, Е. Майорова

Общество Людовита Штура в Москве

Д25 Девин: Альманах Общества Людовита Штура в Москве. № 1(2). М.: МИК, 2016. — 232 с.

> УДК 811.16 ББК 81.2

ISBN 978-5-87902-348-0

© Общество Людовита Штура в Москве, 2016

Сдано в набор 10.04.2016. Подписано в печать 10.05.2016. Формат $60\times90~^{1}/16$. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 200~ экз. Заказ

Издательство «МИК».

Москва, ул. Б. Переяславская, д. 15, кв. 52 Лицензия на издательскую деятельность M 060412 от 14 января 1997 г.

ISBN 978-5-87902-348-0